

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (44) 2023

Главный редактор:

Симоненко Д.А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Чечётин А.Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т.Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М.А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В.В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Цуканов Н.Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю.П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н.А., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук, доцент
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А.Г., канд. юрид. наук
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Киселёва М.А., канд. юрид. наук
Кукарцев В.Н., канд. юрид. наук
Малетина М.А., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Топчиева Т.В., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова Л.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А.М., канд. юрид. наук, доцент
Широва Э.Х., канд. юрид. наук
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент
Янгаева М.О., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://www.vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 27.11.2023.
Выход в свет 30.11.2023.
Заказ № 445. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 23,8. Тираж 28 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2023

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (44) 2023

Editor-in-Chief:

Simonenko D.A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor

Chechetin A.E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E.S., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Beketov O.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Buchakova M.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Davidov S.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Grjaznova T.Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Derishev Y.V., Doctor of Science (Law), Professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor,

Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kim D.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kodan S.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kozhevina M.A., Doctor of Science (Law), Professor

Mazunin Y.M., Doctor of Science (Law), Professor

Sharapov R.D., Doctor of Science (Law), Professor

Shkaplerov Ju.P., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Sumachev A.V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Plaksina T.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Sorokin V.V., Doctor of Science (Law), Professor

Tsukanov N.N., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Vasilev A.A., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N.A., Candidate of Science (Law)

Bachurin A.G., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Belitskij V.Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Botvin I.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bragina A.G., Candidate of Science (Law)

Ermakova O.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova L.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova O.S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kiseleva M.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kukartsev V.N., Candidate of Science (Law)

Maletina M.A., Candidate of Science (Law)

Ovchinnikova O.D., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shaganyan A.M., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shirova E.Kh., Candidate of Science (Law)

Shmidt A.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Tirishkin V.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Topchieva T.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Yangaeva M.O., Candidate of Science (Law)

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere

of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.

Registration certificate

PI No. FS77-57487 dated

27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:

RINTS contract

No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog

of «ARZL»

Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.

Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,

Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,

Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.

www. <http://vestnik.buimvd.ru>.

E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 27.11.2023.

Issue date 30.11.2023.

Order 445. Format 60x84/8.

Conventional printed sheets 23,8.

Issue 28 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2023

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Довгань К. Е.</i> Особенности рамочного правового регулирования в законодательстве Скандинавских стран	5
<i>Мухаметов П. А., Ханахмедова Л. В.</i> Роль региональной элиты Южного Урала в трансформации советского государства и права во второй половине 1980-х гг.	12
<i>Селиванов А. С.</i> Качественные характеристики организации правоприменительной юридической технологии	18
<i>Сидорук А. Ю.</i> Сущность ограничений публичной власти через призму прав и свобод человека	23
<i>Суверов С. Е., Борков В. Н.</i> Соотношение позитивного и естественного права в криминализации деяний	29
<i>Червонюк В. И.</i> Идея целостности права и ее концептуализация современной теорией и философией права	37
<i>Щербинина А. В.</i> О причинах коррупционного правосознания как одного из основных источников коррупции и способах противодействия ей	43

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Андреева Т. Д.</i> Публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности	49
<i>Гончаров В. В.</i> Презумпция добросовестности деятельности объектов общественного контроля в России как его принцип	54
<i>Грищенко Л. Л., Синодов И. А.</i> О некоторых особенностях деятельности органов внутренних дел в связи с проведением специальной военной операции	61
<i>Гумаров И. А., Тырышкин В. В.</i> К вопросу об исполнении административных и уголовных наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами	67
<i>Зубкова В. С.</i> Конституционный принцип единства прав и обязанностей личности в социальных правах: современные тенденции	72
<i>Кригер Ю. А., Федяев Е. А.</i> Особенности квалификации административного правонарушения по статье 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	78
<i>Кубасов И. А., Лекарь Л. А.</i> Отдельные вопросы административно-правовой регламентации создания защищенной инфраструктуры цифрового полицейского участка	85
<i>Овчинникова О. Д., Шаганян А. М.</i> К вопросу о сущности и типах конституционных ценностей	90
<i>Павлюченко А. М.</i> К вопросу о совершенствовании правовой основы деятельности полиции по реализации функций в сфере миграции	97

Уголовно-правовые науки

<i>Еремеева А. Н.</i> Возможности применения ситуационного подхода в методике расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет	104
<i>Климович Н. В.</i> Понятие условного освобождения от уголовной ответственности	110
<i>Лебедева Ю. В.</i> Актуализация компетенций следователя (дознателя), необходимых для взаимодействия с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями в ходе предварительного расследования	117
<i>Лоос Е. В.</i> Некоторые вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности	123
<i>Мазунин Я. М., Машилякевич В. А.</i> О потенциале использования возможностей нейросетей в целях выявления и раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи	130
<i>Петухов Е. Н.</i> Сущность категории «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства» в теории уголовного процесса	136
<i>Пучнина М. Ю., Пучнин А. В.</i> Современный молодежный экстремизм в условиях цифровизации общества: тенденции, методы распространения, технологии вовлечения, направления противодействия	142
<i>Тепляшин П. В., Молоков В. В.</i> Криминологический анализ динамики, структуры и корреляционных связей уголовно-статистических признаков преступности	150
<i>Топчиева Т. В.</i> Вновь к вопросу о явке с повинной	161
<i>Федорова Е. А.</i> Криминологическая характеристика преступлений с административной преюдицией в современной России	167
<i>Шкаплеров Ю. П.</i> Институт возвращения следователем органу дознания заявления или сообщения о преступлении для проведения проверки: возникновение и проблемы реализации в Республике Беларусь	176
<i>Янгаева М. О.</i> Получение криминологически значимой информации о личности преступника путем поиска по открытым источникам (OSINT)	181

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Dovgan K. E.</i> Peculiarities of Framework Legal Regulation in the National Legislation of the Scandinavian Countries	5
<i>Mukhametov P. A., Khanakhmedova L. V.</i> Regional Elite of the South Ural in the Era of Transformation of the Soviet State and Law (Second Half of the 80s of the XX Century)	12
<i>Selivanov A. S.</i> Quality Characteristics of Law Enforcement Technology Organization	18
<i>Sidoruk A. Yu.</i> Essence of Limitation on Public Power through the Prism of Human Rights and Freedoms	23
<i>Suverov S. E., Borkov V. N.</i> Relationship of Positive and Natural Law in the Criminalization of Acts	29
<i>Chervonyuk V. I.</i> Idea of the Law Integrity and its Conceptualization by Contemporary Theory and Philosophy of Law	37
<i>Shcherbinina A. V.</i> About the Reasons of Corruption Awareness as one of the Main Sources of Corruption and Ways to Counter it	43

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Andreeva T. D.</i> Public-Legal Mechanism for Ensuring Human Security	49
<i>Goncharov V. V.</i> Presumption of Good Faith of the Activities of Objects Public Control in Russia as its Principle	54
<i>Grishchenko L. L., Sinodov I. A.</i> About Some Features of the Activities of the Internal Affairs Bodies in Connection with the Conduct of a Special Military Operation	61
<i>Gumarov I. A., Tyryshkin V. V.</i> Revisiting the Execution of Administrative and Criminal Penalties in the Form of Deprivation of the Right to Drive Vehicles	67
<i>Zubkova V. S.</i> Constitutional Principle of the Unity of Human Rights and Duties in the Social Sphere: Current Trends	72
<i>Krieger Yu. A., Fedyaev E. A.</i> Features of the Qualification of an Administrative Offense under Article 7.27.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offense	78
<i>Kubasov I. A., Lekar L. A.</i> Selected Issues of Administrative and Legal Regulation of Creating a Secure Infrastructure for a Digital Police Station	85
<i>Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M.</i> Essence and Types of Constitutional Values	90
<i>Pavlyuchenko A. M.</i> Revisiting the Improving the Legal Framework of Police Activities in Implementing Functions in the Field of Migration	97

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Eremeeva A. N.</i> Possibilities of Applying the Situational Approach in the Methodology of Investigating the Illegal Sale of Narcotic Drugs Committed Using the Internet Information and Telecommunication Network	104
<i>Klimovich N. V.</i> Concept of Conditional Release from Criminal Liability	110
<i>Lebedeva Ju. V.</i> Updating the Competencies of the Investigator (Interrogator) Necessary for Interaction with Minor Victims and Witnesses at the Stage of Preliminary Investigation	117
<i>Loos E. V.</i> Some Issues of Qualification of Crimes against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of a Person	123
<i>Mazunin Ya. M., Mashlyakevich V. A.</i> On the Potential of Utilizing Neural Network Capabilities to Detect and Uncover Telephone Fraud	130
<i>Petukhov E. N.</i> Essence of the Category «Assurance the Proper Performance of Duties by Participants in Criminal Proceedings» in the Theory of Criminal Procedure	136
<i>Puchnina M. Yu., Puchnin A. V.</i> Current Youth Extremism in the Conditions of Digitalization of Society: Trends, Methods of Distribution, Technologies of Engagement, Directions of Counteraction	142
<i>Tepliyashin P. V., Molokov V. V.</i> Criminological Analysis of Dynamics, Structure and Correlations of Criminal and Statistical Characteristics of Crime	150
<i>Topchieva T. V.</i> Revisiting the Acknowledgement of Guilt	161
<i>Fedorova E. A.</i> Criminological Characteristics of Crimes with Administrative Prejudice in Contemporary Russia	167
<i>Shkaplerov Yu. P.</i> Institution of Returning a Statement or a Report on Crime by the Investigator to the Body of Inquiry for Verification: Occurrence and Problems of Realization in the Republic of Belarus	176
<i>Yangaeva M. O.</i> Obtaining Forensically Significant Information about the Identity of a Criminal by Searching Open Sources (OSINT)	181

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 5–11.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 5–11.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34(48)

ОСОБЕННОСТИ РАМОЧНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Ксения Евгеньевна Довгань

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, dok.2122@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4614-1936>

Аннотация. В статье рассматриваются свойства рамочного правового регулирования, которые проявляются благодаря использованию определенных правовых средств, в т. ч. относительно-определенных правовых норм, специальных терминов, а также благодаря созданию рамочного законодательства. Предмет рамочного правового регулирования закрепляет общее правовое положение, статут, на основе которого устанавливаются конкретные права и обязанности, регламентируются особенности правоотношений. В Скандинавских странах рамочное правовое регулирование применяется в различных отраслях, в т. ч. в области финансового права, в вопросах обсуждения проекта государственного бюджета на соответствующие периоды. Кроме того, используются специальные юридические термины «рамочные условия», «рамочные дотации», «модель рамочного решения» и др. Данная статья представляет собой продолжение исследования концепции рамочного правового регулирования зарубежных стран.

Ключевые слова: общерегулятивные правоотношения, рамочное правовое регулирование, общее правовое положение, неопределенность, рамочный закон

Для цитирования: Довгань К. Е. Особенности рамочного правового регулирования в законодательстве Скандинавских стран // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 5–11.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

PECULIARITIES OF FRAMEWORK LEGAL REGULATION IN THE NATIONAL LEGISLATION OF THE SCANDINAVIAN COUNTRIES

Kseniya E. Dovgan

Altai State University, Barnaul, Russia, dok.2122@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4614-1936>

Abstract. The subject of framework legal regulation is based on general regulatory legal relations. They are characterized by a general rather than individualized character, which contributes to the duration of the existence of a legal norm, a regulatory legal act that regulates the relevant legal relationship. The subject of framework legal regulation establishes a general legal provision, a statute, on the basis of which specific rights and obligations are established, and the features of legal relations are regulated. In the Scandinavian countries, framework legal regulation is applied in various areas, including in the field of financial law, in matters of discussion of the draft state budget for the relevant periods. In addition, special legal terms «framework conditions», «framework subsidies», «framework decision model» and others are used. This article is a continuation of the study of the concept of framework legal regulation of foreign countries.

Keywords: general regulatory legal relations, framework legal regulation, general legal status, uncertainty, framework law

For citation: Dovgan K. E. Peculiarities of framework legal regulation in the national legislation of the Scandinavian countries. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:5–11 (In Russ.).

© Довгань К. Е., 2023

Каждый вид правового регулирования включает в себя юридические средства, с помощью которых осуществляется воздействие на общественные отношения. Данные юридические средства образуют механизм нормативного правового регулирования, который включает определенный комплекс юридических конструкций. С. С. Алексеев, М. Н. Марченко, А. Ф. Шебанов к ним относили «наличие правил общего действия», «неоднократность действия», «общую регламентацию», включающую в предмет регулирования различные виды общественных отношений [1, 2, 3].

А. Ф. Шебанов отмечал, что нормоустановитель стремится формулировать правовые нормы ясно, четко и полно с целью достижения единообразия понимания и его исполнения [3, с. 8]. А. И. Экимов писал: «...для предотвращения нарастания внутрисистемной нестабильности применяют различные приемы и методы законодательской техники» [4, с. 171].

Ю. А. Тихомиров констатирует изменения в праве и законодательстве, которые сопровождаются смещением методов правового регулирования, проникновением частных методов в публично-правовые отрасли, активным закреплением в законодательстве договорных конструкций и дискреции, возможностью проявления усмотрения законодателя и правоприменителя в публичном праве [5, с. 117].

Подобные изменения в процессах правового регулирования обусловлены такими тенденциями, как активная динамика развития общественных отношений, глобализация, демократизация, что в том числе приводит к расширению предмета правового регулирования и созданию единого правового пространства [5, 6].

Задача законодателя состоит в создании особого правового режима, который позволяет достигать целей правового регулирования. В этой связи С. В. Бошно, характеризуя признаки нормативных правовых актов, отмечает их волевой характер [7, с. 4–6]. Цели правового регулирования определяются теми правовыми средствами, которые избирает законодатель. Цель «имеет объективный источник и субъективную природу. В той мере, в какой правовые цели определяются объективным источником, они обусловлены исключительно интересами. А в той мере, в какой характеризуются субъективной природой, они определяются интересами и требованиями справедливости» [8, с. 55].

С одной стороны, в зависимости от особенностей и динамики общественных отношений нормоустановитель выбирает определенные методы

и правовые средства в процессе правового регулирования. Их выбор определяется особенностями связей и отношений в обществе. А с другой стороны, необходимость оперативного урегулирования общественных отношений в целях защиты прав и свобод субъектов права вынуждает законодателя обращаться к использованию в процессе правового регулирования особых правовых инструментов, в т. ч. внедрять механизм рамочного правового регулирования.

Римский договор 1957 г. заложил основу так называемой европейской интеграции, в результате чего стирались границы между государствами, в т. ч. в области правового регулирования. Дальнейшие процессы европейской интеграции особо усилились в 1992 г. в связи с созданием Европейского союза, в результате чего широкое применение получил институт рамочного правового регулирования.

Для рамочного правового регулирования характерен более высокий уровень обобщения, поскольку регламентируются отношения с участием государства. При этом закрепляется общее правовое состояние субъектов. Н. И. Матузов называл такие правоотношения общими или общерегулятивными [9], «как первичная форма юридического опосредования реальных жизненных отношений, в рамках которых и находились бы новые специфические права» [9, с. 29]. При этом предмет рамочного правового регулирования включает не конкретизированные правоотношения, «не столь детализированные, относительно стабильные (длящиеся) связи» [9, с. 23]. Предмет рамочного правового регулирования закрепляет определенный род или вид правоотношений (например, конституционные, административные, финансовые и иные правоотношения).

Длительность законотворческого процесса органов представительной власти не всегда позволяет оперативно, точно и конкретно урегулировать новые общественные отношения, новые причины изменений общественных отношений [10]. В этой связи законодатель обращается к рамочному правовому регулированию.

Напомним, что согласно словарю, «закон-рамка» — это «предусматривающий детализацию со стороны исполнительной власти» [11]. Наибольшее развитие данный вид правового регулирования получил в странах Европейского союза в силу своих особенностей законодательной политики. Тем не менее национальное законодательство стран — участников Европейского союза содержит (в рамках своей правовой системы) отдельные элементы рамочного правового регулирования.

Ранее в своих работах мы упоминали, что «рамочный закон Деферре» (№ 56–619) предполагал передачу полномочий правительству, в частности профильному министерству, по вопросу проведения правовой реформы во французских колониях¹.

М. В. Глигич-Золотарева, Н. М. Добрынин, И. А. Конюхова и многие другие рассматривали рамочное правовое регулирование при характеристике вопросов разграничения компетенции в федеративных государствах, что основано на компетенции Российской Федерации в разграничении предметов ведения и полномочий, а также законодательской деятельности субъектов Российской Федерации [12, 13, 14].

В. В. Невинский анализировал детальное и рамочное правовое регулирование при обсуждении вопросов совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов [15, с. 193]. В этой связи законодательство Российской Федерации и субъектов РФ определяет единство правового пространства РФ, является «важнейшей формой реализации полномочий», «находящей конкретное выражение в системе нормативных правовых актов» [16].

Т. Я. Хабриева отмечает, что в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов находятся отношения, связанные с защитой прав и свобод человека и гражданина, в т. ч. с функционированием экономики страны в целом [17, с. 32].

Несмотря на исследования рамочного правового регулирования в области конституционного, международного права, где оно рассматривается в качестве принципа разграничения предметов ведения и полномочий, данная теория получила развитие и в иных отраслях отечественного и зарубежного законодательства.

Е. В. Овчарова, анализируя вопросы налогового контроля, отмечает существование рамочного правового регулирования в области административного и налогового права: «недостаточная определенность правовых норм, обусловленная наличием рамочного правового регулирования на уровне закона и его детализацией на подзаконном уровне, часто — в ведомственных актах, принимающихся для служебного пользования и не подлежащих официальному опубликованию» [18, с. 137].

В зависимости от особенностей соответствующего государства рамочное правовое регулирование создает основу для реализации правотвор-

ческих полномочий нижестоящих органов законодательной власти либо исполнительной власти. Свойства рамочного правового регулирования проявляются благодаря использованию определенных правовых средств, созданию рамочного законодательства и т. д.

И. А. Ракитская отмечает существование рамочных законов в Норвегии. Данные акты включают в себя общие принципы правового регулирования, которые в дальнейшем конкретизируются монархом либо иным органом исполнительной власти. Законодательство Норвегии не разграничивает категории «закон», «рамочный закон», «закон о делегировании» [19, с. 53; 20, с. 71].

«Legal Framework» является универсальным термином, в Скандинавских странах определяется как правовая база («нормативно-правовая база»), основы правового регулирования в какой-либо определенной сфере, рассматривается как первоисточник, формирующий «первичные нормы».

Если рассматривать термин «Framework legal regulation», то под ним понимается либо рамочное правовое регулирование, либо делегированное правовое регулирование. Основным критерием разграничения являются органы, осуществляющие правотворческую конкретизацию.

Конечно, любое сочетание в законодательстве терминов со словом «рамочный» является метафорой. Метафоричность в праве создает определенный образ юридической абстракции, представляет понятие в определенном переносном значении. Формы закрепления метафор бывают различные, и, соответственно, их содержание тоже различается.

В определенных отраслях права метафоры обладают устоявшимся содержанием. А. Ф. Черданцев метафоры определял как «логико-языковой феномен» [21, с. 290], обладающий особыми свойствами и правилами применения.

Понятие «рамочный» выступает в качестве научного приема, с помощью которого правоотношения приобретают особый смысл. Юридическая доктрина Норвегии также упоминает категории «рамочные условия» и «рамочные дотации», которые встречаются в вопросах обсуждения проекта государственного бюджета парламентом, так называемым Стортингом. Профильный комитет финансов и экономических вопросов Стортинга разрабатывает «финансовые рекомендации», включающие рамочные условия, а также рекомендации по рамочным дотациям [20, с. 67–68].

Определенные особенности рамочного правового регулирования можно встретить и в законода-

¹ См.: Довгань К. Е. Развитие рамочного правового регулирования во Франции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2 (43). С. 84–85.

тельстве Швеции. Например, в области финансового права, в т. ч. по вопросам распределения бюджетных ассигнований. Закон о государственном бюджете Швеции содержит категорию «рамочные ассигнования» (раздел 6)¹. В данном законе «рамочные ассигнования» являются одним из трех видов бюджетных ассигнований [20, с. 51]. В законе сказано, что их трата ограничивается суммами не более 10 %, в то время как иные виды бюджетных ассигнований такие пределы не прописывают [20, с. 51].

Особенностью правового регулирования рамочных ассигнований является установка их пределов. Н. А. Власенко называет подобные нормы «относительно-определенными», а нормативные правовые акты, состоящие из относительно-определенных норм, в таком случае содержат правовую неопределенность, включают цели и задачи, предмет и пределы правового регулирования [22, с. 23–24].

Начиная с 1996 г. юридическая доктрина в Швеции упоминает категорию «модель рамочного решения» (*rambeslutsmodell*) [23, 24]. Ежегодно законодательным органом власти, Риксдагом, принимается решение по проекту бюджета на следующий год. Рамочная модель принятия решений — это подход, который использует Риксдагом в первоначальной редакции законопроекта о бюджете. Риксдаг устанавливает пределы, лимиты расходов, а нижестоящие органы в рамках своих полномочий по принятию правовых актов их конкретизируют [25].

В соответствующем законопроекте о бюджете Швеции сказано, что расходы и расчеты «устанавливаются в указанных рамках», суммы устанавливаются в определенных пределах, например в пределах 1000 крон. В законопроекте о бюджете на 2023 г. Риксдаг устанавливает пределы расходов государства, в т. ч., например, на пенсионную систему² [26].

Анализ вышеприведенных правовых норм, создаваемых в результате рамочного правового регулирования, позволяет оценить их двойственный характер. С одной стороны, данные правовые нормы содержат императивные требования для иных уполномоченных органов по осуществлению дальнейших юридических действий. С другой сто-

роны, устанавливаются рамки юридической деятельности для уполномоченных субъектов, предоставляется им возможность по своему усмотрению реализовывать свои права и обязанности, компетенцию. Подобное сочетание, по мнению Н. Г. Селютиной, способствует длительности и стабильности возникающих правоотношений, особенно это характерно для финансовой сферы [26].

В. Д. Перевалов писал: «...практика показывает, что в тех случаях, когда в процессе правотворчества не учитываются в достаточной мере научные рекомендации, степень эффективности юридических норм значительно снижается» [27, с. 9]. В этой связи рассматриваемая тематика требует изучения как со стороны различных отраслей права, так и в рамках теоретико-правовых исследований. Элементы рамочного правового регулирования как общие, относительно-определенные нормы могут составлять основу законопроекта, так и быть его малой частью, закрепляться в отдельном разделе либо нескольких статьях. Конечно, к логико-содержательным рискам можно отнести проблемы многозначного содержания употребляемых словосочетаний с термином «рамочный», поскольку создается многозначность в дискреции правоприменителя или иного уполномоченного субъекта. Задача законодателя состоит в выборе оптимальных и разумных правовых инструментов, которые будут способствовать стабильности и эффективности правового регулирования, а также обеспечению основных прав и свобод граждан и иных субъектов права. Целью рамочного правового регулирования является разработка общей модели поведения субъектов, которая бы закрепляла наиболее эффективный механизм упорядочивания общественных отношений, и особая роль в этом процессе отводится органам представительной и исполнительной власти.

Таким образом, практика свидетельствует, что элементы рамочного правового регулирования встречаются в законодательстве отдельных Скандинавских стран. Понятие «рамочный» противопоставляется «конкретному», «определенному», «частному», что предполагает его базовость, основу, важность, стабильность. В силу ряда обстоятельств понятие, включающее термин «рамочный», приобретает общий характер, а в финансовых правоотношениях — смысл универсальной и общей меры, качественно-количественной характеристики. Это предопределяет длящийся характер правовой нормы либо закона, включающий данное понятие. Кроме того, относительно-определенные правовые нормы способствуют длительно-

¹ Закон о государственном бюджете 1996 г. (SFS № 1996:1059). URL: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=1996:1059/> (дата обращения: 01.05.2023).

² Законопроект о бюджете на 2023 г. URL: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/proposition/2022/11/prop.-2022231/> (дата обращения: 01.05.2023).

му характеру соответствующих правоотношений: формулируют пределы с помощью слов «в пределах», «от... до», «в указанных рамках», «в определенном проценте», «не более...», «не менее...» и т. п. Законодательное регулирование финансовой сферы, бюджетного процесса создает благоприятную область для применения элементов рамочного правового регулирования с точки зрения использования универсальных категорий для дальнейшей конкретизации правоотношений и достижения целей правового регулирования.

При рамочном правовом регулировании в нормативных правовых актах закрепляются общие (общерегулятивные) правоотношения, которые фик-

сируют основы правового регулирования. Исходя из особенностей государства, «первичные» нормы создаются органом представительной власти, а их конкретизация осуществляется либо органами исполнительной власти, либо иными нижестоящими законодательными органами. При этом активно распространяется правотворческая практика органов исполнительной власти, подменяющих законодательную. Конечно, эффективность подобной тенденции прослеживается в оперативном реагировании правового регулирования на изменения в общественных отношениях. Однако правотворческая деятельность органов исполнительной власти должна осуществляться в рамках, установленных законом.

Список источников

1. Алексеев С. С. О нормативном регулировании в коммунистическом обществе // XXII съезд КПСС и вопросы государства и права: сборник статей. Свердловск, 1962. С. 281–295.
2. Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. Т. 3. 698 с.
3. Шебанов А. Ф. Нормативные акты советского государства: лекции юридического факультета. М., 1956. 39 с.
4. Экимов А. И. Проблема стабильности права в юридической науке // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения = Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: мат-лы Всероссийской научной конференции (Москва, 24–25 марта 2017 г.) / отв. ред. М. В. Немытина. М.: РУДН, 2018. С. 165–172.
5. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник для юрид. фак. и вузов. М.: Бек, 1995. 496 с.
6. Общая теория прав человека / И. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин, И. А. Ледях [и др.]; отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 1996. 520 с.
7. Бошно С. В. Нормативный правовой акт: развитие признаков в правоприменительной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 4. С. 4–6.
8. Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 51–61.
9. Матузов Н. И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. № 3. С. 23–33.
10. Варламова Н. В. Представительные органы публичной власти: содержание понятия // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 1. С. 5–18.
11. Большой французско-русский и русско-французский словарь. 2003. URL: https://french_russian.academic.ru/237945/loi-cadre?usclid=19az4x1a34126785687 (дата обращения: 01.05.2023).
12. Глигич-Золотарева М. В. Теория и практика федерализма: системный подход / науч. ред. Н. М. Добрынин. Новосибирск: Наука, 2009. 639 с.
13. Глигич-Золотарёва М. В., Добрынин Н. М. Разграничение компетенции: от передачи полномочий к устойчивому развитию // Федерализм. 2007. № 4. С. 5–24.
14. Колюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. М.: Городец, Формула права, 2004. 592 с.
15. Невинский В. В. «Преобразование» конституционных основ российского федерализма: избранные аспекты // Право и государство: приоритеты XXI века: мат-лы Всероссийской научно-практ. конференции (Барнаул, 29–30 сентября 2006 г.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 190–194.
16. Невинский В. В. Нормотворчество субъектов Российской Федерации // Субъект Российской Федерации. Правовое положение и полномочия: научно-практ. пособие / отв. ред. Б. С. Крылов. М.: Юрид. лит., 1998. С. 110–136.
17. Хабриева Т. Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: мат-лы международной научно-практ.

конф-ции (Нижегород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 26–38.

18. Овчарова Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 137–158.

19. Ракитская И. А. Особенности законодательного процесса в Норвегии // Право и управление. XXI век. 2012. № 2 (23). С. 48–55.

20. Законодательный процесс в зарубежных странах: учебное пособие / Ю. И. Лейбо [и др.]; под ред. Ю. И. Лейбо. М.: МГИМО Университет, 2012. 172 с.

21. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. М.: Инфра-М, 2012. 320 с.

22. Власенко Н. А. Язык права: монография. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 176 с.

23. Lagen.nu. URL: <https://lagen.nu/sou/2008:115> (дата обращения: 01.05.2023).

24. Så beslutar riksdagen om statens budget. URL: <https://www.riksdagen.se/sv/sa-funkar-riksdagen/fran-forslag-till-budget/sa-beslutar-riksdagen-om-statens-budget/> (дата обращения: 01.05.2023).

25. Ordlista — Regeringen. Bilaga 7. Ordlista. URL: <https://www.regeringen.se/49bb38/contentassets/30b9031a18f943efb4d426757ce3fa22/bilaga-7-ordlista> (дата обращения: 01.05.2023).

26. Семилютина Н. Г. Проблема соотношения гражданского законодательства и специального законодательства о рынке финансовых услуг (на примере федерального закона «Об инвестиционном товариществе») // Журнал российского права. 2012. № 7 (187). С. 116–124.

27. Перевалов В. Д. Механизм правового регулирования как идея и реальность // Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 5–12.

References

1. Alekseev S. S. O normativnom regulirovanii v kommunisticheskom obshchestve // XXII s'ezd KPSS i voprosy gosudarstva i prava: sbornik statej. Sverdlovsk, 1962. S. 281–295.

2. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskij kurs: v 3 t. / otv. red. M. N. Marchenko. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2013. T. 3. 698 s.

3. Shebanov A. F. Normativnye akty sovetskogo gosudarstva: lekcii yuridicheskogo fakul'teta. M., 1956. 39 s.

4. Ekimov A. I. Problema stabil'nosti prava v yuridicheskoy nauke // Tendencii razvitiya prava v sociokul'turnom prostranstve. Zhidkovskie chteniya = Tendencii of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konf-cii (Moskva, 24–25 marta 2017 g.) / otv. red. M. V. Nemytina. M.: RUDN, 2018. S. 165–172.

5. Tihomirov Yu. A. Publichnoe pravo: uchebnik dlya yurid. fak. i vuzov. M.: Bek, 1995. 496 s.

6. Obshchaya teoriya prav cheloveka / I. A. Kartashkin, N. S. Kolesova, A. M. Larin, I. A. Ledyah [i dr.]; otv. red. E. A. Lukasheva. M.: Norma, 1996. 520 s.

7. Boshno S. V. Normativnyj pravovoj akt: razvitie priznakov v pravoprimeritel'noj praktike // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2009. № 4. S. 4–6.

8. Ekimov A. I. Pravo v kontekste spravedlivosti: k metodologii issledovaniya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2013. № 2 (307). S. 51–61.

9. Matuzov N. I. Obshchie pravootnosheniya i ih specifika // Pravovedenie. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976. № 3. S. 23–33.

10. Varlamova N. V. Predstavitel'nye organy publichnoj vlasti: sodержanie ponyatiya // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 1. S. 5–18.

11. Bol'shoj francuzsko-russkij i russko-francuzskij slovar'. 2003. URL: https://french_russian.academic.ru/237945/loi-cadre?ysclid=I9az4x1a34126785687 (data obrashcheniya: 01.05.2023).

12. Gligich-Zolotareva M. V. Teoriya i praktika federalizma: sistemnyj podhod / nauch. red. N. M. Dobrynin. Novosibirsk: Nauka, 2009. 639 s.

13. Gligich-Zolotaryova M. V., Dobrynin N. M. Razgranichenie kompetencii: ot peredachi polnomochij k ustojchivomu razvitiyu // Federalizm. 2007. № 4. S. 5–24.

14. Konyuhova I. A. *Sovremennyy rossijskij federalizm i mirovoj opyt: itogi stanovleniya i perspektivy razvitiya*. M.: Gorodec, Formula prava, 2004. 592 s.
15. Nevinskij V. V. «Preobrazovanie» konstitucionnyh osnov rossijskogo federalizma: izbrannye aspekty // *Pravo i gosudarstvo: priority XXI veka: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii* (Barnaul, 29–30 sentyabrya 2006 g.). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. S. 190–194.
16. Nevinskij V. V. *Normotvorchestvo sub"ektov Rossijskoj Federacii // Sub"ekt Rossijskoj Federacii. Pravovoe polozhenie i polnomochiya: nauchno-prakt. posobie / otv. red. B. S. Krylov*. M.: Yurid. lit., 1998. S. 110–136.
17. Habrieva T. Ya. *Kodifikaciya rossijskogo zakonodatel'stva v usloviyah federativnogo gosudarstva // Kodifikaciya zakonodatel'stva: teoriya, praktika, tekhnika: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii* (Nizhnij Novgorod, 25–26 sentyabrya 2008 g.) / pod red. V. M. Baranova, D. G. Krasnova. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, Torgovo-promyshlennaya palata Nizhegorodskoj oblasti, 2009. S. 26–38.
18. Ovcharova E. V. *Administrativnaya procedura nalogovogo kontrolya v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. 2019. T. 14. № 2. S. 137–158.
19. Rakitskaya I. A. *Osobennosti zakonodatel'nogo processa v Norvegii // Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2012. № 2 (23). S. 48–55.
20. *Zakonodatel'nyj process v zarubezhnyh stranah: uchebnoe posobie / Yu. I. Lejbo [i dr.]; pod red. Yu. I. Lejbo*. M.: MGIMO Universitet, 2012. 172 s.
21. Cherdancev A. F. *Logiko-yazykovye fenomeny v prave, yuridicheskoy nauke i praktike*. M.: Infra-M, 2012. 320 c.
22. Vlasenko N. A. *Yazyk prava: monografiya*. Repr. izd. M.: Norma: INFRA-M, 2022. 176 c.
23. Lagen.nu. URL: <https://lagen.nu/sou/2008:115> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
24. Så beslutat riksdagen om statens budget. URL: <https://www.riksdagen.se/sv/sa-funkar-riksdagen/fran-forslag-till-budget/sa-beslutat-riksdagen-om-statens-budget/> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
25. Ordlista — Regeringen. Bilaga 7. Ordlista. URL: <https://www.regeringen.se/49bb38/contentassets/30b9031a18f943efb4d426757ce3fa22/bilaga-7-ordlista> (data obrashcheniya: 01.05.2023)..
26. Semilyutina N. G. *Problemasootnosheniya grazhdanskogo zakonodatel'stva i special'nogo zakonodatel'stva o rynke finansovyh uslug (na primere federal'nogo zakona «Ob investicionnom tovarishchestve») // Zhurnal rossijskogo prava*. 2012. № 7 (187). S. 116–124.
27. Perevalov V. D. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya kak ideya i real'nost' // Mekhanizm pravovogo regulirovaniya: istoriya i sovremennost'.* V *Alekseevskie chteniya*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2019. S. 5–12.

Информация об авторе

К. Е. Довгань — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K. E. Dovgan — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.08.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 07.08.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 12–17.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 12–17.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342(470.551/.58)

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

Павел Алексеевич Мухаметов¹, Людмила Викторовна Ханахмедова²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, pmukhametov@mvd.ru

² Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, domdom-20@mail.ru

Аннотация. В статье на основе научной и мемуарной литературы, советской периодической печати рассматривается вопрос о роли политической, научной и творческой элиты Южного Урала в идеологических и общественно-политических процессах, происходивших в советском государстве и праве во второй половине 1980-х гг. Региональная элита сталкивалась с необходимостью адаптации к новым условиям, что требовало от нее знания политической конъюнктуры, готовности к изменению привилегированного положения. Авторы приходят к выводу, что представители региональной элиты осознавали необходимость коренного реформирования советского государства и права, но видели свои пути выхода из создавшегося кризиса, отличные от взглядов представителей высших эшелонов власти.

Ключевые слова: СССР, перестройка, региональная элита, трансформация, советское государство и право

Для цитирования: Мухаметов П. А., Ханахмедова Л. В. Роль региональной элиты Южного Урала в трансформации советского государства и права во второй половине 1980-х гг. // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 12–17.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

REGIONAL ELITE OF THE SOUTH URAL IN THE ERA OF TRANSFORMATION OF THE SOVIET STATE AND LAW (SECOND HALF OF THE 80S OF THE XX CENTURY)

Pavel A. Mukhametov¹, Lyudmila V. Khanakhmedova²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, pmukhametov@mvd.ru

² Ryazan branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia, domdom-20@mail.ru

Abstract. The article, based on scientific and memoir literature, Soviet periodicals, examines the role of the political, scientific and creative elite of the Southern Urals in the ideological and socio-political processes that took place in the Soviet state and law in the second half of the 1980s. The regional elite was faced with the need to adapt to new conditions, which required it to know the political situation and be prepared to change its privileged position. The authors come to the conclusion that representatives of the regional elite were aware of the need for a radical reform of the Soviet state and law, but saw their own ways out of the crisis that differed from the views of representatives of the highest echelons of power.

Keywords: USSR, perestroika, regional elite, transformation, Soviet state and law

For citation: Mukhametov P. A., Khanakhmedova L. V. Regional elite of the Southern Ural in the era of transformation of the Soviet state and law (second half of the 80s of the XX century). Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;4:12–17 (In Russ.).

Существование элиты в советском государстве, находящемся на пути к построению бесклассового общества, — явление парадоксальное [1, с. 3]. Вместе с тем советские граждане осознавали и мирились с привилегированным положением некоторых своих соотечественников. К их мнению прислушивались, их идеи и взгляды находили широкую поддержку в самых различных общественных кругах. И если политическая (партийные и советские лидеры) и технократическая (руководители крупных предприятий) элита распространяла свое влияние посредством административного ресурса, то научная и творческая интеллигенция пользовалась не навязанной поддержкой населения. Региональная советская элита, в отличие от центральной (союзной), длительное время характеризовалась консервативными особенностями взглядов на происходящие в государстве процессы с учетом местных интересов и потребностей.

Сегодня, пожалуй, нет сомнения, что события 1980-х — начала 1990-х гг. в СССР характеризовались отступлением советского общества от идеи социализма. Новые внутривнутриполитические вызовы и кризис экономики доказали нежизнеспособность консервативной касты советской элиты. К началу 1980-х гг. Советский Союз столкнулся с проблемой застоя не только в экономике, но и в политике. Так, из 26 членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК КПСС почти половина имели возраст более 70 лет, лишь четверым не исполнилось шестидесяти. В этих условиях государственная власть была не способна к значительным преобразованиям и повышению эффективности социалистического строя, нуждающегося в обновлении.

Перестройка для советского общества была объективно необходима. И руководители, и общественные массы к восьмидесятым годам XX в. достаточно четко осознавали, что прежние подходы к строительству социализма уже изжили себя и требовалась выработка новых. Всем было ясно, что в стране произошел серьезный сбой в таких чувствительных и подвижных основах жизни, как экономика и политика.

За эту работу по существовавшей традиции взялись высшие чины коммунистической партии и советского государства во главе с М. С. Горбачевым. Они всенародно объявили о перестройке, на практике вылившейся в череду кампаний по либерализации политического режима в СССР. Перестройка давала людям возможность воплотить свою звездную идею в жизнь — продолжать успешно строить социализм — путем его коррекции.

С приходом нового руководителя государства советское общество раскололось на две группы. Одни надеялись, что Россия выберет путь классического социализма, соединив его с рыночными отношениями, государственным регулированием, исправит ошибки прошлого, встанет на позиции истинного социализма, сделает человека главной ценностью общества, создав условия для раскрытия его потенциальных возможностей. Другие надеялись, что страна пойдет по пути западной социал-демократии. В этом направлении можно было создать свою модель с учетом традиций, особенностей страны, менталитета [2, с. 96].

В регионах, где политические процессы протекали гораздо размереннее, чем в центре, курс на модернизацию идеологии при сохранении позиции КПСС был воспринят с воодушевлением. «Когда Михаил Сергеевич Горбачев в апреле 1985 года изложил свою программу перестройки (правда тогда применялся термин "ускорение социально-экономического развития страны"), — вспоминал впоследствии З. Ш. Акназаров¹, — я, как и многие, отнесся к этому положительно. Думал, что появляются обнадеживающие перспективы на лучшую жизнь» [3, с. 146].

Представители региональной элиты активно включились в работу по популяризации новых политических лозунгов и установок. Телевидение, радио и периодическая печать были задействованы для разъяснения населению основных задач будущей модернизации экономики, государства и права, организации решительной борьбы с бюрократизмом.

Большая задача стояла перед историческим сообществом региона. Это был период, когда в вузах неоднократно менялись преподаваемые исторические курсы, что требовало разработки новых учебных программ, учебно-методических материалов. Вторая волна реабилитации жертв политических репрессий, решение о снятии грифов секретности с архивных документов 1920–1950-х гг. способствовали появлению в периодической печати публикаций с такими названиями, как «О репрессиях в Башкирии середины 30-х годов», «О преодолении отрицательного последствия культа личности Сталина в курсе истории КПСС» и т. д. [4, с. 50]. Последствия гласности в исторической науке положительно сказались на ее дальнейшем развитии и дали толчок к проведению новых исследований,

¹ Зекерия Шарафутдинович Акназаров (1924–2000) — советский государственный и партийный деятель. Председатель Совета Министров Башкирской АССР (1962–1986).

освобожденных от догматики марксистско-ленинского учения.

Не обошли «перестроечные» процессы и профессиональные интересы научной элиты региона, занимающейся прикладными исследованиями. С подачи центра была выдвинута идея пересмотра тематики региональных научно-экономических структур и жестко ставился вопрос о том, чтобы научно-исследовательские институты республик, краев и областей занимались собственными, региональными проблемами. Встал вопрос о том, как управлять автономными образованиями в России. Их насчитывалось более двадцати, таких, где в отличие от областных структур существовали законодательные органы, исполнительная власть и соответствующие силовые структуры. Но в управлении экономикой у этих регионов не было никакой самостоятельности. В рамках выполнения комплексной программы, предложенной руководством АН СССР, предполагалось расширение экономической самостоятельности таких регионов, в т. ч. разработка основных контуров регионального хозрасчета, разделение государственной собственности на региональную и федеральную. Перед научной элитой регионов ставилась задача по разработке комплексного плана перестройки научных исследований, посвященных проблемам внедрения и развития повсеместной хозрасчетной системы во всех структурах, включая колхозы и совхозы. Необходимо было продумать перевод на хозрасчетные отношения городов, сельских районов, крупных предприятий (кроме оборонных) [5, с. 197].

В частности, на отдел экономических исследований Башкирского филиала АН СССР, возглавляемый профессором Х. Н. Гизатуллиным¹, была возложена организация разработки программы «Совершенствование управления автономными образованиями», расчлененная на отдельные подтемы: промышленность, агропромышленный комплекс, демография и трудовые ресурсы, размещение производительных сил в регионах [5, с. 198].

Однако в этих условиях представители региональной научной элиты оказались неготовыми к серьезным прикладным исследованиям: отсутствовал опыт подобных фундаментальных исследова-

¹ Хамид Нурисламович Гизатуллин (р. 1932), доктор экономических наук (1977), профессор (1982). С 1985 г. руководитель отдела экономических исследований Башкирского филиала АН СССР (с 1987 г. — Башкирский научный центр Уральского отделения АН СССР), заведующий кафедрой управления производством Башгосуниверситета. С 1987 г. одновременно являлся заместителем председателя президиума Башкирского научного центра.

ований, имеющиеся научные кадры не перестроили мышление или не разделяли взглядов союзных реформаторов. Проблема научных кадров решалась на местах реорганизацией научных органов. Так, Башкирский филиал АН СССР в этот период был реорганизован в Башкирский научный центр АН СССР в составе Уральского отделения РАН. Обновление Устава организации с конкретизацией правового статуса всех без исключения научных сотрудников — от лаборантов до заведующих отделов — способствовало «выхолащиванию» научного сообщества от дилетантов, псевдоученых, креатур местной партийной номенклатуры [5, с. 199].

Особое значение приобрела кадровая политика в командно-административной стратегии ускорения. 15 апреля 1985 г. первый секретарь Московского горкома КПСС В. В. Гришин в статье «Успех дела решают кадры» призвал к решительному обновлению партийно-хозяйственной элиты честными, принципиальными, компетентными работниками [6, с. 16]. Если в центральных органах власти в середине 1980-х гг. господствовала геронтократия, то в регионах, например в Оренбургской области, даже в годы застоя основное ядро политической элиты составляли руководители, не достигшие и 50 лет [7, с. 18]. Курс «социалистического реформизма» в КПСС, взятый на вооружение М. С. Горбачевым, обернулся только в первые два года перестройки заменой 60 % секретарей райкомов и обкомов «брежневского набора», что еще больше способствовало омоложению региональной политической элиты. Однако следует отметить, что зачастую у молодых руководителей, пришедших на смену старым, обнаруживались те же черты закостенелости, нерешительности, неспособности изменить стиль руководства, стремления защитить собственные привилегии. Этим объясняется увеличение темпов ротации региональных руководителей в 1986–1991 гг. Особенно возросли темпы сменяемости в 1989–1991 гг. Только в Оренбургской области за эти годы сменилось 40 % секретарей горкомов и райкомов партии, зачастую освобожденные от должности с формулировкой «несправившийся с работой» [7, с. 20].

В Башкирской АССР смена партийной элиты произошла в 1987 г., после выхода в печать майского выпуска газеты «Правда» [8], разоблачавшего произвол первого секретаря обкома КПСС М. З. Шакирова². По мнению самого М. З. Ша-

² Мидхат Закирович Шакиров (1916–2004) — советский партийный деятель Башкирской АССР, Герой Социалистического труда (1981). Первый секретарь Башкирского обкома КПСС (1969–1987).

кирова, травлю на него через средства массовой информации организовал секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, являвшийся в это время основным «чистильщиком» партийных рядов от неугодных функционеров [9, с. 306].

Политическая обстановка в регионе приковала внимание всей республиканской общественности. «К событиям в партийном руководстве летом 1987 года я отнесся спокойно, — отмечал З. Ш. Акназаров, — не пытался кого-то защищать и не радовался принятым решениям. Этот период деятельности обкома КПСС требует еще глубокого осмысления и анализа. К тому времени я уже полтора года находился на пенсии и, читая стенограмму пленумов, был сильно огорчен не только выявившимися фактами, но и настоящей перепалкой — вплоть до оскорблений, развернувшейся между некогда близкими соратниками» [3, с. 171].

Однако не во всех регионах смена партийного лидера грозила ему политической отставкой. Так, например, первый секретарь Челябинского обкома КПСС Г. Г. Ведерников¹, полностью поддерживавший курс М. С. Горбачева, в июне 1986 г. был назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР, а впоследствии стал чрезвычайным и полномочным Послом СССР в Королевстве Дания.

В Оренбургской области на выборах 1989 г. в советский парламент волеизъявление народа было на стороне молодого офицера Николая Тутова. Первый секретарь Оренбургского обкома КПСС А. Н. Баландин², несмотря на административный ресурс, не был избран в народные депутаты СССР. Анатолий Никифорович посчитал, что если ему не доверяют избиратели, то он не имеет права руководить областью. А. Н. Баландин обратился в Политбюро ЦК КПСС с просьбой об освобождении его от обязанностей первого секретаря обкома партии в связи с «пониманием того, что задачи нового этапа перестройки требуют новых сил и огромной энергии». 25 августа 1989 г. стало последним днем работы на посту первого секретаря. Таким образом, А. Н. Баландин среди своих южноуральских коллег из числа «брежневской гвардии» продержался на своей должности дольше всех.

Необходимо отметить, что процессы либерализации и демократизации в регионах в рассматри-

¹ Геннадий Георгиевич Ведерников (1937–2001) — советский государственный и партийный деятель. Первый секретарь Челябинского обкома КПСС (1984–1986). Заместитель Председателя Совета Министров СССР (1986–1989).

² Анатолий Никифорович Баландин (1927–2014) — советский государственный и партийный деятель. Председатель Оренбургского облисполкома (1966–1980), первый секретарь Оренбургского обкома КПСС (1980–1989).

ваемый период носили противоречивый и скачкообразный характер. Все явственнее проявлялись кризисные явления, постепенно ослабили дисциплина и порядок. Усиливалась радикализация общественного мнения. Причин этому можно назвать много, но главная состояла в том, что не все было глубоко продумано и взвешено, не было серьезных теоретических разработок главных направлений перестройки. Сказалась и неспособность высшего руководства страны правильно оценить основные этапы затеянных преобразований, выработать научно обоснованные пути экономической реформы, эффективно задействовать в этой работе регионы.

С начала перестройки была допущена серьезная недооценка характера национальных движений, что привело к крупным конфликтам и не стихающим до сих пор войнам [3, с. 146]. В декабре 1986 г. массовые молодежные волнения на национальной почве начались в столице Казахской ССР, когда вопреки ожиданиям национальной элиты на должность первого секретаря ЦК Коммунистической партии Казахской ССР был назначен Г. В. Колбин [10, с. 16].

В Башкирской АССР ослабление контроля центра за ситуацией на местах стало причиной возрождения преданной забвению еще с 1930-х гг. идеи преобразования автономной республики в союзную. Этому способствовала важная составляющая «перестроечных реформ» — гласность, породившая множество мнений о дальнейшем пути развития, социальной и национальной политике. Рост национального самосознания на фоне смены старой элиты выдвинул на лидирующие позиции представителей новых национальных элит, не связанных, как раньше, с партийно-бюрократическим аппаратом. Движение за суверенитет республики способствовало дискредитации партийных органов, выразившейся отставкой бюро Башкирского обкома КПСС в феврале 1990 г. После этого партийные органы потеряли свою власть и влияние на общественные органы.

Для представителей творческой элиты потеря идеологических ориентиров переживалась особенно болезненно. Их идеалы совпадали с идеалами того советского общества, где они прожили основную часть своей жизни, сформировались как личность, как граждане своей страны. Это были идеалы справедливости, уважения к личности, доброты, порядочности, трудолюбия. Башкирский поэт, писатель и драматург М. Карим³ вспоминал по этому поводу: «Я был делегатом многих партийных

³ Мустай Карим (1919–2005) — башкирский поэт, писатель и драматург. Герой Социалистического Труда (1979), заслуженный деятель искусств РСФСР (1982), народный

съездов, в том числе и последнего XXVIII съезда КПСС. Честно скажу, я очень переживал, когда на последнем съезде делалось все, чтобы разрушить то, что было создано, взамен конкретно ничего нового не предлагалось, ничего, чтобы меня увлекло. Жаль, что в основе наших реформ господствует разрушение, а не созидание. Вот этого я не понимаю и не приемлю» [11, с. 15].

Предпринятая попытка ЦК КПСС повышения роли и правового статуса национальной автономии, выразившаяся в осознании целесообразности ускорения обновления конституционных и других законодательных актов об автономных республиках, автономных областях и округах; повышении правового статуса автономных областей и округов с предоставлением им права законодательной инициативы в высших органах государственной власти СССР не смогла уже остановить сепаратных тенденций в регионах, поддерживаемых местными элитами [12, с. 54].

Таким образом, анализ роли и участия региональной элиты Южного Урала в трансформации советского государства и права во второй половине 1980-х гг. позволил установить глубинные объективные причины этих процессов. Голое следование опыту Запада, игнорирование исторических особенностей развития регионов страны привели по существу к провалу экономической реформы, к инфляции, резкому ухудшению жизни трудящихся, росту преступности. В то же время происходит генезис современных политико-трансформационных процессов в сфере государственной власти. Региональная элита (в первую очередь политическая) способствовала выработке новых политико-государственных идей, новой политической культуры и норм поведения. На осколках советской региональной элиты впоследствии была сформирована новая российская элита, продолжившая трансформацию государства и права в 1990-е гг.

Список источников

1. Кухинке Н. Элита в России: жизнь и творчество советских деятелей искусств. М., 1987.
2. Кузеев Р. Г. История — жизнь моя, судьба моя... Уфа, 1999.
3. Акназаров З. Ш. Время. Люди. Мысли. Уфа, 1995.
4. Филимонов М. А. Общество «Знание» Республики Башкортостан в лицах // Просветительство в России: истоки, традиции, современность: мат-лы российской научно-практ. конф-ции (18–19 сентября 2013 г.). Уфа, 2014.
5. Гизатуллин Х. Н. Прожитое и пережитое (зигзаги на пути к вершинам науки). Уфа, 2003.
6. Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994.
7. Пахомов А. В. Политическая элита Оренбургской области в 1965–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2014.
8. Прокушев В. Преследование прекратить... // Правда. 1987. 6 мая. № 126.
9. Первый секретарь обкома: М. З. Шакиров. Уфа, 2016.
10. История современной России: хроники «эпохи перемен» (1985–1999): в 2 ч. М., 2012. Ч. 1.
11. Карим М. Нравственные аспекты экономической реформы // Взгляд в XXI век (беседы с интересными людьми на интересные темы) / сост. А. Х. Махмутов. Уфа, 1999.
12. Аюпов М. А. Современные политико-трансформационные процессы в Республике Башкортостан. Т. 1. Эпоха перестройки: генезис современных политико-трансформационных процессов. Уфа, 2010.

References

1. Kuhnke N. Elita v Rossii: zhizn' i tvorchestvo sovetskikh deyatelej iskusstv. M., 1987.
2. Kuzeev R. G. Istoriya — zhizn' moy, sud'ba moy... Ufa, 1999.
3. Aknazarov Z. Sh. Vremya. Lyudi. Mysli. Ufa, 1995.
4. Filimonov M. A. Obshchestvo «Znanie» Respubliki Bashkortostan v licah // Prosvetitel'stvo v Rossii: istoki, tradicii, sovremennost': mat-ly rossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (18–19 sentyabrya 2013 g.). Ufa, 2014.
5. Gizatullin H. N. Prozhitoe i perezhitoe (zigzagi na puti k vershinam nauki). Ufa, 2003.
6. Sogrin V. V. Politicheskaya istoriya sovremennoj Rossii. 1985–1994: ot Gorbacheva do El'cina. M., 1994.
7. Pahomov A. V. Politicheskaya elita Orenburgskoj oblasti v 1965–1991 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2014.

поэт Башкирской АССР (1963). С 1962 по 1984 г. — секретарь правления Союза писателей РСФСР.

8. Prokushev V. Presledovanie prekratit' ... // Pravda. 1987. 6 maya. № 126.
9. Pervyj sekretar' obkoma: M. Z. Shakirov. Ufa, 2016.
10. Istoriya sovremennoj Rossii: hroniki «epohi peremen» (1985–1999): v 2 ch. M., 2012. Ch. 1.
11. Karim M. Nравstvennyye aspekty ekonomicheskoy reformy // Vzgl'yad v XXI vek (besedy s interesnymi lyud'mi na interesnye temy) / sost. A. H. Mahmutov. Ufa, 1999.
12. Ayupov M. A. Sovremennyye politiko-transformatsionnyye processy v Respublike Bashkortostan. T. 1. Epoha perestrojki: genezis sovremennyh politiko-transformatsionnyh processov. Ufa, 2010.

Информация об авторах

П. А. Мухаметов — кандидат исторических наук, доцент.

Л. В. Ханахмедова — кандидат юридических наук.

Information about the authors

P. A. Mukhametov — Candidate of Science (History), Associate Professor.

L. V. Khanakhmedova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 25.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 18–22.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 18–22.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1

КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Алексей Сергеевич Селиванов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, selivanovas@buimvd.ru

Аннотация. Исследование направлено на анализ существующих особенностей правоприменения. Обосновывается технологический подход для решения вопросов оптимизации нагрузки в юридической практике в целях эффективного и массового юридического продуцирования, приводятся различные точки зрения в этой области. Анализируются отдельные формы реализации правоприменительной деятельности, правила которых позволяют соотнести упрощенные процессуальные процедуры с технологическим процессом.

Автор утверждает, что отношения в области правоприменения могут и должны протекать в условиях подробно регламентированной юридической технологии, т. к. количество принимаемых правоприменительных актов с использованием технико-юридических правил, упрощающих и ускоряющих деятельность правоприменителя, постоянно увеличивается. Технологический подход способствует объяснению некоторых юридических приемов, процедур и процессов, их более глубокому теоретическому осмыслению.

Ключевые слова: применение права, правоприменительный акт, правоприменительное производство, юридическая практика, юридическая технология, юридическая техника

Для цитирования: Селиванов А. С. Качественные характеристики организации правоприменительной юридической технологии // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 18–22.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

QUALITY CHARACTERISTICS OF LAW ENFORCEMENT TECHNOLOGY ORGANIZATION

Alexey S. Selivanov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, selivanovas@buimvd.ru

Abstract. The study aims to analyze existing enforcement features. A technological approach is justified to solve the issues of optimizing the load in legal practice, in order to effectively and mass legal production, points of view are given in this area. Separate forms of implementation of law enforcement activities are analyzed, the rules of which make it possible to correlate simplified procedural procedures with the technological process.

The author claims that relations in the field of law enforcement can and should proceed in the conditions of a detailed regulated legal technology, since the number of law enforcement acts adopted, using technical and legal rules that simplify and accelerate the activities of the law enforcement officer, is constantly increasing. The technological approach contributes to the explanation of some legal techniques, procedures and processes, their deeper theoretical understanding.

Keywords: application of law, law enforcement act, law enforcement proceedings, legal practice, legal technology

For citation: Selivanov A. S. Quality characteristics of law enforcement technology organization. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;4:18–22 (In Russ.).*

© Селиванов А. С., 2023

Одним из приоритетных направлений развития российского государства является обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Не только реформы, проводимые в нашей стране, но и повседневная практика наглядно свидетельствуют о необходимости совершенствования и правотворческой, и правоприменительной деятельности. Защищенность прав и свобод граждан зависит как от качества нормативных предписаний, так и от степени совершенства их применения.

Современные теоретико-правовые разработки в области проблем юридической технологии подтверждают ее востребованность, но о незавершенном характере исследований говорит множество подходов к определению этого понятия, его содержания, элементов. Это позволяет нам констатировать, что общетеоретическое исследование проблем юридической технологии является важным, значимым и своевременным.

В. Н. Карташов, анализируя категорию «юридическая технология», отталкиваясь от устоявшегося понятия «юридическая техника», настаивая, что она (юридическая техника) в виде набора определенных средств является элементом юридической технологии. Им предложено авторское, общее понятие юридической технологии с использованием методики перечисления всех характеризующих признаков. Он указывает, что это основанная на определенных принципах, прогнозах и планах (стратегиях) система мыслительных и внешне актуализированных действий и операций компетентных физических и должностных лиц (органов), связанная с изданием (толкованием, реализацией, систематизацией и т. п.) юридических решений (актов), в ходе которой оптимально используются необходимые ресурсы (материальные, трудовые, финансовые, организационные и т. п.), общесоциальные, технические и специально-юридические средства (техника), приемы, способы, методы и правила (тактика), процессуальные формы (стадии производства и режимы) и соответствующие типы, виды и подвиды контроля за деятельностью субъектов и участников юридической практики [1, с. 46].

Профессор С. В. Поленина, критикуя позицию В. Н. Карташова, отмечает, что при всей своей «красивости» отождествления юридической технологии с юридической практикой едва ли целесообразна замена термином «юридическая технология», достаточно и консервативного, но хорошо оправдавшего себя на практике на протяжении столетий понятия «юридическая техника» [2, с. 389].

В. М. Баранов высказал позицию, что термин «юридическая техника» неточен, противоречив, его применение обусловлено правовой традицией. По его мнению, термин условен потому, что не согласуется с обоснованным различием между наукой и техникой. Получение знания о природе юридических приемов создания, реализации и толкования норм права нельзя называть техникой. Для этого, указывает В. М. Баранов, необходимо применять другой термин — «технология».

С нашей точки зрения, подход, предложенный В. Н. Карташовым, идет по пути объединения всех возможных наработок в изучаемой области. Вместе с тем, как нам думается, специфика содержания понятия юридической технологии не в ее всеобъемлемости, а в качественных характеристиках организации различных видов юридических практик, отражающих их оптимальность, соответствующую уровню развития правовых и других средств.

Резюмируя, целесообразно отметить, что юридическая техника как категория имеет более долгую историю, действительно, для теоретической науки это весомо и объясняет нежелание менять устои. Но на основе теоретических воззрений о юридической технике сформировалась юридическая технология, развивающийся понятийный аппарат которой указывает на тенденцию включения в её структуру элементов техники в качестве совокупности инструментов, орудий, способов правореализации в условиях возрастания нагрузки и объемов юридической практики, в целях эффективного и массового юридического продуцирования.

Особое значение в современный период приобретает правоприменительная юридическая технология, т. к. количество принимаемых правоприменительных актов с использованием технико-юридических правил, упрощающих и ускоряющих деятельность правоприменителя, постоянно увеличивается.

Например, по данным Государственной инспекции безопасности дорожного движения за 2022 год, около 183,5 млн правонарушений, которые зафиксированы в отчетных данных, выявили комплексы фиксации, что составило в общем выражении более 91 % от всех нарушений в данной области [3].

Судебный департамент при ВС РФ публикует данные за 2022 г.: осуждены 578 751 человек (оправданы 1093). При этом 225 885 человек осуждены в особом порядке, что составляет 39 % от общего количества осужденных [4].

По гражданским и административным делам за 2022 г. окончено производством 15 832 301 дело, из этого количества относятся к категории «упрощенных процедур», традиционно составляющих большую часть приказного производства, 12 204 509 дел, доля — 77 % [4].

Приведенные статистические данные отражают тенденцию востребованности упрощенных правоприменительных процедур. Качество и законность принимаемых актов — это то, к чему стремятся при формулировании правил правоприменительной юридической технологии.

Данные формы характеризуются наличием однородных, повторяющихся приемов, способов реализации юридических действий, правовая регламентация которых вызвана потребностью оптимизации в условиях возрастания нагрузки и объемов юридической практики, в целях эффективного и массового юридического продуцирования. Совершение таких правоприменительных действий возможно только на основе очевидных, понятных и нормативно предусмотренных критериев оценки складывающихся отношений. Нормативно закреплённые критерии и совершенные исходя из них действия правоприменителя в совокупности являются качественными характеристиками организации правоприменительной юридической технологии.

Например, в каждом из огромного количества постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных с использованием фото- и видеофиксации, должны быть отражены явно определенные критерии, которым соответствует правонарушение: характеристики изменения положения транспортного средства (направление движения, скорость, ускорение в зоне контроля, выход за границы контролируемой зоны и т. п.). Из содержания постановления явствует, каким конкретным, поддающимся четкому и точному измерению параметрам должны соответствовать сложившиеся и (или) складывающиеся правоотношения. Эти характеристики либо указание на их отсутствие должен содержать правоприменительный акт. Особенно это важно при массовом характере такой деятельности.

Стремление законодателя очертить границы, в пределах которых массовое продуцирование правоприменительных актов возможно без потери их качества, обнаруживается в приказном производстве, в судах общей юрисдикции.

Разрешение гражданских дел с выдачей судебного приказа является самостоятельным видом производства в гражданском процессе, имеет существенные отличия по сравнению с исковым про-

изводством, но в то же время закреплённая упрощенная и унифицированная процедура считается правосудием¹.

Рассмотрим отдельные требования, по которым выдается судебный приказ в соответствии со ст. 122 ГПК РФ:

- заявлено требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанное с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц;

- заявлено требование о взыскании начисленных, но не выплаченных работнику заработной платы, сумм оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) иных сумм, начисленных работнику;

- заявлено требование о взыскании задолженности по оплате жилого помещения, расходов на капитальный ремонт и содержание общего имущества в многоквартирном доме, коммунальных услуг, а также услуг связи.

В каждом из перечисленных случаев взыскатель требует денежные суммы от должника, беспорочность заявленного требования должна явствовать из обязательно прилагаемых письменных доказательств.

Единообразное производство (повторение юридической технологии) закреплёно в главе 11.1. КАС РФ «Производство по административным делам о вынесении судебного приказа». Взыскание с граждан и юридических лиц задолженностей по налогам, сборам и другим обязательным платежам составляет значительную долю в административных делах.

Руководство судебной системы рассуждает об использовании искусственного интеллекта для подготовки судебных приказов по взысканию налогов с граждан. В порядке допущения такого рода процедур запущен пробный проект в Белгородской области [5].

Беспорочность и нормативную закреплённость критериев, предъявляемых к необходимым доказательствам, которые отражены в судебном приказе, можно проследить в следующем примере: налоговый орган направил административному ответчику требование № 45050 от 10.07.2021 с предложением уплатить сумму задолженности по страховым взносам и пени, транспортному налогу, налогу на имущество и пени по ним в срок до 30.11.2021, требование № 61614 от 15.12.2021 с предложением

¹ Решение Шатковского районного суда Нижегородской области по Административному делу № 2а-507/2022 от 20 декабря 2022 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nOlcnbNd2aZJ/> (дата обращения: 26.09.2023).

уплатить сумму задолженности по транспортному налогу, налогу на имущество и пени по ним в добровольном порядке до 08.02.2022, налогоплательщик их не исполнил.

В связи с невыполнением ответчиком указанных требований по заявлению налогового органа мировым судьей судебного участка Шатковского судебного района Нижегородской области ДД.ММ.ГГГГ. вынесен судебный приказ №.

В качестве бесспорных доказательств, подтверждавших требование, суд исследовал минимум нормативно установленных доказательств:

- налоговые уведомления;
- требования;
- карточку расчетов с бюджетом и приложения к ней¹.

Представляется очень прогрессивным расширение правоприменительной юридической технологии до возможностей автоматизированного рассмотрения дел.

Проблемы правового регулирования правоприменительной юридической технологии обусловлены, с одной стороны, недостаточной теоретической проработанностью, а с другой — многообразием форм проявления приемов, способов и правил, совокупность которых отражает общий технологический уровень.

Поэтому исследование правоприменительной юридической технологии приобретает особое значение и привлекает к себе пристальное внимание юридической науки и практики.

По мнению М. И. Козюка, «в юриспруденции, несмотря на ее очевидную практическую направленность, "технологический подход" пока не стал более-менее развитым, что можно объяснить скорее консерватизмом права. Понятие "технология" довольно часто применяется в правовой сфере, однако только на уровне общей теории права, поскольку в отраслевых науках ему места не нашлось в связи с довольно полной отработкой необходимых категорий» [6, с. 17].

Полагаем, что со временем позиция большинства представителей юридического сообщества будет меняться. Подтверждением этого являются результаты фундаментальных исследований различных аспектов юридической деятельности [7, с. 5], в которых прослеживается увеличение интереса ученых к прикладным проблемам осуществления юридической деятельности, т. к. её качество и результативность в значительной степени зависят от совершенства сформировавшихся на теоретическом уровне юридической техники и юридической технологии.

Правовой основой правоприменительной юридической технологии являются нормативные правовые акты, закрепляющие порядок деятельности субъектов и её критерии. Комплексное толкование позволяет рассматривать их как единую систему, которая включает нормы процессуального и материального права, в которых закреплено правовое регулирование отношений (форма) реализации правоприменительной юридической технологии. Важно подчеркнуть, что государство в лице законодательных органов как основной «технолог», разрабатывая нормы, которые, по нашему мнению, могут быть объединены в юридическую технологию, исходит из цели создания необходимых условий для защиты прав и свобод как высшей ценности. Однако технология одновременно призвана соблюсти баланс частных и публичных интересов в условиях значительных объемов правоприменительного производства. Подтверждением тому является наличие видов процессуальных форм, служащих ускорению правоприменения. Указанные формы характеризуются наличием однородных повторяющихся приемов, способов реализации юридических действий. Их правовая регламентация (закрепление качественных характеристик) вызвана потребностью оптимизации в условиях возрастания нагрузки и объемов юридической практики в целях эффективного и массового юридического продуцирования.

Список источников

1. Каргашов В. Н. Юридические технологии — перспективные направления исследований в современной науке // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 46.
2. Поленина С. В. Юридическая техника и правовая технология: теория, практика, преемственность // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 387–390.

¹ Решение Шатковского районного суда Нижегородской области по Административному делу № 2а-507/2022 от 20 декабря 2022 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pOlcnbNd2aZJ/> (дата обращения: 26.09.2023).

3. Данные официального сайта ФКУ НЦ БДД МВД России. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/ресурсы/аналитические-обзоры-состояния-безопасно> (дата обращения: 26.09.2023).
4. Данные официального сайта СБ ВС РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 26.09.2023).
5. Отказ от мотивировок и автозаполнение приказов: что обсудили на Совете судей. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/999/> (дата обращения: 26.09.2023).
6. Нестеров А. В. О технологичности в праве на примере административных регламентов // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 16–20.
7. Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 437 с.
8. Селиванов А. С. Приказное производство в гражданском процессе: юридическая технология или правосудие // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4 (36). С. 166–169.

References

1. Kartashov V. N. Yuridicheskie tekhnologii — perspektivnye napravleniya issledovaniy v sovremennoj nauke // Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. № 3. S. 46.
2. Polenina S. V. Yuridicheskaya tekhnika i pravovaya tekhnologiya: teoriya, praktika, preemstvennost' // Yuridicheskaya tekhnika. 2011. № 5. S. 387–390.
3. Dannye oficial'nogo sajta FKU NC BDD MVD Rossii. URL: <https://ncbdd.mvd.rf/resursy/analiticheskie-obzory-sostoyaniya-bezопасно> (data obrashcheniya: 26.09.2023).
4. Dannye oficial'nogo sajta SB VS RF. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (data obrashcheniya: 26.09.2023).
5. Otkaz ot motivirovok i avtozapolnenie prikazov: chto obsudili na Sovete sudej. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/999/> (data obrashcheniya: 26.09.2023).
6. Nesterov A. V. O tekhnologichnosti v prave na primere administrativnyh reglamentov // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 10. S. 16–20.
7. Kolesnik I. V. Teoreticheskaya model' pravoprimeritel'noj tekhnologii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. 437 s.
8. Selivanov A. S. Prikaznoe proizvodstvo v grazhdanskom processe: yuridicheskaya tekhnologiya ili pravosudie // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 4 (36). S. 166–169.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 07.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 07.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 23–28.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 23–28.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34.01:347.152

СУЩНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Анастасия Юрьевна Сидорук

Академия управления МВД России, Москва, Россия, zhzhkaa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических аспектов ограничения публичной власти как необходимого правового института гражданско-правового общества в целях обеспечения прав и свобод граждан. Автором в механизме правового регулирования выделяются правовые ограничения, которые призваны обеспечить справедливость и правопорядок в обществе.

Ключевые слова: публичная власть, правовые ограничения, государство, суверенитет, правовое государство, механизм ограничения публичной власти, основные права и свободы

Для цитирования: Сидорук А. Ю. Сущность ограничений публичной власти через призму прав и свобод человека // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 23–28.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ESSENCE OF LIMITATION ON PUBLIC POWER THROUGH THE PRISM OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Anastasia Yu. Sidoruk

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, zhzhkaa@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical aspects of limitation on public power, as a necessary legal institution of a civil society, in order to ensure the rights and freedoms of citizens. The author identifies legal restrictions in the mechanism of legal regulation that are designed to ensure justice and law and order in society.

Keywords: public power, legal restrictions, state, sovereignty, rule of law, mechanism of limitation on public power, fundamental rights and freedoms

For citation: Sidoruk A. Yu. Essence of limitation on public power through the prism of human rights and freedoms. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal.* 2023;4:23–28 (In Russ.).

© Сидорук А. Ю., 2023

Структурное построение социальных отношений, в т. ч. при помощи власти, позволяет делать их целенаправленными и эффективными. В этом контексте возникает вопрос о том, какие функции и компетенции должны принадлежать государству (устрашение, подчинение, принуждение, авторитет, доверие, убежденность в необходимости повиновения), а какие эффективнее реализуются индивидуальной ответственностью граждан.

Следует отметить, что государство как комплекс органов, структур, использующих различные ресурсы, занимает особое, центральное положение в системе социальных властных отношений. Только отдельные государственные органы имеют право применять насилие и гарантировать обязательность принимаемых решений. Состояние неоправданности будет присутствовать при отрицании того факта, что акт власти выражается в подчинении, когда чья-либо воля подвергается принуждению. Но мы все же приходим к выводу, что сводить сущность властных отношений только к насилию и принуждению является ошибочным. Государство по своей сущности является организацией всего общества, которая в одной или другой форме отражает различные интересы. Власть государства распространяется на всех граждан, проживающих на данной территории, независимо от их вероисповедания, политических взглядов и социального статуса.

Например, в области экономики государство может ограничить свою деятельность для обеспечения конкуренции на рынке и поддержания социальной защиты малообеспеченных слоев населения. В сфере культуры и образования государство может гарантировать доступность и качество услуг, в то время как конкретные формы и меры достижения этой цели могут быть предоставлены воле и выбору граждан. Для этого необходима публичная власть, которая будет координировать и контролировать процесс реализации и ограничения прав и свобод. Публичная власть обеспечивает правовую защиту граждан, управление экономикой и инфраструктурой, а также принимает решения, которые влияют на жизнь каждого человека в стране. Необходимым условием для благополучного существования и эффективного функционирования общества является соблюдение определенных норм и ограничений в поведении каждого его члена. Без такого регулирующего фактора, основанного на сознательном подчинении установленным рамкам, невозможно достичь стабильности, необходимой для достижения общих целей.

Публичная власть считается именованным представителем народа определенного сообщества. Хотелось бы отметить, что в наше время словосочетание «публичная власть» используется для характеристики власти в государственно-организованном обществе в целом [1, с. 45] и «своей» власти в территориальных публично-правовых сообществах.

Концепция публичной власти является важнейшим аспектом современного политического дискурса. Органы государственного управления обладают значительной властью и контролем над своими гражданами, но эта власть не безгранична. Рассматривая правовую категорию «публичная власть», стоит привести мнение И. С. Меленчука, который утверждал, что «она представляет собой сформированное определенной социально-правовой средой средство организации жизнедеятельности последней, осуществляющее организующее, регулирующее и контролирующее воздействие на социально-политическое и правовое пространство и обеспечивающее органичное функционирование данного пространства» [2, с. 12]. Прежде чем ограничивать власть, необходимо определить тот самый круг общественных отношений, требующий и допускающий воздействие со стороны государства.

Часто публичная власть стремится к неограниченному расширению властной территории, что влечет ущемление интересов личности. Возможно определить ограничение в рамках субъект-объектной парадигмы, т. к. именно в ней ограничения и являются. Как отмечено В. В. Михайловым, «субъекты ограничений выступают в качестве ограничителей, а объекты — в качестве ограничиваемых» [3, с. 17]. Размышляя диалектически, что субъект и объект ограничений могут совпадать в одном лице, можно прийти к выводу, что ограничение субъектов может быть одновременно ограничением самого себя и при этом быть частью общей системы ограничений, сдерживающей всё общество в целом.

Ограничение публичной власти имеет как политико-правовые, так и социокультурные основы. Политико-правовые основы ограничения власти базируются в Конституции и иных нормативных правовых актах, которые определяют границы действий органов публичной власти, среди политико-правовых основ особое место занимают права и свободы человека как предел полномочий публичной власти. Социокультурные основы ограничения государственной власти включают общественное мнение и культурные установки, которые помогают формировать правосознание, уровень

правовой культуры, направления правового регулирования, способствуют достижению социально полезных целей. Социокультурные ограничения власти задают обществу его ценностно-целевую и программно-концептуальную детерминацию. В качестве примера социокультурных ограничений можно привести нравственно-этические, правовые нормы, эстетические установки, планы, проекты и модели. Основания социокультурных ограничений выступают в виде регуляторов человеческого поведения, преследуют цель достижения всеобщего блага, развития общества и государства, имеют в своем содержании регулятивные, созидательные и охранительные компоненты [4, с. 16–21].

Ограничение власти — это ключевой момент на пути к достижению высших ценностей в обществе: справедливости, равенства, свободы, гуманизма и приоритета прав и свобод личности. В свою очередь, принцип справедливости ограничивает действия публичной власти и устанавливает ее предел — лимит. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи между принципом справедливости и ограничением публичной власти, о взаимной зависимости и взаимообусловленности этих принципов.

В итоге современные институты публичной власти ориентированы на обеспечение эффективной работы государственных органов, обеспечение прав и свобод граждан, развитие демократических процессов и укрепление гражданского общества. При управлении государством общественно-политическая и правовая сущности проявляются в различных отношениях и процессах. Политические и правовые ограничения — это способы регулирования отношений и воздействия на них. Использование институционального и функционального подходов достаточно эффективно для определения управленческого потенциала права, который реализуется в правовой системе конкретного государства. Ограничения обладают единством политико-правового воздействия, являются инструментами и технологиями управления. Несомненно важность политико-правового закрепления, декларирования и применения ограничений, это необходимые условия для реализации эффективного функционирования государственного управления в России.

Публичная власть и права человека тесно связаны друг с другом. Практическое воплощение управленческого потенциала государственных органов осуществляется путем применения правовых механизмов, которые служат для установления справедливых и эффективных порядков и про-

цедур. Именно изучение границ публичной власти в контексте прав человека более целесообразно, в подтверждение приведем мнение М. И. Байтина о том, что «власть есть средство функционирования любой социальной общности, которое выражается как отношение подчинения входящих в это сообщество лиц единой руководящей в нем воле» [5, с. 194].

Права и свободы человека — это фундаментальные категории, на которые имеет право каждый человек независимо от его расы, пола или национальности, например право на жизнь, свободу и безопасность, свободу выражения мнений и свободу от дискриминации, свободу передвижения и ограждение от незаконного ареста, неприкосновенность жилища, свободу и неприкосновенность частной собственности, свободу и тайну частной переписки, свободу занятий и промыслов, свободу слова, печати, науки, собраний и союзов. Ограничения свободы личности являются неизбежными атрибутами любого общества, в котором существует публичная власть. Они появляются в тот момент, когда отдельные интересы и стремления личности сталкиваются с интересами коллектива и требованиями законодательства [6, с. 51]. Однако возможные ограничения свободы личности не должны носить произвольный и безраздельный характер.

Границы (пределы) свободы личности, ее автономия определяются объективными закономерностями развития общества. Государство формирует ограничения, направленные на защиту свободы всех членов общества; подобного рода пределы объективно необходимы. Ограничения свободы личности посредством права вполне разумны, когда они соответствуют уровню политического, правового и нравственного сознания людей в обществе. Именно права человека являются одним из ключевых средств борьбы со злоупотреблением власти, т. к. из всех «внутренних» критериев ограничения публичной власти только они являются необходимым «внешним» фактором контроля за ее деятельностью, своеобразным проявлением воли гражданского общества и каждой личности в целях ее обеспечения и защиты.

В современном обществе ограничения существуют для того, чтобы защитить свободы и права каждого гражданина. Данные ограничения представляют собой ограничение в соответствии с моралью, этикой, конституцией и иными законами, являясь неотъемлемой частью гражданского общества. С. С. Алексеев считает, что «мораль и право имеют одного прародителя — один и тот же ис-

точник своего бытия, одну и ту же причину своего появления "на свет": и мораль, и право в равной степени вызваны к жизни необходимостью по-человечески упорядочить свободу людей» [7, с. 96]. Право и мораль — два неотъемлемых компонента нашей жизни. Они призваны упорядочивать поведение людей и обеспечивать гармонию в обществе.

Представляется, что отсутствие явных границ морали не исключает границ правового регулирования в их соприкосновении. А вот значимость установления этой границы будет отличаться.

Социальные пределы отделяют сферу правового регулирования от иных сфер социального регулирования, которые не требуют специального юридического воздействия. Данные общественные отношения предполагают регулирование иными регулятивными системами (религиозной, нравственной, эстетической и т. д.) [8, с. 7].

В контексте правового регулирования, относящегося к определенной сфере жизни общества, широко распространенным является вопрос о нормативности ограничений и эффективности мер государственного принуждения. В. И. Гойман и Т. Н. Радько высказывали мнение об «определении пределов правового регулирования для исключения использования юридического инструментария в областях взаимодействия людей, требующих средств социальной регуляции» [9, с. 342].

Нормативные ограничения, сформулированные в законодательных актах, могут предполагать определенные ограничения в свободах и правах граждан. Одним из основных факторов, ограничивающих свободу, является право, которое в таком контексте можно рассматривать как форму цивилизованного организационного и регулирующего воздействия на свободу индивида в обществе. Право одновременно охраняет и ограничивает независимость личности.

Правовые ограничения являются одной из форм ограничений, существующих в правовой сфере общественной жизни. Они согласуются с этическими нормами и выражаются с помощью языковых конструкций в текстах законов. В механизме правового регулирования правовые ограничения, взаимодействуя с другими ограничениями (этическими, моральными и т. д.), образуют систему, призваны обеспечить справедливость и правопорядок в обществе.

К примеру, ограничение власти государства в сфере наказания находится под влиянием различных аспектов, связанных с существованием граждан и государства. Основания для вывода

ограничений в область юридической ответственности можно найти как в естественной природе человека и государства, так и в традициях народа. Эти основания являются материальными и определяют границы государственной монополии в сфере прав человека. Признавая, что наиболее важным внутренним стимулом для людей являются их личные интересы и возможности деятельности, которые способны удовлетворить эти интересы, приоритетные усилия в области законодательного регулирования должны быть направлены на структурирование данной сферы.

Право одновременно защищает и ограничивает независимость личности. Оно гарантирует каждому индивидууму правовой статус личной независимости, однако в то же время ограничивает его антисоциальные интересы.

Ограничивая свободу личности определенными рамками, право обеспечивает человеку свободное и спокойное использование своих прав. Другими словами, право гарантирует свободу в пределах установленных ограничений.

Однако именно присутствие юридической ответственности делает эти ограничения эффективным средством правового регулирования. Массовые протесты, митинги и неповиновение закону только подчеркивают необходимость защиты граждан от незаконных действий со стороны государства и его органов. Именно поэтому обеспечение мерами государственного принуждения является не менее важным признаком в контексте правового регулирования.

Сбалансированное взаимодействие различных институтов государственной власти возможно только в правовом государстве. Оно основывается на рациональном сочетании полномочий, призванных ограничить применение политической власти, и ответственности перед организацией, гарантирующей контроль сверху за чтением этих ограничений. Такой баланс устанавливается в конституционных нормах [10, с. 123]. Важность изучения границ государственной власти заключается в том, что это помогает предотвратить злоупотребление властью. Изучение границ государственной власти также помогает гражданам понимать, как они могут защитить свои права и свободы.

«Потенциал государственного принуждения дает возможность оперативно решать широкий круг самых разнообразных задач, но хотелось бы обратить внимание, что отличительной особенностью данного проявления публичной власти являются четко определенные границы вмешательства в личную сферу граждан» [11, с. 117], по словам

Н. В. Макарейко. Ограничения «наказательной власти» государства определяются не только законами и соглашениями, но и материальными условиями, необходимыми для обеспечения благоприятной среды для граждан и государства. В этом смысле можно сказать, что государственная монополия в области юридической ответственности имеет свои пределы, которые обусловлены не только юридическими, но и экономическими и социальными факторами. Важно находить баланс между защитой общества и уважением к правам индивидуальных граждан, чтобы поддерживать устойчивое и справедливое общество.

Каждое сообщество отличается от другого своими особенностями и потребностями, поэтому невозможно установить универсальные границы регулирования. Однако социальная ценность политики и права, а также оценка потребностей индивидов, групп и общества должны являться основными критериями для определения ограничений в государственном управлении. Такие ограничения могут помочь в адаптации, формировании целей и задач, интеграции в сообщество, сохранении национальной идентичности и разрешении социальной напряженности.

Ограничение государственной власти требует определенной системности, которая, в свою очередь, включает несколько элементов (разделение властей, общественный контроль, принцип законности и справедливости, легитимность как критерий эффективности), работающих во взаимосвязи и создающих необходимые условия для достижения общей цели. Применение системных методов и средств правового ограничения власти государства — это единственный эффективный способ противостоять злоупотреблениям властью, таким как коррупция, бюрократизм и другие незаконные действия чиновников, которые, в свою очередь, формируя общественное мнение,

являются социокультурными основами ограничения публичной власти.

Любой индивидуум неизбежно проявляет активность в стремлении удовлетворить свои потребности и интересы. Установление ограничений для властей и определение рамок их полномочий способствуют активизации граждан и призывают их к определенному поведению, такому как участие в местном самоуправлении, общественных организациях и проявление активной политической позиции. Основная цель установки и использования ограничений в правовом цивилизованном государстве заключается в гармонизации интересов личности, социальных групп и государства.

Органичность власти заключается в ее стремлении к непрерывному укреплению и самоподтверждению, благодаря которым сохраняется ее динамизм и социальная значимость. Однако это же стремление в ситуации несбалансированной концентрации власти придает ей самодовольный характер, который может привести к разрушительным последствиям.

В заключение необходимо отметить, что изучение границ публичной власти в контексте прав человека — крайне важный аспект в современной политической дискуссии. Границы публичной власти определяют то, как органы государственной власти и местного самоуправления могут использовать свою власть и как защищать права и свободы граждан. Изучение границ государственной власти помогает предотвратить злоупотребление властью, обеспечить сдерживание подобных склонностей и возведение заслонов ее необоснованному и незаконному превышению. Обусловленные объективными потребностями общественного и политического развития Российской Федерации идеи и ценности правовой государственности призваны утверждать принципы свободы и права на всех уровнях жизни общества и государства.

Список источников

1. Чиркин В. Е. Публичная власть. М.: Юрист, 2005. 174 с.
2. Меленчук И. С. Государственная власть и личность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 27 с.
3. Михайлов В. В. Социальные ограничения: содержание, структура, функции. М.: УРСС, 2004. 176 с.
4. Романовский В. Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 4 (28). С. 16–21.
5. Байтин М. И. Сущность государства // Общая теория государства и права / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 1. 576 с.
6. Лучин В. О., Доронина О. Н. Жалобы граждан в Конституционный суд Российской Федерации. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1998. 258 с.
7. Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: НОРМА, 1999. 329 с.

8. Иванов Р. Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2001. № 4. С. 6–18.
9. Гойман В. И., Радько Т. Н. Право в системе нормативного регулирования // Общая теория права и государства. М., 1994.
10. Ягофарова И. Д. Право как мера ограничения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 206 с.
11. Макарейко Н. В. Государственное принуждение: проблемы теории и практики реализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 354 с.

References

1. Chirkin V. E. Publichnaya vlast'. М.: Yurist", 2005. 174 s.
2. Melenchuk I. S. Gosudarstvennaya vlast' i lichnost': avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2006. 27 s.
3. Mihajlov V. V. Social'nye ogranicheniya: sodержanie, struktura, funkcii. М.: URSS, 2004. 176 s.
4. Romanovskij V. G. Ogranicheniya prav cheloveka v sovremennom konstitucionnom prave Rossii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2019. T. 7. № 4 (28). S. 16–21.
5. Bajtin M. I. Sushchnost' gosudarstva // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava / otv. red. M. N. Marchenko. М., 2007. T. 1. 576 s.
6. Luchin V. O., Doronina O. N. Zhaloby grazhdan v Konstitucionnyj sud Rossijskoj Federacii. М.: Zakon i pravo: YuNITI, 1998. 258 s.
7. Alekseev S. S. Filosofiya prava: istoriya i sovremennost'. Problemy. Tendencii. Perspektivy. М.: NORMA, 1999. 329 s.
8. Ivanov R. L. Predely pravovogo regulirovaniya: ponyatie i vidy // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2001. № 4. S. 6–18.
9. Goyman V. I., Rad'ko T. N. Pravo v sisteme normativnogo regulirovaniya // Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. М., 1994.
10. Yagofarova I. D. Pravo kak mera ogranicheniya svobody: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2004. 206 s.
11. Makarejko N. V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie: problemy teorii i praktiki realizacii: monografiya. М.: Yurlitinform, 2015. 354 s.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 29–36.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 29–36.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9

СООТНОШЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ

Сергей Евгеньевич Суверов¹, Виктор Николаевич Борков²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, s.suverovse95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

² Омская академия МВД России, Омск, Россия, borkovv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

Аннотация. В развивающемся обществе роль государства объективно возрастает, что актуализирует проблему поиска права в его отношении с гражданином. Не выдерживают испытание временем теории непримиримого разделения права на позитивное и естественное, предопределенности произвола государства при осуществлении нормативного регулирования общественных отношений и определении пределов их уголовно-правовой охраны. Кроме государства не существует другой организации или института, призванного функционировать в интересах общества и каждого гражданина. Философское осмысление права должно быть направлено на повышение эффективности и справедливости уголовно-правового воздействия. Поэтому все составляющие триады — правовые идеи, правовые формы и правовая реальность — обречены иметь государственный характер.

Ключевые слова: государство, позитивное право, естественное право, общественная опасность, преступление, криминализация деяний

Для цитирования: Суверов С. Е., Борков В. Н. Соотношение позитивного и естественного права в криминализации деяний // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 29–36.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

RELATIONSHIP OF POSITIVE AND NATURAL LAW IN THE CRIMINALIZATION OF ACTS

Sergey E. Suverov¹, Viktor N. Borkov²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, s.suverovse95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

² Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

Abstract. In a developing society, the role of the state is objectively increasing, which actualizes the problem of finding law in relation to a citizen. Theories of the irreconcilable division of law into the positive and the natural, the predestination of the arbitrariness of the state in the implementation of the normative regulation of social relations and determining the limits of their criminal law protection, do not stand the test of time. Apart from the state, there is no other organization or institution designed to function in the interests of society and every citizen. Philosophical understanding of law should be aimed at increasing the efficiency and fairness of the criminal law impact. Therefore, all components of the triad — legal ideas, legal forms and legal reality — are doomed to have a statist character.

Keywords: state, positive law, natural law, public danger, crime, criminalization of acts

For citation: Relationship of positive and natural law in the criminalization of acts. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;4:29–36 (In Russ.).

Человек не может прожить без государства, поэтому роль последнего постоянно возрастает. «Государство — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам» [1, с. 337]. Особенно очевидной представляется потребность политического объединения индивидов в современном развивающемся информационном обществе, поскольку происходящие в социуме изменения порождают угрозы, для противодействия которым «...надо выйти из естественного состояния, в котором каждый поступает по собственному разумению... и подчиниться внешнему, опирающемуся на публичное право принуждению...» [1, с. 314]. Поиск права в отношениях гражданина и государства, его адаптация к стремительно преобразовывающимся социально-экономическим, политическим и технологическим условиям являются актуальной научной задачей.

В обозначенном контексте государство может быть представлено как «шествие Бога в мире», «действительность нравственной идеи», путь к Спасению, а также как «орудие господствующего класса» и механизм насилия. Многоликость государства, современные процессы его трансформации и глобализация не должны отвлекать от исследования эффективности выполнения им основной обязанности по обеспечению безопасности граждан, их защиты от преступлений.

Борьба с преступностью начинается с решения важнейшей уголовно-политической задачи по определению того, что есть преступление. По мнению Я. И. Гилинского, «"преступления" — продукт криминализации государством (властью, режимом) тех или иных деяний здесь и сейчас». Далее ученый иллюстрирует идею относительности преступления на примере убийства (ст. 105 УК РФ), характеризуя его как подвиг, например, в случае уничтожения врагов на войне, как профессиональную деятельность палача, а также как правомерное деяние, если смерть причинена в состоянии необходимой обороны. «Сконструированность "преступлений" государством — азбучная истина современной криминологии», — делает вывод указанный исследователь [2, с. 4].

Вместе с тем считаем, что приведенные примеры не отрицают объективно присущей убийству общественной опасности, а лишь подчеркивают наличие такого латентного признака соответствующего состава преступления, как «незаконность». О реальной, а не умозрительной опасности конкретных преступлений в числе прочего свидетельствует причиняемый ими вред. Например, в 2022 г. в результате преступных посягательств погибло

21,2 тыс. человек, здоровью 32,6 тыс. человек был причинен тяжкий вред, имущественный ущерб от преступлений составил 748,3 млрд руб. [3, с. 2].

Кроме того, государство не может устраниваться от выполнения своей основной обязанности — признания и защиты прав и свобод человека. «Там, где нет власти, способной держать в подчинении всех, — писал Т. Гобс, — люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе...» [4, с. 129]. Далее Т. Гобс отмечал, что «в естественном состоянии каждый человек имеет право на все... и нет ничего, чего он не мог бы использовать в качестве средства для сохранения своей жизни, то отсюда следует, что в таком состоянии каждый человек имеет право... даже на жизнь всякого другого человека» [4, с. 212].

Вопрос о том, что есть преступление — вымысел и произвол власти или явление, объективно опасное для общества, является достаточно сложным. С одной стороны, игнорирование объективно присущей преступлению общественной опасности лишает законодателя важного ориентира в его деятельности по криминализации деяний, а сотрудникам правоохранительных органов верно применять норму о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). С другой стороны, понимание уголовно-политической и властной природы законотворческой деятельности позволяет оценить ее сложность и многофакторность, степень соответствия реальным потребностям общества. Речь идет о необоснованной либерализации ответственности за экономические преступления. «Правоведам, — пишет А. В. Поляков, — правильнее было бы не столько говорить об истинности своих суждений и их безальтернативности, сколько пытаться найти такие варианты ответов на возникающие фундаментальные вопросы, которые будут наиболее оптимальными, т. е. ценностно обоснованными, верифицируемыми, аргументированными здесь и сейчас с точки зрения максимизации нашего научного и общего благосостояния» [5, с. 42]. Затруднительно назвать иные, кроме государства, организацию или институт, которые бы могли научно обоснованно выразить ценности большинства населения в юридически значимых актах.

В контексте исследования осуществления государством правоохранительной функции нельзя проигнорировать идеи неолиберального «сокращения государства», возникновение социальных технологий, делегирующих ответственность за индивидов негосударственным автономным образованиям. «Индивиды — моделирует реализацию

идеи "сокращения государства" И. Л. Честнов, — становятся "предпринимателями себя", и как таковые объединяются в общество силой решений, которые принимают, рисков, на которые идут, и той ответственности за себя и других, которая отсюда проистекает и которую они обязаны брать на себя. Вследствие этого роль гражданина перестает исполняться в рамках отношений с государством или в публичном пространстве (такое становится вообще сложно выделить), скорее, она отправляется в рамках самых различных частных, корпоративных или квазипубличных практик, начиная с работы и заканчивая потреблением» [6, с. 101]. Частные корпорации и иные квазипубличные сообщества не способны заменить государство в вопросах охраны законных прав и интересов граждан. В сфере обеспечения безопасности и борьбы с правонарушениями не приемлемы клиентские и договорные отношения. Наличие элементов последних в уголовном судопроизводстве является вынужденным, критикуемым учеными и практиками компромиссом [7].

Преступление неразрывно связано с наказанием за его совершение, т. е. с государственным принуждением к правомерному поведению. Его реализация вне государства иными корпорациями немислима. В отличие от других социальных организаций только государство обладает легитимными механизмами определения пределов уголовно-правовой охраны общественных отношений. «Тот, кто говорит о государстве, — писал И. А. Ильин, — говорит о праве, ибо государство есть правовой союз; право есть как бы тот воздух, которым дышит государство» [8, с. 99]. В очерченных Конституцией РФ «...пределах законодатель полномочен самостоятельно определять содержание уголовного закона, используя надлежащие средства юридической техники, конкретизируя объективные и субъективные признаки основных и квалифицированных составов преступлений, виды и размеры наказаний за их совершение»¹.

Решение сложнейшей задачи по нормативному регулированию и охране общественных отношений, по мнению И. Л. Честнова, затрудняется тем, что «...реальность характеризуется стохастичностью, перманентной изменчивостью, нестабильностью. Важно также то, что она — реальность — не может иметь одной "единственно верной" оценки. Это связано с тем, что ценности, которые ранее

были относительно гомогенными в разных культурах, стали фрагментарными и диффузными. В множестве социальных групп и культур (возможно, субкультур) свои системы ценностей, с позиций которых оценивается происходящее в мире. Борьба представителей основных социальных групп за право официального определения явлений и событий, приписывания некоторым из них юридической значимости и образуют содержание правовой политики» [9, с. 85]. «При тотальной трансформации общественных отношений в рамках всего мирового сообщества право также находится под воздействием новых концепций: постмодерна, постпостмодерна, постиндустриального общества и прочих идей, придающих ему разнонаправленное движение» [10, с. 10–11]. Сама по себе констатация неопределенности и изменчивости реальности, а также позиционирование различными социальными группами своих интересов не создают предпосылок для уголовно-политического определения критериев противоправности деяний и развития механизмов охраны правопорядка.

Часть первая ст. 14 УК РФ, определяя преступление, ориентирует законодателя на признание таковыми только деяний, обладающих свойством «общественной опасности». Я. И. Гилинский характеризует это понятие как крайне неопределенное [2, с. 5]. Но именно присущая преступлению общественная опасность проявляется в деструктивном влиянии на социум, «...отрицательно сказывается на функционировании человека, общества или государства» [11, с. 5]. И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев называют два важнейших вопроса уголовно-правовой науки: что запрещать и как запрещать. Криминализовать следует преступление, которое, выступая в качестве отклоняющейся формы социального поведения, «...приводит к нежелательным изменениям в жизни отдельных индивидов, общества и государства; такие изменения нежелательны для максимально большого круга людей» [12, с. 111–112].

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, «в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой деяние не может считаться уголовно наказуемым. Будучи в силу своей природы крайним средством, с помощью которого государство реагирует на факты правонарушающего поведения, уголовный закон распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью норм иной отраслевой принадлежности, в том чис-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 по делу № 1757-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ле норм об административной ответственности, оказывается недостаточным»¹. «Основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространённости и динамику роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств»². Общественная опасность преступления имеет объективную и субъективную составляющие. К первой относится причиняемый вред и распространённость соответствующих деяний. Содержание второй характеризуют значимость разрушаемых отношений для различных групп населения и восприятие большинством граждан посягательств данного вида. «Государство, законы имеют две стороны — они должны быть разумны или понятны и тем соответствовать собственному смыслу понятия, чтобы индивидуум мог им повиноваться, считая их благом...» [13, с. 386].

Л. М. Прокументов распространённость деяния позиционирует как факультативный признак общественной опасности. Убедительны аргументы ученого, согласно которым, безусловно, обоснованно подлежащими криминализации могут быть исключительно опасные посягательства, которые совершаются крайне редко, и, напротив, чрезмерная распространённость в отдельных случаях может породить сомнение в целесообразности признания преступлением деяния, вред от которого граничит с административным правонарушением [14, с. 228]. Между тем задача состоит в криминализации вредоносного деяния, риск совершения которого является реальным. В большинстве случаев об угрозе повторения посягательства свидетельствуют ранее имевшие место факты его совершения.

«Уголовный закон, — пишет К. В. Арановский, — выражает меру опасности по итогам законодательной процедуры в обобщённой условной оценке, которую деяние получает в представлениях и решениях субъектов законодательной деятельности, когда они нормативным образом ква-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 по делу № 19-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 по делу № 2-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лифицируют его и тем самым называют границы, чтобы суд со своей стороны мог в этих пределах квалифицировать опасность отдельных преступлений по отдельным уголовным делам»³. Адекватное складывающимся социально-политическим реалиям решение законодательской задачи по определению преступности и наказуемости деяний по силам только здоровому государству. Формулирование и реализация конструктивных уголовно-политических идей затрудняется модифицирующимися криминальными угрозами, усугубляющимися экономическими и политическими проблемами, попытками ослабить государство, подорвать его авторитет.

В исследуемом аспекте интересен анализ И. М. Рагимовым, С. Н. Бабуриным, Ю. В. Голиком, Ю. И. Дукой, А. И. Коробеевым теоретико-исторических и криминологических аспектов способности современного государства противодействовать модифицирующимся угрозам, функционировать на благо своим народам в эпоху глобальных трансформаций [15]. Эффективность государства в решении своей основной задачи предопределяется его сущностью, анализ которой продуктивен как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Сущность первого порядка заключается в «консолидации сил всех классов и слоев общества, той или иной модели соединения в единое целое элементов государства». Второй уровень сущности представлен классовым характером государства, который наиболее рельефно проявляется в первичных производственных, экономических отношениях. Разрешение классовых противоречий приводит к третьей сущности государства как широкого комплекса механизмов по выработке и поддержанию в обществе социального компромисса, консенсуса социальной солидарности. Социальное понимание сущности государства не вступает в противоречие с либерально-демократическим отрицанием классовой борьбы, а придает последнему меньшую степень радикализма. Разрешая классовые противоречия, государство поднимается до третьего уровня своей сущности — устойчивого развития общества знания, когда наука выдвигается на роль производительной силы и делает функционирование знания основой социальной дифференциации и солидарности.

³ Особое мнение судьи К. В. Арановского [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 по делу № 32-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Развитие нации может обеспечить только функциональное и эффективное государство. Вопрос о функциях государства является главным, особенно в эпоху его трансформаций. Функции характеризуют основные направления деятельности государства на различных этапах развития. Именно в осуществляемых государством функциях проявляется его сущность. Четкое определение функций нашего государства является актуальной научно-политической задачей. Эта проблема тесно связана с формулированием государственной идеологии России. Если идеология — это система взглядов, выражающая отношение людей к государству, то в функциях проявляется отношение государства к человеку. Нормальное функционирование государства охраняет уголовный закон, который проявляет себя как акт не только политический, но и идеологический. Уголовный закон должен создавать предпосылки для подавления криминальных явлений, порождающих бедность и социальную незащищенность людей, которые препятствуют формированию духовного единства нации.

Государственнический подход к формированию уголовной политики позволяет особенности позитивистского и естественного правопонимания использовать для повышения эффективности защиты общественных интересов. В интересах большинства и для обеспечения справедливости должны развиваться не только формы права и правоприменительная практика, но и правовые идеи. «Представлять себе различие между естественным или философским и позитивным правом таким образом, будто они противоположны и противоречат друг другу, было бы совершенно неверным...» [13, с. 81]. Теория существования наряду с позитивным естественного права является конструктивной и созидательной, когда она побуждает к анализу уголовного закона с точки зрения его справедливости и соответствия поставленным перед ним задачам.

Так, в 2018 г. Ивановский областной суд, руководствуясь естественно-правовыми идеями, обратился в Конституционный Суд РФ. Заявитель посчитал, что уголовный закон не справедлив в части ужесточения ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, лицами, «...управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение

веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения», и указал, что не следует усиливать ответственность для совершивших указанное посягательство лиц, которые также управляли транспортным средством в состоянии опьянения, но скрылись с места дорожно-транспортного происшествия. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что последние необоснованно ставились в преимущественное положение, и постановил внести в уголовный закон соответствующие изменения¹.

Интересен и другой пример. В 2014 г. Салехардский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа обратился в Конституционный Суд РФ, заявив, что положения ст. 159⁴ УК РФ, «...являющейся специальной нормой по отношению к ст. 159 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за мошенничество, предусматривают за то же деяние, если оно совершено в сфере предпринимательской деятельности, несоразмерное степени его общественной опасности и более мягкое по сравнению с общей нормой наказание, причем исключительно на том основании, что лицо, обвиняемое в мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, имеет статус индивидуального предпринимателя или занимает руководящую должность в коммерческой организации...». По мнению заявителя, тем самым нарушались принцип равенства перед законом и интересы потерпевших². В 2016 г. ст. 159⁴ УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» утратила силу.

Уголовный закон является исключительным средством воздействия на общественные отношения, поэтому к соотношению позитивного и естественного, справедливости и свободы здесь нужно подходить особенно внимательно. «Примером» уголовно-правовой идеи преодоления «произвола» официального законодателя и тоталитарной несвободы является положение, выносимое на защиту, докторской диссертации Е. П. Сергуна. В 2014 г. автор предлагал в ст. 280¹ «Пропаганда экстре-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 по делу № 17-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 по делу № 32-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мистской идеологии» установить уголовную ответственность за внедрение в общественное сознание «антилиберальных, антидемократических установок» [16, с. 18]. То есть всех, не разделяющих идеи абстрактной свободы и открыто об этом говорящих, предлагается считать преступниками. Е. П. Сергун свою диссертацию не защитил, т. к. снял ее в связи с болезнью. Без осуществления государством правоохранительной функции свобода человека ничего не стоит. «Законы являются условиями, на которых люди, до того независимые и жившие в одиночку, объединились в общество, утомясь от постоянной войны и свободы, бесполезной, потому что не обеспеченной. Они пожертвовали лишь долей своей свободы, чтобы зато спокойно и в безопасности наслаждаться остальной частью» [17, с. 89].

Вместе с тем повышение эффективности уголовного закона, его развитие сообразно эволюционирующим общественным отношениям и модифицирующимся угрозам невозможны без естественно-правовых идей. К наиболее актуальным вопросам философии уголовного права следует отнести идею укрепления государства как гаранта благосостояния общества и каждого гражданина. На решение данной задачи направлены вносимые в уголовный закон изменения. Например, в июле 2022 г. введена ответственность за сам факт сотрудничества на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства (ст. 275¹ УК РФ), а также за публичные призывы к осуществлению деятельности,

направленной против безопасности государства (ст. 280⁴ УК РФ). В то же время законодателем реализована идея совершенствования уголовно-правовой борьбы с произволом и насилием в отношении граждан со стороны тех, кто государство представляет. Осуществлена дифференциация и ужесточение ответственности за превышение должностных полномочий, если оно совершено группой, из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 3 ст. 286 УК РФ), а также с применением пытки (ч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ).

Таким образом, философский естественно-правовой подход к пониманию преступления не может отрицать объективную реальность и ее развитие. Сложно признать конструктивными сами упреки законодателя в произволе, а сущего в относительности и постоянной изменчивости, близкой к хаотизации. Критика действующего закона должна быть аргументирована и мотивирована интересами большинства, формирующего государственный курс. «Государственный интерес — это результирующая интересов нации, общества и его слоев/страт, а также индивидуальных интересов. Чем лучше, эффективнее государство отражает эти интересы, тем оно прочнее и стабильнее» [18, с. 15–16]. Взаимосвязь созидательных государственных, общественных и личных интересов побуждает исследователей и законодателей к философскому осмыслению позитивного права, поиску оптимального юридического баланса и справедливости в публичной сфере.

Список источников

1. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. Т. 6. 612 с.
2. Гишинский Я. И. Современная криминология о преступности и противодействии ей // Криминалист. 2022. № 1. С. 3–7.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 г. М.: ФКУ МВД России «Главный аналитический центр», 2022. 67 с.
4. Гобс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. 503 с.
5. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 39–101.
6. Честнов И. Л. Функционирование государства в постсовременном обществе // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 1. С. 100–105.
7. Генпрокурор Краснов против рассмотрения в особом порядке дел по тяжким и особо тяжким преступлениям. URL: <https://www.interfax.ru/russia/692197> (дата обращения: 16.08.2023).
8. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве: фрагменты // Правоведение. 1992. № 3. С. 93–99.

9. Честнов И. Л. Политическая юриспруденция как междисциплинарное направление в постклассической юридической науке // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 2. С. 80–87.
10. Бавсун М. В., Каплунов А. И., Бавсун И. Г. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1. С. 10–17.
11. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. Омск, 2012. 75 с.
12. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург, 2020. 256 с.
13. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
14. Прокументов Л. М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 227–230.
15. Рагимов И. М., Бабуринов С. Н., Голик Ю. В. и др. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций. СПб., 2019. 344 с.
16. Сергун Е. П. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 40 с.
17. Бекария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004. 184 с.
18. Шумилов В. М. Категория «государственный интерес» в политике и праве (системно-теоретические и международно-правовые аспекты) // Политика и право. 2000. № 3. С. 4–17.

References

1. Kant I. Metafizika npravov // Sobranie sochinenij: v 8 t. M., 1994. T. 6. 612 s.
2. Gilinskij Ya. I. Sovremennaya kriminologiya o prestupnosti i protivodejstvii ej // Kriminalist". 2022. № 1. S. 3–7.
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2022 g. M.: FKU MVD Rossii «Glavnyj analiticheskij centr», 2022. 67 s.
4. Gobs T. Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo // Sochineniya: v 2 t. M., 1989. T. 1. 503 s.
5. Polyakov A. V. Princip vzaimnogo pravovogo priznaniya: rossijskaya filosofsko-pravovaya tradiciya i kommunikativnyj podhod k pravu // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2021. T. 16. № 6. S. 39–101.
6. Chestnov I. L. Funkcionirovanie gosudarstva v postsovremennom obshchestve // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2021. № 1. S. 100–105.
7. Genprokuror Krasnov protiv rassmotreniya v osobom poryadke del po tyazhkim i osobo tyazhkim prestupleniyam. URL: <https://www.interfax.ru/russia/692197> (data obrashcheniya: 16.08.2023).
8. Il'in I. A. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve: fragmenty // Pravovedenie. 1992. № 3. S. 93–99.
9. Chestnov I. L. Politicheskaya yurisprudenciya kak mezhdisciplinarnoe napravlenie v postklassicheskoj yuridicheskoj nauke // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. № 2. S. 80–87.
10. Bavsun M. V., Kaplunov A. I., Bavsun I. G. Problemy pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah dominirovaniya tekhnologicheskikh imperativov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 10–17.
11. Marcev A. I. Prestuplenie: social'no-pravovoj analiz: uchebnoe posobie. Омск, 2012. 75 с.
12. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. Novaya kriminalizaciya: filosofsko-yuridicheskij putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo. Екатеринбург, 2020. 256 с.
13. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M., 1990. 524 с.
14. Prokumentov L. M. Rasprostranennost' deyanij kak fakul'tativnyj priznak ih obshchestvennoj opasnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 429. S. 227–230.
15. Ragimov I. M., Baburin S. N., Golik Yu. V. i dr. Sovremennoe gosudarstvo v epohu global'nyh transformacij. SPb., 2019. 344 с.
16. Sergun E. P. Ugolovno-pravovaya politika v sfere obespecheniya bezopasnosti konstitucionnogo stroya Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. 40 с.
17. Bekariya Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah / sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo. M., 2004. 184 с.

18. Shumilov V. M. Kategoriya «gosudarstvennyj interes» v politike i prave (sistemno-teoreticheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty) // Politika i pravo. 2000. № 3. S. 4–17.

Информация об авторах

С. Е. Суверов — кандидат юридических наук.

В. Н. Борков — доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. E. Suverov — Candidate of Science (Law).

V. N. Borkov — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 17.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 20.11.2023.

ИДЕЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ПРАВА И ЕЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ ПРАВА

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Фетишизация системного подхода в отечественной обществоведческой науке одновременно привела к гиперболизации феномена системы права. Оценка системы права в духе методологии позитивизма как совокупности (системы) исключительно норм права, и притом формирующейся объективно, по сути, исключала осмысление самого основания (силы (мощи)) права — его целостности как имплицитно присущего ему интегративного свойства, притом что это свойство в определяющей мере является следствием «рукотворного» влияния. В результате утвердившихся в теории и на практике методологических подходов проблема обеспечения целостности права, активной роли в этом процессе законодательных стратегий и законодательства, качества закона и судебного активизма выпадает из поля зрения, а вместе с этим уходят в тень оценки сопредельных с ним (целостностью права) свойств — структурности и системности права — доминант результативности его действия в социальном (и виртуальном — цифровом) пространстве. Целостность права — фундаментальное понятие, имеющее самостоятельное значение в категориальном строе юридической науки и идентифицирующее способность права выступать универсальным регулятором, инструментом (силой), противостоящим хаосу и социальной энтропии.

Ключевые слова: фетишизация системного подхода, система права, часть и целое, свойства права, структурность, целостность, системность права, государственная целостность

Для цитирования: Червонюк В. И. Идея целостности права и ее концептуализация современной теорией и философией права // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 37–42.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

IDEA OF THE LAW INTEGRITY AND ITS CONCEPTUALIZATION BY CONTEMPORARY THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

Vladimir I. Chervonyuk

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. The fetishization of the systemic approach in Russian social science has simultaneously led to the hyperbolization of the phenomenon of the legal system. Evaluation of the legal system in the spirit of the methodology of positivism as a set («system») exclusively of the norms of law and, moreover, being formed objectively, in fact, excluded the understanding of the very foundation — force (power) — of law — its integrity as an implicitly inherent integrative property, despite the fact that this property is to a certain extent a consequence of «man-made» influence. As a result of methodological approaches established in theory and in practice, the problem of ensuring the integrity of law, the active role of legislative strategies and legislating in this process, the quality of law and judicial activism fall out of sight, and at the same time, assessments of the properties adjacent to it (the integrity of law) — the structurality and consistency of law — dominants — go «into the shadow» — the effectiveness of its actions in the social (and virtual — digital) space. The integrity of law is a fundamental concept that has an independent meaning in the categorical structure of legal science and identifies the ability of law to act as a universal regulator, a tool (force) resisting chaos and social entropy.

Keywords: fetishization of the system approach, legal system, part and whole, properties of law, structurality, integrity, system of law, state integrity

For citation: Chervonyuk V. I. Idea of the law integrity and its conceptualization by contemporary theory and philosophy of law. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:37–42 (In Russ.).

С точки зрения эпистемологии отказ от фетишизации концепта «система права» предполагает осмысление права в категориях «целое — часть», связанное с этим исследованием имплицитно приущего праву такого свойства, как целостность.

Прежде всего обратим внимание на принципиально важное в контексте поставленной проблемы обстоятельство методологического свойства. Как показывает анализ, современная философия и методология науки не устраняют неопределенности в соотношении понятий «целое» и «система». С утверждением в науке системного подхода ее категориальный аппарат в определенной мере подвергся редуцированию. Не избежала этой участи и категория «целое» («целостность»). Достаточно расхожим стал вывод классика теории систем Людвиг фон Бергаланфи, постулировавшего мысль о том, что между целым и системой нет никакого различия [1]. Изначально сформулированные одним из признанных отечественных классиков системологии И. В. Блаубергом понимание системы как «целостного комплекса взаимосвязанных элементов» [2, с. 134] и логично вытекающий из этого вывод «целостность — это целое» [2, с. 135]¹ полностью воспроизводятся в современной компетентной философской литературе. В частности, утверждается, что «в современной науке соотношение части и целого получило более точную разработку в системном подходе» [3, с. 343]. Соответственно, «выделяют т. н. "суммативные" и "интегративные" системы» [3, с. 343]. Подразумевается, видимо, что фундаментальная категория «целое» замещена понятием «система», притом что целое может быть представлено в виде «суммативной» или «интегративной» системы.

Такой подход, по сути, утвердился во всей обществоведческой науке, что не стало исключением и для юриспруденции.

Между тем оставлена без внимания обозначенная в те же годы позиция, отличающаяся точностью и научной обоснованностью оценок концептов «система» и «целое». В частности, профессор Г. А. Югай обратил внимание, что «связь частей целого не может быть бессистемной, неупорядоченной. Понятие целого именно отражает гармоническое единство и взаимодействие частей по определенной упорядоченной системе», притом

¹ К чести известного философа и методолога следует отметить, что, постулируя собственное понимание системы и системного подхода в научном познании, он одновременно приводит позицию, принципиально отличающуюся от его взглядов на проблему (см. Блауберг И. В. Указ. соч. С. 137).

что, как отмечает цитируемый автор, «понятия целого и системы, будучи во многом тождественными, имеют в то же время и существенные различия» [4, с. 97]. И «если для определения системы достаточно просто констатировать наличие связи, упорядоченности и организованного характера взаимодействия компонентов, то для определения понятия целого такая констатация уже недостаточна» [4, с. 97]. Для целого, в понимании А. Г. Югай, характерно то, что «в нем совершенно исключен случайный характер взаимодействия частей, их связь и взаимодействие могут быть только закономерными, необходимыми, возникшими из внутренних потребностей развития частей и целого» [4, с. 98–99].

Отмеченный подход представляется оптимальным, на этой методологически исходной посылке и базируется понимание целостности права — концепта, имеющего неоспоримое преимущество перед понятием «система права». В этой связи речь должна идти не о «структуре системы», как это принято во всей юридической литературе, а о структуре права как целого — сложного объекта, обладающего самостоятельностью и неоспоримым методологическим перевесом в сравнении с сохраняющим неопределенность понятием «система права».

В философии и методологии науки целостность интерпретируется «как обобщенная характеристика объектов, обладающих сложной внутренней структурой»²; причем такое свойство объектов идентифицируется с совокупностью «составляющих их элементов, организованных в соответствии с определенными принципами» [3, с. 678]. В указанном смысле понятие целостности характеризует качественное своеобразие объектов, «обусловленное присущими им специфическими за-

² Такая оценка была представлена в отечественной философии в фундаментальном труде: Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 654. В 2001 и в 2010 гг. эта работа была переиздана и получила формат 4-томного издания «Новая философская энциклопедия». В общих словарях этому термину придается точно такое же значение (см., например: Большой российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. С. 1739; Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия, 2001. С. 1743; Краткая российская энциклопедия: в 3 т.; т. 3: Р–Я / сост. В. М. Карев. М.: Большая российская энциклопедия: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2004. С. 689). При этом этимология лексемы определяется как «нераздельность, единство» (Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1989. С. 870).

кономерностями функционирования и развития», оно выражает интегрированность, самодостаточность этих объектов, их противопоставленность окружению, связанную с их внутренней активностью. Имея в виду такие характеристики, «целостностью называют и сам объект, обладающий такими свойствами, — в этом случае понятие целостности употребляется как синоним понятия целого, как то, что объект обладает множеством связей со средой» [5, с. 654]. Соответственно, в истории философии хотя и определились две тенденции в интерпретации целостности, но каждая из них, думается, лишь является дополнением к другой: это понимание целостности как: а) полноты или всестороннего охвата всех свойств, сторон и связей объекта и б) внутренней сущности объекта, определяющей его специфику [6, с. 16].

Поскольку «целостность есть выражение, результат взаимосвязи и взаимодействия частей», принципиально важно иметь представление о связях целого и его частей [2, с. 70]. По Аристотелю, понятия части и целого используются для анализа природы государства: «Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [7, с. 381]. Ставшее афористичным выражение «целое больше суммы своих частей» (Аристотель) различными научными направлениями и школами долгое время не воспринималось а priori, обращалось внимание на антиномию целостности. И лишь по прошествии значительного времени была экспериментально подтверждена правомерность восприятия данной философии в качестве научного факта.

Таким образом, структурность и целостность — это свойства целого, соединяющие между собой множество разрозненных, но объединенных общим предметом компонентов и придающие им логически завершённый, цельный характер структурно упорядоченных и согласованных между собой элементов.

Традиционно считалось, что целостность позиционирует завершенность, тотальность, ценность и собственную закономерность вещи, явления, процесса или некоего объекта. С точки зрения идеи целостности каждая такая вещь, явление, процесс рассматриваются в их первоначальной цельной взаимосвязи с констатацией присущей им структуры. Целостность, следовательно, придает явлению определенную форму, структурирует ее. Одновременно постулируется, что значение целостности состоит и в том, что она одновременно

представляет движущие силы его (явления) развития [2, с. 60].

Исследование всякого объекта вне учета фактора его целостности, как это доказывает И. В. Блауберг, обращаясь к анализу физической географии, методологически ущербно: «попытка исследовать части (ландшафты) при отказе от изучения целого (географической оболочки) заведомо обречена на неудачу» [2, с. 60].

Определяя понятие целостности, И. В. Блауберг на первое место в наборе характеристик целостных объектов ставит свойство интегративности. В указанном смысле к действительно важнейшим особенностям целостных образований, позволяющим понять и все остальные специфические черты целого, предложено относить: «возникновение нового в процессе развития; появление новых типов целостности; появление новых структурных уровней и их иерархическая соподчиненность (что особенно ярко проявляется в развитии живой природы); разделение целостных систем на неорганичные и органичные, основанное на том, что в неорганичной системе свойства частей хотя и отражают природу целого, но все же определяются главным образом внутренней природой частей, тогда как в органичной системе свойства частей целиком определяются свойствами целого» [2, с. 90].

Таким образом, категориальный смысл целостности заключается в том, чтобы отобразить качественное своеобразие некоторого объекта, указать на имплицитно (внутренне) присущие ему закономерности, противопоставленность среде, в которую целое помещено.

Понятие «целостность права» за некоторым исключением в специальной литературе по философии и теории права не встречается. Конституционное право оперирует понятиями «государственная целостность», «территориальная целостность», позиционируя их в значении фундаментальных характеристик государственного суверенитета и самостоятельности государства (суверенности государственной власти)¹.

¹ В теории конституционного права государственная «целостность — это конституционный принцип федеративного устройства, означающий, что РФ представляет собой не сумму отдельных составных частей, а целостное неделимое государство. Его целостность обеспечивается единством системы власти, единым экономическим пространством, территориальным верховенством, верховенством федерального права. Государственную целостность характеризуют территориальная целостность и политическая целостность, или политическое (государственное) единство страны. Территориальная целостность государ-

С учетом отмеченного целостность права — это имплицитно присущее ему свойство, отображающее его внутренние закономерности и означающее наличие более или менее устойчивых связей между сформировавшимися разноуровневыми нормативными общностями, комплексами нормативных образований и даже отдельными правовыми положениями, вследствие чего право способно системно и непрерывно оказывать эффективное регулирующее воздействие на поведение и деятельность людей, обеспечивать осуществление предписанных ему функций.

Целостность права — это организованная совокупность его элементов или, иными словами, есть одновременно и необходимый (достаточный) набор и мера необходимых для него (права) элементов — собрания разнородных регуляторов, вследствие чего структура права приобретает ла-

бильность означает незыблемость его границ и неприкосновенность территории. Конституция РФ прямо предписывает Российской Федерации обеспечивать целостность и неприкосновенность своей территории (ч. 3 ст. 4). Важной гарантией территориальной целостности России является сосредоточение решения всех вопросов определения статуса и защиты государственной границы, территориального моря, воздушного пространства и т. д. в исключительном ведении федеральных органов власти. К этому необходимо добавить включение в их ведение вопросов войны и мира, обороны и безопасности, определения порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества, а также внешней политики и международных отношений, международных договоров и внешнеэкономических отношений России и др. (ст. 71). Важными гарантиями, обеспечивающими целостность России как федеративного государства, являются отсутствие в Конституции страны нормы, предусматривающей право субъектов Федерации на сепарацию — односторонний выход из нее; закрепление в Конституции принципа взаимного согласия субъектов Федерации при изменении между ними границ (ч. 3 ст. 67). Политическую целостность характеризует единство государственной власти. Целостность федеративного государства невозможна, если нет политической целостности (государственного единства) на всей его территории. Политическая целостность, в свою очередь, обеспечивается равенством всех граждан перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); закреплением единого и равного гражданства независимо от оснований его приобретения (ч. 1 ст. 6); определением в качестве единого на всей территории государственного языка Российской Федерации — русского языка» (ч. 1 ст. 68) и др. (Червонюк В. И. Конституционное право России. Энциклопедический словарь / Г. И. Гойман-Иванец, И. В. Калинин; под общ. ред. доктора юридических наук, профессора В. И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002. С. 121. См. также: Конституционное право зарубежных стран: учебно-методическое пособие / В. И. Червонюк, И. В. Калинин, А. Ю. Мелехова; под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. М., 2018. С. 40, 42).

бильность, способность адаптироваться к изменяющейся среде действия права, не будучи всецело зависимой только от воли законодателя или судебного активизма. При этом структура права не есть раз и навсегда данная совокупность.

Как отмечает Гарольд Берман, «право является целостной и органически развивающейся социальной системой». При этом он делает уточнение, свойственное носителям так называемой западной ментальности: «Представление о способности общества органически развиваться и прогрессировать из года в год и из поколения в поколение, а также представление о сходном развитии правовой системы, которая является одновременно отражением и инструментом совершенствования социального порядка, — это специфически западные представления, которые породили специфический западный тип права» [8, с. 38].

Развивающееся целое характеризуется не только процессами интеграции, но и процессами дифференциации, усложнением структуры. Для права это развитие имеет циклический, в некотором смысле даже волнообразный характер, имея в виду, что случаются свои «отливы» и «приливы». Управление структурой права — необходимое условие поддержания его (права) целостности. Определение совокупности факторов, оказывающих влияние на это изменение, является важнейшей задачей правоведения — задачей, освоение которой возможно с учетом возможностей междисциплинарного подхода, соучастия в ее решении как юридических, так и неюридических отраслей знания.

Свойство целостности, или целого, право приобретает при определенных условиях: прежде всего его структурности, сохраняющемся соответствии (изоморфности) между функциями и структурой права; дисфункциональность превращает право в бессвязную грудку актов, никак не коммуницирующих друг с другом и не оказывающих синергетического регулятивного эффекта. Целостность права имплицитно предполагает наличие у права свойства системности. Целостным (и в этом смысле правовой системой, как бы отечественные теоретики не упражнялись, пытаясь развести это понятие с другим — «системой права») право становится при условии, по выражению Р. Алекси, «правильности его содержания» («моральности права» — по Л. Фуллеру). В ином случае связи права с внешней средой будут заблокированы или деформированы; право оказывается вне связи с другими регулятивными системами. Как целостное (и в этом смысле системное) образование право означает, что оно по своему содержанию охватывает и действующее за-

конодательство, и некое множество неписаных регуляторов, составляя при этом единое целое, структурно упорядоченное образование; соответственно, действующее право (правовая система) страны одновременно предполагает две взаимосвязанные, не противоречащие и дополняющие (усиливающие) друг друга составные части — позитивированное право (законодательство) и право непозитивированное. Существенная диспропорция между этими предполагающими (в смысле реального их действия в качестве регуляторов) друг друга компонентами права — также свидетельство утраты национальным правом качества целостного образования. Существуют и иные показатели, позволяющие идентифицировать национальное право в качестве целого.

Таким образом, если не возвращаться к устаревшему тезису о том, что «право — это система» («по определению»), то надо признать, что позиционирующая юридический состав права, набор его элементов и взаимосвязи между ними структура права отображает целостный (системный, структурно связанный) образ действующего (действительного) права лишь при определенных условиях — когда она, как объединение множества взаимосвязанных компонентов или целостное нормативное образование, гармонизирована, внутренне организована, вследствие чего право способно функционировать во внешней среде, достигая цели и задачи регулирующего воздействия [9, с. 255]. Право, значит, должно быть структурировано так, чтобы системный эффект его действия, что называется, был объективно предопределен (задан) самой его организацией. В таком выражении право имплицитно отображает присущее ему свойство целостности или, иными словами, представляет собой целое. В ином случае право есть неструктурированное, механическое соединение компонентов («суммативная» совокупность), способное обеспечить эффект действия (проявить силу) исключительно на локальных участках социального пространства [10].

Учитывая отмеченное, феномен целостности права вместе с тем методологически неточно было бы рассматривать исключительно с позиции постулатов аналитической юриспруденции. В философско-юридическом контексте оценка целостности права, предпринятая Рональдом Дворкиным в его «Империи права», позволяет принципиально по-иному раскрыть возможности права в новейших реалиях¹.

¹ В «Империи права», по мнению представителей экспертного сообщества, позиционируется одна из самых влиятельных современных теорий природы права — понимание «права как целостности» (law as integrity).

В интерпретации Р. Дворкина, «целостность — это ключ к наилучшей конструктивной интерпретации наших особых юридических практик» и особенно того, «как наши судьи принимают решения по сложным делам в праве»; «право как целостность обеспечивает лучшую интерпретацию юридической практики» [11, с. 294]. В «Империи права» постулируется мысль о том, что «право как целостность требует от судей исходить, насколько это возможно, из того, что право структурировано последовательным комплексом принципов, касающихся честности, справедливости и надлежащей правовой процедуры, призывает их обеспечивать соблюдение этих принципов в новых делах, которые к ним поступают, так, чтобы положение каждого человека было честным и справедливым в соответствии с одними и теми же стандартами» [11, с. 328].

Идея целостности права, как следует из «Империи права», позволяет и достаточно философично, и в то же время предметно сформулировать ответ на вопрос о том, «что должны делать судьи в отсутствие права?»: «Судебный принцип целостности инструктирует судей выявлять права и обязанности, исходя, насколько это возможно, из допущения о том, что все они созданы единым автором — персонифицированным сообществом, выражающим последовательную концепцию честности и справедливости» [11, с. 395].

Важнейшей, своего рода мировоззренческой, составляющей общей методологии целостности права является проблема отношения к природе права, или к правопониманию. В «Империи права», по утверждению ее автора, право как целостность в одинаковой мере находит предосудительным как старый механистический подход «закон есть закон», так и цинизм нового «реализма» [11, с. 308–309].

Идея целостности права утверждает принципиально иной взгляд относительно форм легитимации права. В этом контексте «права и обязанности проистекают из прошлых решений и поэтому считаются юридическими не только тогда, когда они явно выражены в этих решениях, но также и тогда, когда они следуют из принципов индивидуальной и политической морали, которые предлагаются явными решениями в качестве основания» [11, с. 137]; по Дворкину, «государство легитимно, если его конституционная структура и практика таковы, что у его граждан есть общая обязанность повиноваться политическим решениям, которые имеют целью возложить на них обязанности» [11, с. 260, 261].

Список источников

1. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем: обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
2. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 4.
4. Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965.
5. Философская энциклопедия: в 5 т. (1960–1970) / гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5.
6. Антанович Н. А. Теория политических систем: учебное пособие. Минск: TerraСистемс, 2008.
7. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. Кн. 1.
8. Берман Г., Грейнер У., Салиба С. Природа и функции права: пер. с англ. М.–Челябинск: Социум, 2022.
9. Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2006.
10. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в 9 вып.). Выпуск второй. Концепция структуры права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 18–25.
11. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. 2-е изд. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.

References

1. Bertalanfi L. fon. Obshchaya teoriya sistem: obzor problem i rezul'tatov // Sistemnye issledovaniya: Ezhegodnik. M.: Nauka, 1969. S. 30–54.
2. Blauberger I. V. Problema celostnosti i sistemnyj podhod. M.: Editorial URSS, 1997.
3. Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. / pod red. V. S. Stepina. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Mysl', 2010. T. 4.
4. Yugaj G. A. Dialektika chasti i celogo. Alma-Ata, 1965.
5. Filosofskaya enciklopediya: v 5 t. (1960–1970) / gl. red. F. V. Konstantinov. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1970. T. 5.
6. Antanovich N. A. Teoriya politicheskikh sistem: uchebnoe posobie. Minsk: TerraSistems, 2008.
7. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. M.: Mysl', 1983. T. 4. Kn. 1.
8. Berman G., Grejner U., Saliba S. Priroda i funkcii prava: per. s angl. M.–Chelyabinsk: Socium, 2022.
9. Chervonyuk V. I. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk dlya vuzov. M.: INFRA-M, 2006.
10. Chervonyuk V. I. Struktura prava: zakonornosti formirovaniya i razvitiya (v 9 vyp.). Vypusk vtoroj. Konceptsiya struktury prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 4. S. 18–25.
11. Imperiya prava / per. s angl. S. Moiseeva; nauch. red. S. Koval', A. Pavlova. 2-e izd. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2021.

Информация об авторе

В. И. Червонюк — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 14.08.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 14.08.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 43–48.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 43–48.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК: 343.35

О ПРИЧИНАХ КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ КОРРУПЦИИ И СПОСОБАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ

Анастасия Викторовна Щербинина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, anastasiya_pitineva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию коррупционного правосознания как одного из основных источников коррупции. Автор обосновывается необходимость поиска новых путей противодействия коррупции с учетом особенностей не только механизма государственного управления, но и в целом всего общества, его менталитета, ценностей, уровня правовой культуры. Вскрываются взаимосвязи коррупционного поведения с уровнем правовой активности личности. По результатам исследования предлагаются векторы совместной деятельности государства и институтов гражданского общества, направленные на повышение уровня правосознания, правовой культуры и правовой активности личности в целях минимизации коррупционных проявлений.

Ключевые слова: коррупция, уровень коррупции, коррупционное отношение, коррупционное правосознание, правовая культура и правовая активность личности

Для цитирования: Щербинина А. В. О причинах коррупционного правосознания как одного из основных источников коррупции и способах противодействия ей // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 43–48.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ABOUT THE REASONS OF CORRUPTION AWARENESS AS ONE OF THE MAIN SOURCES OF CORRUPTION AND WAYS TO COUNTER IT

Anastasia V. Shcherbinina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, anastasiya_pitineva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of legal awareness, legal culture and legal activity of the individual in anti-corruption activities. The author substantiates the need to find new ways to combat corruption, taking into account not only the peculiarities of the mechanism of public administration, but also the whole society, its mentality, values, level of legal culture. The factors causing the formation of corrupt relations depending on the level of legal activity of the individual are revealed. Based on the results of the study, vectors of joint activities of the state and civil society institutions are proposed, aimed at increasing the level of legal awareness, legal culture and legal activity of the individual in order to minimize corruption.

Keywords: corruption, level of corruption, corruption attitude, legal culture and legal activity of the individual

For citation: Shcherbinina A. V. About the reasons of corruption awareness as one of the main sources of corruption and ways to counter it. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;4:43–48 (In Russ.).

© Щербинина А. В., 2023

На современном этапе развития научной мысли коррупция уже не сводится к примитивной взятке и исключительно корыстным мотивам должностных лиц. Сегодня становится очевидным, что коррупция обусловлена не только субъективными причинами, но и объективными факторами, тесно взаимосвязанными с общественными и государственно-властными институтами.

Нельзя не отметить, что в первые два десятилетия XXI века уже разработаны основные направления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции, приняты основополагающие федеральные законы в данной области. Однако, несмотря на это, уровень коррупции остается на достаточно высоком уровне и имеет тенденцию к росту.

Говоря об уровне коррупции, важно подчеркнуть, что этот показатель сложно поддается объективному и всестороннему изучению. Это обусловлено многогранностью и постоянным развитием коррупции как таковой. Коррупционные отношения динамичны по своей природе. С развитием общественных отношений, изменением механизма государственного управления существующие формы коррупции видоизменяются

и появляются новые коррупционные схемы. Все это препятствует формированию достоверной и полноценной картины состояния уровня коррумпированности страны. Методы, используемые для выявления уровня коррупции, также разнятся. Это могут быть как сбор статистических данных о зарегистрированных преступлениях коррупционной направленности, так и проведение социологических опросов с целью выяснения отношения населения к коррупции и его мнения об уровне проникновения данного явления в органы государственного управления.

Если обратиться к статистическим данным зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, то мы увидим снижение числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности с 2012 по 2017 г., что говорит о положительном влиянии разрабатываемого правового регулирования в указанный период, о чем мы указывали выше. Однако начиная с 2018 г. постепенное снижение уровня коррупции остановилось и наметилась тенденция к росту числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, и уже в 2022 г. уровень коррупции вновь достиг цифры выше 35 000 (рис. 1) [1].

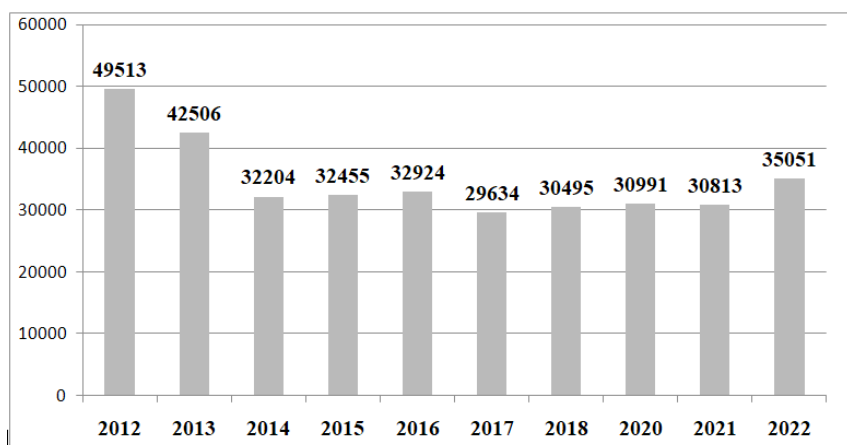

Рисунок 1. Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности

Несомненно, в ходе анализа статистической отчетности важно понимать, что этот показатель не абсолютен и зависит от многих факторов. В частности, от активности и эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению преступлений коррупционной направленности, от методики формирования самой статистической отчетности и т. п. Кроме того, данная статистика отражает только состояние коррупционной преступности и оставляет вне поля зрения большой пласт коррупционных административных правонарушений

и дисциплинарных проступков. Не говоря уже о тех новых формах коррупционных действий и отношений, за которые еще не установлена юридическая ответственность или которые остались латентны.

Вместе с тем стабильный рост наиболее опасных видов уголовно наказуемых деяний коррупционной направленности уже может свидетельствовать о том, что вопросы борьбы с коррупцией еще не достигли своего полного научного и практического решения и требуют новых исследований и мер реагирования.

Анализ результатов социологических опросов россиян также не дает однозначного ответа на вопрос об уровне коррупции в России. Так, Ю. В. Латов в своей работе призывает осторожно относиться к оценкам, полученным во время социологических опросов. Автор отмечает, что эти суждения о коррупции неустойчивы и сильно зависят как от текущей общеполитической конъюнктуры, так и от формы (обрамления) анкетных вопросов. Вместе с тем по результатам анализа данных социологических опросов Ю. В. Латов приходит к выводу о том, что граждане, хотя и не считают коррупцию первоначально важной среди многих иных негативных явлений, в рамках «запроса на перемены» именно на ней фокусируется главное внимание [2, с. 56]. Это обстоятельство также свидетельствует о сохранении актуальности темы борьбы с коррупцией для России на современном этапе развития, а также о понимании негативной роли коррупции в процессах социального управления со стороны общества.

Несомненно, степень коррумпированности чиновнического аппарата обусловлена особенностями механизма государственного управления, количеством коррупционных рисков, изначально заложенных в его структуру, эффективностью и достаточностью правового регулирования взаимоотношений между представителями власти и гражданами. Но вместе с тем нельзя забывать, что в основе всего этого лежит общество — его уровень правовой культуры, правосознания и в целом уровень культурного и духовного развития и те ценности, которые превалируют на современном этапе развития этого общества.

Сегодня все большее значение приобретают материальные блага, в угоду которым отодвигаются на второй план такие духовные ценности, как добропорядочность и стремление к социальному идеалу. Внимание человека поглощено всевозможными гаджетами, сетью Интернет, социальными сетями, телевидением и пр. Это существенно ограничивает всестороннее умственное, нравственное и духовное развитие личности, не говоря уже о правовой активности. Мы вынуждены констатировать, что уже сейчас в российском обществе прослеживаются все черты общества потребления. При принятии решений в приоритет ставится экономическая целесообразность, нежели какие-то нравственные и моральные принципы. Особую опасность данный процесс приобретает, когда скорая выгода берет верх над такими ценностями, как жизнь и здоровье человека.

Такой набор общественных ценностей оказывает влияние не только на поведение должностных

лиц органов государственной власти, но и в первую очередь на граждан — основных «потребителей» государственных услуг. Некоторые авторы даже называют главным источником коррупции коррумпированное сознание и поведение граждан, поскольку внешние проявления коррупции отражают деформацию ценностей, правовой нигилизм и устойчивое неправомерное поведение людей. Отчуждение от права и грубое нарушение его принципов и норм порождают недооценку публичных интересов и преобладание корыстных мотивов, устойчивое предпочтение неформальных отношений и «теневого права» [3, с. 22].

В основе подмены правовых отношений между госслужащим и гражданином неформальной их формой, часто коррупционной, лежит целый ряд причин, среди которых можно выделить следующие:

- уверенность лица в том, что его вопрос можно решить выгоднее, быстрее и проще за счет коррупционного поведения;

- осознание лицом имеющихся у него нарушений законодательства, препятствующих получению государственной услуги в рамках правовых отношений;

- сложность, непонятность, длительность или вовсе отсутствие правового механизма достижения желаемой цели;

- нежелание самого представителя власти вступать в правовые отношения, с одной стороны, и необращение гражданина в компетентные органы за восстановлением нарушенного права, с другой стороны.

Таким образом, не желая или не имея возможности вступить в правовые отношения с представителем власти, гражданин избирает не правовой путь, а коррупционный, т. е. основанный на личных интересах обеих сторон.

В качестве основных свойств личности, определяющих выбор лица между правовым и коррупционным отношением, выступает уровень его правосознания, правовой культуры, а следовательно, и правовой активности.

При этом под правовой активностью в данном ключе предлагается понимать стремление граждан достигать законных целей законным способом, иными словами, нацеленность человека на юридический путь достижения желаемой цели, на установление правового отношения, в рамках которого он стремится реализовать свои правовые возможности [4, с. 670].

Существует мнение, что правовая активность личности позволяет упорядочить, гармонизиро-

вать отношения между гражданами и власть держащими на основе человекоберегающих технологий. Она лимитирует произвол чиновников, удерживает их от решений, которые могут привести к нарушению прав человека и гражданина [5, с. 276].

В поиске средств стимулирования правовой активности граждан мы видим, что в современном механизме правового регулирования уже находят свое отражение меры стимулирования правовой активности в сфере антикоррупционного поведения. П. А. Кабанов на основе анализа большого массива федеральных, региональных, муниципальных, корпоративных и локальных нормативных правовых актов отмечает, что официальное поощрение антикоррупционной деятельности в Российской Федерации возможно только с помощью универсальных и устоявшихся видов поощрения позитивного поведения в обществе. К таковым относятся: материальные средства (единовременное денежное вознаграждение, предоставление грантов (субсидий), вручение государственных или муниципальных премий, награждение ценным подарком) и меры морального поощрения (объявление благодарности органа публичной власти, поощрение благодарственным письмом, награждение почетной грамотой, награждение орденом, медалью или знаком отличия, присвоение почетного звания). При этом каких-либо самостоятельных специальных средств поощрения антикоррупционного поведения, как отмечает автор, не существует. П. А. Кабанов предлагает внести в нормативные правовые акты о статусе отдельных универсальных наград и почетных званий основания поощрения ими за заслуги в реализации государственной политики противодействия коррупции, что позволит осуществить «легализацию» заслуг в реализации государственной политики противодействия коррупции при награждении физических и юридических лиц универсальными наградами [6, с. 425].

Мы склонны согласиться с предложениями автора и считаем необходимым, помимо установления нормативной основы поощрения за правовую активность в сфере противодействия коррупции, также разработать особый порядок защиты лиц, сообщивших о факте коррупции. Нередко именно опасения возмездия за «доносительство» останавливают граждан от проявления твердой гражданской позиции и реализации своей правовой активности.

Поощрение как способ стимулирования правовой активности является средством, направленным от государства, «сверху». Однако полагаем, что

с учетом сформировавшегося у общества «запроса на перемены» через минимизацию коррупционных проявлений (то, о чем мы говорили в начале данной работы) целесообразно организовать работу внутри самого общества, а именно через институты гражданского общества. При этом, на наш взгляд, важно не просто возложить на гражданское общество и его отдельные институты обязанность по стимулированию правовой активности личности, а задать основные векторы развития в данной области, определить способы воздействия на уровень правовой культуры и правосознания. Мы говорим именно об этих двух категориях, т. к. считаем, что именно правосознание и правовая культура (правовая грамотность) лежат в основе правовой активности личности. Можно сказать, что правосознание и правовая культура выражаются через правовую активность личности и осуществление ею своих правовых возможностей.

Создание целостной системы правового просвещения и правового воспитания с широким вовлечением в данный процесс институтов гражданского общества позволит оказать позитивное влияние на уровень коррупции в стране (не будет спроса — не будет предложения), а также повысить доверие населения к органам государственной власти.

К типичным каналам формирования высокого правосознания в юридической науке относят:

- воспитание отношения к праву как ценности для общества, государства и человека;
- полную и объективную информацию о праве и глубокое усвоение норм о праве, обязанностях и ответственности;
- поддержку и поощрение образцов правомерного поведения;
- неумолимость применения мер ответственности за правонарушения;
- публичное реагирование институтов общества на коррупционные взгляды и поступки своих членов;
- общественную критику коррупционных явлений;
- последовательную реализацию антикоррупционных мер, закрепление их в законодательстве;
- осуществление в практической деятельности принципа «выгодно действовать в соответствии с законом, а не вопреки ему» [3, с. 25].

В контексте обозначенных направлений формирования высокого уровня правосознания институты гражданского общества (политические партии, общественные организации, объединения и союзы) могли бы реализовывать как воспита-

тельную (просветительную) функцию, так и информационную, контрольную (общественный контроль).

В частности, значительную роль в противодействии коррупции играют средства массовой информации. Примечательно, что россияне реже готовы информировать правоохранительные органы и чаще средства массовой информации (6–15 %) [3, с. 71]. В данной связи ранее уже вносились предложения по проведению федеральными органами исполнительной власти мониторинга продукции средств массовой информации с целью выявления и проверки новых фактов коррупции. Данный механизм предлагалось рассматривать как одну из форм взаимодействия государства с гражданским обществом. Однако на практике указанный механизм противодействия коррупции не был реализован в полном объеме, что свидетельствует об отсутствии четкой регламентации указанной деятельности [3, с. 75]. Важно отметить, что СМИ могут выполнять не только информационную функцию, но и воспитательную. Например, работа по освещению фактов выявления коррупции, в особенности тех, которые выявлены благодаря активной правовой позиции граждан, будет способствовать развенчанию негативного образа «доносителя» и поднимать престиж правомерного поведения как основополагающей ценности общества. Предложение по активному включению в антикоррупционную деятельность именно СМИ обусловлено результатами социологического исследования, согласно которому СМИ, интернет и социальные сети названы респондентами как основные источники информации о борьбе с коррупцией. При этом большинство опрошенных считают, что СМИ умалчивают о многих проявлениях коррупции, а антикоррупционная реклама не оказывает никакого воздействия¹. Это еще раз указывает на то, что в целях противодействия коррупции основные силы необходимо сосредотачивать не столько на формировании нетерпимости к коррупционным проявлениям, сколько в целом на повышении уровня правосознания, правовой культуры, в частности правовой грамотности общества. Положительным примером практической реализации данного направления может выступать проведение в отдельных регионах ежегодного конкурса «СМИ против коррупции».

¹ Результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер от 2019 г. URL: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (дата обращения: 17.06.2023).

Несомненно, следует упомянуть и о включении в сентябре 2023 г. в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования универсальной компетенции по противодействию экстремизму, терроризму и коррупционному поведению². На наш взгляд, это важный шаг в развитии антикоррупционного просвещения и воспитания. Вместе с тем компетенция предполагает лишь способность формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению и противодействовать ему в своей профессиональной деятельности. А как уже отмечалось выше, по мнению наших граждан, антикоррупционная реклама не оказывает никакого воздействия. Поэтому считаем, что важно не только формировать нетерпимое отношение к коррупции, но также разъяснять порядок взаимодействия с органами государственной власти, основные положения механизма государственного управления и правового регулирования, чтобы у граждан было базовое представление об их гражданских правах и обязанностях, о механизме получения государственных услуг и восстановления нарушенных прав. В процессе реализации указанного вектора антикоррупционных мер в том числе будет задействована и работа институтов гражданского общества в лице некоммерческих образовательных учреждений. Кроме того, считаем возможным подключение к данному направлению и иных общественных организаций, объединений и союзов, которые также могли бы реализовывать просветительную функцию среди отдельных категорий граждан.

Кроме взаимодействия со СМИ и образовательной (просветительной) деятельности, в качестве результатов работы по формированию вектора совместной деятельности государства и гражданского общества можно обозначить и такие механизмы, как: процедура рассмотрения обращений граждан; интернет-обсуждения наиболее значимых проблем и законопроектов в рамках концепции «Открытое правительство»; всенародные и публичные обсуждения, публичные слушания и консультации, предусмотренные в правотворческом процессе; проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов. Однако эффективность этих механизмов общественно-государственного взаимодействия напрямую зависит от качества их реализации. Надо понимать, что они должны носить реальный, а не формальный номинальный

² Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029> (дата обращения: 10.06.2023).

характер участия общества, его отдельных представителей в принимаемых решениях.

В заключение считаем важным подчеркнуть, что коррупция — это не только проблема внутреннего поражения механизма государственного управления коррупционными элементами, это проблема всего общества, его ценностей и культуры. Полагаем, что перспективным направлением противодействия коррупции на современном этапе развития общества является формирование системы мер, направленных на правовое и нравственное воспитание общества, повышение правовой грамотности населения, в целом его правовой культуры и правосознания. Построение своей жизнедеятельности на основе права, в соответствии с ним должно стать престижно и выгодно для каждого гражданина, право и, соответ-

ственно, правомерная деятельность должны стать одними из основополагающих ценностей нашего общества. В свою очередь, государству необходимо в рядах своих органов и должностных лиц воспитать «нулевую» терпимость к проявлениям коррупции, организовать адекватную, эффективную и своевременную реакцию на информацию о фактах коррупционных нарушений, исходящую от представителей общественности, и установить надежные каналы обратной связи с обеспечением защиты лиц, сообщивших о коррупции. Как отметил В. В. Астанин, в основе определения эффективности общественно-государственного взаимодействия в области противодействия коррупции лежит методологический прием, который отражается по формуле «дороги с двусторонним движением» [7, с. 6].

Список источников

1. Состояние преступности в России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.06.2023).
2. Латов Ю. В. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11. № 4. С. 40–60.
3. Едкова Т. А., Иванюк О. А., Тихомиров Ю. А. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС», 2013.
4. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. Т. 2.
5. Крупеня Е. М. Политико-правовая активность личности М.: Университетская книга, 2009.
6. Кабанов П. А. Реализация принципа поощрения антикоррупционной деятельности в Российской Федерации // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 410–425.
7. Астанин В. В. Об эффективных механизмах взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2011. № 4 (40). С. 5–8.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii. URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
2. Latov Yu. V. Korrupciya v zerkale obshchestvennogo mneniya rossiyan: problemy, protivorechiya, paradoksy // Zhurnal institucional'nyh issledovaniy. 2019. T. 11. № 4. S. 40–60.
3. Edkova T. A., Ivanyuk O. A., Tihomirov Yu. A. Uchastie institutov grazhdanskogo obshchestva v bor'be s korrupciej: nauchno-prakticheskoe posobie / отв. red. Yu. A. Tihomirov. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii; ООО «POLIGRAF-PLYuS», 2013.
4. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs: v 3 t. / отв. red. M. N. Marchenko. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2007. T. 2.
5. Krupenya E. M. Politiko-pravovaya aktivnost' lichnosti M.: Universitetskaya kniga, 2009.
6. Kabanov P. A. Realizaciya principa pooshchreniya antikorrupcionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya tekhnika. 2020. № 14. S. 410–425.
7. Astanin V. V. Ob effektivnyh mekhanizmah vzaimodejstviya gosudarstva s grazhdanskim obshchestvom v sfere protivodejstviya korrupcii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2011. № 4 (40). S. 5–8.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 17.07.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 49–53.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 49–53.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Татьяна Дмитриевна Андреева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, log0707@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей публично-правового механизма обеспечения безопасности личности. Раскрываются основные элементы указанного механизма: нормативно-правовая база, гарантии обеспечения безопасности личности, деятельность уполномоченных органов в сфере безопасности и деятельность самого индивида, чья безопасность обеспечивается. Автор обосновывает мысль о том, что государственно-центричный подход в сфере безопасности уходит на второй план и происходит поворот к потребностям и интересам личности в сфере безопасности. Отдельное внимание уделено анализу подходов к понятию «безопасность личности». Подчеркивается мысль о том, что безопасность личности выступает в качестве необходимого условия реализации всех известных прав человека.

Ключевые слова: безопасность личности, гарантии обеспечения безопасности личности, права человека, публично-правовой механизм, механизм обеспечения прав и свобод

Для цитирования: Андреева Т. Д. Публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 49–53.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PUBLIC-LEGAL MECHANISM FOR ENSURING HUMAN SECURITY

Tatiana D. Andreeva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, log0707@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the public-legal mechanism for ensuring human security. The main elements of this mechanism are revealed: the regulatory framework, guarantees of personal security, the activities of authorized bodies in the field of security and the activities of the individual himself, whose security is ensured. The author substantiates the idea that the state-centric approach in the field of security fades into the background and there is a turn to the needs and interests of the individual in the field of security. Special attention is paid to the analysis of approaches to the concept of “human security”. The idea is emphasized that the security of the individual acts as a necessary condition for the realization of all known human rights.

Keywords: personal security, guarantees of personal security, human rights, public law mechanism, mechanism for ensuring rights and freedoms

For citation: Andreeva T. D. Public-legal mechanism for ensuring human security. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;4:49–53 (In Russ.).

© Андреева Т. Д., 2023

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации¹ в числе национальных интересов государства на современном этапе функционирования обозначены такие направления, как сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан. В указанной Стратегии подчеркивается роль государства как гаранта безопасности личности. Это положение находит также свое отражение и в Конституции Российской Федерации, в частности в статье 2, которая звучит следующим образом: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»².

Безопасность личности в широко известной пирамиде потребностей А. Маслоу представлена как базовая потребность, следующая сразу за физиологическими потребностями. Это говорит о ее фундаментальном значении для развития и существования личности. Если обратиться к толковому словарю С. И. Ожегова, то в нем содержится следующее понятие безопасности: это «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [1]. Таким образом, с одной стороны, безопасность представляет собой физиологическую потребность человека, т. е. потребность в защите, порядке, законе, стабильности, а с другой стороны, состояние жизнедеятельности, характеризующееся отсутствием угроз правам человека, его комфортному существованию.

Заслуживает внимания позиция профессора В. А. Семенцова о том, что «сегодня феномен безопасности человека и гражданина представляет собой фундамент для объединения людей в обществе, обеспечивая его устойчивое и поступательное развитие» [2, с. 16]. При этом стоит подчеркнуть, что до недавнего времени (в рамках исторических масштабов) личность не признавалась субъектом обеспечения безопасности, т. е. в данном направлении преобладал государственно-центричный подход. Видный ученый-юрист Б. С. Эбзеев, судья Конституционного Суда Российской Федерации, в своем труде «Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обя-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

занности» отмечал, что «в отечественном государствоведении до настоящего времени безопасность личности в основном рассматривается в контексте функции или обязанности государства, которому, однако, не коррелирует субъективное право индивида, подлежащее судебной защите; тем самым личность в сфере безопасности выступает только как объект государственно-правового воздействия, а не субъект соответствующих отношений, наделенный определенными правами» [3, с. 240].

Однако в конце XX столетия вектор политики безопасности изменился в сторону личностной безопасности, что было обусловлено нарастающей нестабильностью в социально-экономической сфере и гуманитарными катастрофами в странах третьего мира. При этом доктор политических наук В. Н. Конышев справедливо отмечает, что решение назревших проблем в сфере безопасности необходимо осуществлять «не по линии противопоставления личности и государства, а на пути поиска гармоничного сочетания интересов безопасности личности и общества, организованного в рамках государства» [4, с. 56]. Кроме того, на сегодняшний день в современной политической и социально-экономической ситуации безопасность личности выступает в качестве необходимого условия реализации прав человека.

В контексте интересующего нас вопроса необходимо обратиться к содержанию понятия «безопасность личности». Стоит отметить, что в действующих нормативных правовых актах понятие «безопасность личности» не закреплено. Среди исследователей существуют следующие точки зрения относительно его содержания.

Так, профессор Б. П. Дементьев рассматривает безопасность личности не только как нейтрализацию опасностей, угроз и как создание условий по защите личности, но и как развитие личности (права, свободы, интересы, потребности) [5, с. 175]. Согласно данному подходу безопасность личности включает в себя и базовый компонент в виде физиологических потребностей, и защиту прав личности.

Отличное от других определение безопасности предлагает С. Ю. Чапчиков, исследуя одноименный федеральный закон, согласно которому безопасность — это «взаимоотношение человека с объектами внешней среды, при котором незапланированные (неожидаемые) изменения в их состоянии не приводят к потере жизни, здоровья или имущества» [6, с. 9].

Особого внимания заслуживает точка зрения А. С. Прудникова. Данная позиция, на наш взгляд,

наиболее адекватно отражает содержание определения «безопасность личности». Так, под безопасностью личности исследователь понимает систему внутренних и внешних условий юридического, политического, экономического, социального, экологического, техногенного и иного характера, предотвращающих угрозу неопределенному кругу лиц, в целях защиты их жизни и здоровья, прав и свобод, чести и достоинства, неприкосновенности, осуществляемой органами государственной власти и местного самоуправления во взаимодействии с общественными объединениями; его взаимосвязь с правопорядком, общественным порядком и общественной безопасностью [7, с. 63–64].

О. А. Колоткина в своей работе «Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование» подвергает сравнительному анализу понятия «личная безопасность» и «безопасность личности» и приводит убедительные аргументы, что они соотносятся между собой как часть и целое. «Понятие "безопасность личности" является более широким в сравнении с понятием "личная безопасность", так как, во-первых, предполагает наличие такого состояния личности, при котором она сможет беспрепятственно реализовывать свои права и свободы в различных сферах, а во-вторых, именно безопасность личности должна создавать основу для функционирования и развития человека в качестве личности, постоянно включенной в процесс взаимодействия с социумом» [8, с. 10].

Изложенное позволяет заключить, что понятие «безопасность личности» носит комплексный характер и содержит следующие элементы: возможность реализации личностью своих прав и свобод, возможность для нормальной жизнедеятельности личности в обществе и ее дальнейшего развития и взаимосвязь безопасности отдельной личности и всего общества. В современных условиях развития и функционирования государства, осуществления международной политики все отчетливее прослеживается необходимость более внимательного отношения к безопасности отдельной личности, т. к. она является индикатором обеспечения безопасности общества в целом. В этой связи требуется создание эффективного публично-правового механизма обеспечения безопасности личности.

В юридической науке сложилось понимание механизма обеспечения прав и свобод личности как комплексного процесса воплощения правовых предписаний в сфере прав человека в реальную действительность. Мы разделяем высказанную

Ю. В. Анохиным точку зрения о том, что в исследуемом механизме необходимо выделять динамическую и статическую стороны. При этом статическая составляющая содержит «механизм государства, механизм действия права, включающий в себя механизм правового регулирования общественных отношений, реализации, охраны и защиты прав и свобод граждан, гарантии обеспечения действия исследуемого механизма, механизм юридической ответственности. Динамическая сторона, в свою очередь, показывает деятельность системообразующих элементов, направленную на реализацию основных целей и задач этого механизма» [9, с. 49]. Данный подход, на наш взгляд, представляется довольно убедительным, т. к. позволяет рассмотреть механизм обеспечения прав и свобод личности с точки зрения его внутренней организации (статическая сторона) и в процессе функционирования его составных частей (динамическая сторона).

С учетом приведенных соображений можно утверждать, что публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности включает в себя следующие элементы: нормативно-правовую базу, гарантии обеспечения безопасности личности, деятельность уполномоченных органов (государственных и негосударственных) и деятельность самого индивида (в т. ч. правовую культуру и правовое сознание), чья безопасность обеспечивается.

Нормативно-правовая база сферы безопасности личности представлена нормативными правовыми актами различной юридической силы. В первую очередь, это, безусловно, уже упомянутая нами выше Конституция Российской Федерации. Также это федеральный закон «О безопасности»¹; указы Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»², «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации»³, «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»⁴, «Об утверждении

¹ О безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

³ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]:

Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»¹ и др.

Ключевым элементом рассматриваемого механизма являются, на наш взгляд, гарантии обеспечения безопасности личности. Это обусловлено тем, что одного лишь закрепления каких-либо прав в нормативных правовых актах недостаточно, необходимо их обеспечение государственными средствами, к числу которых и относятся гарантии обеспечения прав и свобод. Представляется интересной позиция А. С. Мордовца, который отмечает, что «основной функцией гарантий является исполнение обязательств государством в сфере реализации прав личности» [10, с. 74].

Традиционно исследователи определяют гарантии прав личности как общие условия и специальные средства, которые обеспечивают фактическую возможность пользоваться лежащими в их основе благами, надежно их защищать. К числу общих условий относят политические, экономические, идеологические гарантии. Специальные гарантии подразделяются на организационные и правовые.

Рассматривая общие условия обеспечения безопасности личности, подчеркнем, что здесь имеет смысл выделить основные черты, характеризующие те или иные стороны общественной жизни. Конкретизация данных гарантий представляется затруднительной в связи с тем, что, являясь общими по своему характеру, они содержат в себе условия для реализации различных прав. Так, применительно к обеспечению безопасности личности действие общих гарантий проявляется в виде: наличия системы демократического устройства государства, построенного на принципах взаимосвязи прав, свобод и обязанностей граждан, а также взаимной ответственности государства и личности; укрепления экономического суверенитета государства, появления новых секторов экономики — как экономическая гарантия, дающая возможность выделять необходимые средства на систему обеспечения безопасности личности; развития духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов как идеологическая гарантия.

Что касается специальных гарантий, то они как раз имеют конкретное выражение, правовое закрепление, и их неисполнение влечет определенные Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

юридические последствия. Специальные гарантии находят свое отражение в нормативных актах международного, национального и локального характера. К ним относятся нормы, направленные на выявление, пресечение и раскрытие правонарушений против личной безопасности, предусматривающие юридическую ответственность за их совершение, а также компенсационно-восстановительные меры, связанные с возмещением материального и морального ущерба, причиненного жизни, физическому, психическому и духовному здоровью человека совершенным правонарушением [11, с. 14].

Претворение указанных гарантий в действительность происходит посредством деятельности уполномоченных государственных органов и общественных организаций. Основная роль в данном правообеспечительном механизме, безусловно, принадлежит государству совместно со всеми ветвями власти. Здесь стоит отметить функционирование Совета Безопасности Российской Федерации, представляющего собой конституционный совещательный орган, осуществляющий подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения всех видов безопасности. Одной из задач вышеупомянутого Совета является обеспечение условий для осуществления Президентом Российской Федерации полномочий в области обеспечения безопасности личности, которые являются достаточно обширными (например, принимает меры по защите граждан от преступных и иных противоправных действий и др.).

Заключительный элемент механизма обеспечения безопасности личности — непосредственно деятельность самого субъекта, чья безопасность обеспечивается. Здесь необходимо сделать акцент на правовой культуре личности в сфере безопасности, которая заключается в наличии определенных знаний, умений, установок в сфере личной безопасности, определенного уровня мировоззрения, активности и заинтересованности в обеспечении своей безопасности. Так как огромное количество угроз в современном обществе требует определенной правовой активности граждан, включенности в различные государственные и общественные процессы и эффективного взаимодействия личности и государства.

Таким образом, эффективное функционирование публично-правового механизма обеспечения безопасности личности зависит от непосредственной деятельности самой личности и деятельности уполномоченных государственных органов и общественных организаций, подкрепленной норма-

тивными правовыми актами в сфере обеспечения безопасности и соответствующими гарантиями их реализации. Главной целью действия рассматриваемого механизма является обеспечение безопасности и благополучия личности. При этом безопасность личности выступает в качестве необходимого условия реализации всех известных прав человека.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3 изд., стер. М.: Азъ, 1996. 907 с.
2. Семенцов В. А. Публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности в цифровом пространстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14 (1). С. 15–21.
3. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2008. 384 с.
4. Конышев В. Н. Безопасность личности — новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 40 (277). С. 43–56.
5. Дементьев Б. П. Безопасность личности в современной России: проблемы и перспективы // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 175–178.
6. Чапчиков С. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2011. 188 с.
7. Прудников А. С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 433 с.
8. Колоткина О. А. Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 26 с.
9. Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 465 с.
10. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 384 с.
11. Опалева А. А. Гарантии как элемент правового обеспечения безопасности личности // Вестник Академии генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. С. 9–16.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 3 izd., ster. M.: Az'', 1996. 907 s.
2. Semencov V. A. Publichno-pravovoj mekhanizm obespecheniya bezopasnosti lichnosti v cifrovom prostranstve // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 14 (1). S. 15–21.
3. Ebzeev B. S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitucionnye obyazannosti. M., 2008. 384 s.
4. Konyshev V. N. Bezopasnost' lichnosti — novyj povorot v ponimanii politiki bezopasnosti // Nacional'nye interesy: prioriteti i bezopasnost'. 2014. T. 10. № 40 (277). S. 43–56.
5. Dement'ev B. P. Bezopasnost' lichnosti v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2019. № 1 (82). S. 175–178.
6. Chapchikov S. Yu. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 28 dekabrya 2010 g. № 390-FZ «O bezopasnosti» (postatejnyj). M.: Yusticinform, 2011. 188 s.
7. Prudnikov A. S. Bezopasnost' lichnosti i ee obespechenie organami vnutrennih del (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1999. 433 s.
8. Kolotkina O. A. Pravo lichnosti na bezopasnost': ponyatie i mekhanizmy obespecheniya v Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2009. 26 s.
9. Anohin Yu. V. Mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo obespecheniya prav i svobod lichnosti (na materialah Rossijskoj Federacii): dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2007. 465 s.
10. Mordovec A. S. Social'no-yuridicheskij mekhanizm obespecheniya prav cheloveka i grazhdanina: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2007. 384 s.
11. Opaleva A. A. Garantii kak element pravovogo obespecheniya bezopasnosti lichnosti // Vestnik Akademii general'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2015. S. 9–16.

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 54–60.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 54–60.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342:340.132.8

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ КАК ЕГО ПРИНЦИП

Виталий Викторович Гончаров

Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников», Краснодар, Россия, niipgergo2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу презумпции добросовестности деятельности объектов общественного контроля в России как его принципа. В работе исследуется система принципов вышеназванного института гражданского общества, изучена нормативно-правовая база общественного контроля. Проанализировано место вышеназванного принципа данного института гражданского общества в системе принципов общественного контроля. Изучено содержание указанного принципа, пределы его реализации. В статье формализованы и исследуются основные проблемы, препятствующие реализации, охране и защите принципа презумпции добросовестности деятельности объектов общественного контроля, за деятельностью которых осуществляется общественный контроль. Разработана и обоснована система мероприятий по разрешению указанных проблем.

Ключевые слова: презумпция добросовестности, принцип, общественный контроль, народовластие, Российская Федерация, органы, муниципальные, государственные, отдельные, публичные полномочия

Для цитирования: Гончаров В. В. Презумпция добросовестности деятельности объектов общественного контроля в России как его принцип // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 54–60.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PRESUMPTION OF GOOD FAITH OF THE ACTIVITIES OF OBJECTS PUBLIC CONTROL IN RUSSIA AS ITS PRINCIPLE

Vitaly V. Goncharov

Legal Consulting Corporation «Association of Independent Human Rights Defenders», Krasnodar, Russia, niipgergo2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>

Abstract. This article is devoted to the analysis of the presumption of good faith in the activities of objects of public control in Russia as its principle. The paper examines the system of principles of the above-mentioned institution of civil society, examines the regulatory framework of public control containing them. The place of the above-mentioned principle of this institution of civil society in the system of principles of public control is analyzed. The content of this principle and the limits of its implementation have been studied. The article formalizes and explores the main problems that hinder the implementation, protection and protection of the principle of presumption of good faith in the activities of objects of public control, the activities of which are subject to public control. A system of measures to resolve these problems has been developed and substantiated.

Keywords: presumption of good faith, principle, public control, democracy, Russian Federation, bodies, municipal, state, individual, public powers

For citation: Goncharov V. V. Presumption of good faith of the activities of objects public control in Russia as its principle. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:54–60 (In Russ.).

© Гончаров В. В., 2023

Вопросы закрепления, реализации, охраны и защиты системы принципов общественного контроля в Российской Федерации детально изучены в работах Е. В. Бердниковой [1, с. 12–21], О. А. Околёсной [2, с. 110–123], О. Г. Савицкой [3, с. 43–46], И. В. Тепляшина [4, с. 100–103], а также ряда других авторов. При этом особенно интересны использование данных принципов в регулировании процессов организации и осуществления мероприятий общественного контроля в отдельных сферах публичного управления рассмотрены в произведениях Б. О. Бекназаряна [5, с. 389–392], Р. Ю. Буримова [6, с. 84–90], В. С. Бялт [7, с. 101–103], М. А. Килессо [8, с. 24–30], М. А. Михайлиной [9, с. 78–85], С. В. Навального [10, с. 166–173], О. В. Соколовой [11, с. 42–47], а также некоторых иных ученых. Однако доля работ, посвященных специфике закрепления, реализации, охраны и защиты отдельных принципов общественного контроля, в общей массе упомянутых работ представляется незначительной. Данное обстоятельство и предопределило выбор предмета настоящего исследования, целью которого выступает не только исследование современных проблем, препятствующих функционированию презумпции добросовестности деятельности объектов общественного контроля как принципа общественного контроля, но и разработка системы мероприятий по разрешению указанных проблем.

В соответствии с Конституцией России многонациональный народ страны является носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве, реализующим свои властные полномочия через прямые и опосредованные формы народовластия. При этом конституционные принципы нуждаются в системе юридических гарантий реализации, охраны и защиты, важнейшим из которых выступает институт общественного контроля.

Данный институт гражданского общества в нашей стране — явление довольно молодое для правовой системы, но, как мы отмечали в ранее проведенных исследованиях, общественному контролю в эпоху РСФСР предшествовал институт народного контроля власти [12, с. 193–196], который, несмотря на критику ряда авторов, имел и ряд положительных результатов в своей деятельности (например, в части борьбы с коррупцией на низовом уровне государственного управления).

Институт общественного контроля был формализован в российском законодательстве в 2005 г. путем принятия Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». При этом на сегодняшний день регу-

лирование данного института гражданского общества осуществляется, помимо вышеназванного федерального закона, еще и рядом иных федеральных законов (например, от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»), а также многочисленными региональными законами об общественном контроле и общественных палатах в конкретных субъектах Российской Федерации, соответствующими муниципальными нормативно-правовыми актами об общественном контроле и муниципальных общественных палатах (советах) в конкретных муниципалитетах.

Правовую основу института общественного контроля составляет система его принципов, которые закреплены в вышеназванных нормативно-правовых актах.

Что же следует понимать под принципами общественного контроля?

Представляется, что под принципами общественного контроля следует понимать основные, наиболее общие начала, которые в своей совокупности, взаимозависимости и взаимообусловленности обеспечивают правовое регулирование организации и функционирования данного института гражданского общества в Российской Федерации.

Наиболее полно принципы общественного контроля в России закреплены и детализированы в статье 6 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (их там насчитывается 12).

Указанные принципы можно классифицировать на несколько групп: а) общеправовые принципы, присущие различным сферам правового регулирования, например законности, приоритета прав и законных интересов человека и гражданина; б) организационно-функциональные принципы, в частности самостоятельность субъектов общественного контроля и их независимость от объектов общественного контроля; в) принципы-ограничения, которые запрещают определенные формы и виды деятельности субъектам общественного контроля.

В других федеральных законах понятие «принципы общественного контроля» не используется. В них закрепляются принципы, связанные с осуществлением общественного контроля в данной конкретной сфере публичного управления. В частности, статья 4 федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ закрепляет принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания. Их в ней значительно меньше, чем в федеральном

законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ (прямо указаны в части 1 данной статьи пять принципов, а еще два принципа детализированы в частях 2 и 3 указанной статьи).

При этом и в данном федеральном законе принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, можно свести к трем вышеназванным группам: общеправовым принципам; организационно-функциональным принципам; принципам-ограничениям.

Предметом исследования в настоящей научной статье является закрепленный в статье 6 федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ принцип презумпции добросовестности деятельности объектов общественного контроля в России, который является одним из ключевых принципов общественного контроля в Российской Федерации в силу ряда причин.

Во-первых, данный принцип определяет целевые ориентиры в деятельности объектов общественного контроля с опорой на необходимость соблюдения не только норм действующего законодательства, но и устоявшуюся систему правил этического должностования.

Во-вторых, данный принцип предполагает необходимость проведения представителями субъектов общественного контроля активных действий по обнаружению и доказыванию умысла у представителей объектов общественного контроля при нарушении ими норм действующего законодательства.

В-третьих, закрепление и реализация данного принципа требуют от субъектов общественного контроля высокого уровня профессионализма в своей деятельности.

Российское законодательство не содержит детализации принципа добросовестности применительно как к деятельности объектов общественного контроля, так и в целом к деятельности тех или иных участников правоотношений. Однако ряд федеральных законов использует либо понятие «добросовестность», либо его антонимы, в частности «недобросовестность». Например, Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» закрепил понятие недобросовестной конкуренции, где подобные действия основываются на использовании незаконных и аморальных способов.

Действующее законодательство предполагает наличие добросовестности не только в отношении деятельности объектов общественного контроля, но и в отношении участников, например, гражданских правоотношений (статья 10 ГК РФ).

При этом следует отметить, что принцип добросовестности известен праву еще со времен древнеримского права, когда им активно использовалась конструкция «bona fides» (буквально — «добрая совесть»). Соблюдение данного принципа предполагало, что участники правоотношений морально честны, правдивы, а их линия поведения пряма и непорочна.

В дальнейшем данный принцип активно использовался при формировании как частных, так и публичных отраслей права. Как справедливо отмечает К. В. Нам, «согласно господствующему сегодня бесспорному мнению, принцип добросовестности (Treu und Glauben) служит общим правовым принципом для самых разных областей права — обязательственного, вещного, трудового, семейного и др., процессуального и публичного права» [13, с. 97–108].

Действующее законодательство, например Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», толкует добросовестность как обязанность участников правовых отношений (в контексте данного федерального закона добросовестность вменяется в обязанность арбитражному управляющему и другим субъектам процедур банкротства).

В отечественной научной и учебной литературе нет единого подхода в определении содержания принципа добросовестности в российском праве.

Так, ряд авторов считают, что данный принцип посвящен исключительно сфере норм этики и нравственности. И он, скорее, является не закрепленной обязанностью участников правоотношений соблюдать вышеназванные нормы под угрозой привлечения к правовой ответственности, а представляет собой рекомендацию, совет действовать в непротиворечии системе морально-этических правил поведения, обычно используемых в той или иной сфере общественных отношений. Так, Л. В. Щенникова отмечает, что добросовестность отождествляется с нравственными и этическими правилами поведения, когда субъект правоотношения честно, тщательно, аккуратно, исполнительно и старательно выполняет свои обязанности (по закону и договору) [14, с. 119–121]. Однако подобное толкование содержания принципа добросовестности применительно к институту общественного контроля нуждается в уточнении. Деятельность объектов общественного контроля, презумпция добросовестности которой предполагается в статье 6 федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ, осуществляется вполне конкретными должностными лицами (представителями, работниками)

объектов общественного контроля. При этом она достаточно детально урегулирована действующим законодательством. Таким образом, добросовестность в указанных обстоятельствах означает, что соблюдение указанными лицами своих обязанностей при реализации публичных полномочий объектами общественного контроля представляет собой поведение, соответствующее нормам морали и нравственности. Напротив, деятельность указанных лиц, заключающаяся в игнорировании ими своих должностных обязанностей, нарушении норм действующего законодательства, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений, иных негосударственных некоммерческих организаций, одновременно со своей неправомерностью является и нарушением правил этического должностования, т. е. недобросовестной.

По мнению других авторов, данный принцип в российском праве носит универсальный характер, т. е. обязателен для всех сторон в том или ином правоотношении. Например, по мнению Г. А. Гаджиева, принцип добросовестности — это универсальный принцип, который применим не только к органам публичной власти, но и к иным участникам правоотношений, предполагающий, что государство не должно строить правовое регулирование тех или иных отношений на презумпции недобросовестности каких-либо субъектов права [15, с. 54]. Данное замечание Г. А. Гаджиева совершенно справедливо, однако принцип презумпции добросовестности закреплен в статье 6 федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ несколько одностороннее: если добросовестность деятельности представителей объектов общественного контроля в рассматриваемом в данной статье принципе предполагается изначально, то применительно к субъектам общественного контроля законодатель формулирует добросовестность как некую цель их деятельности (наряду с объективностью и беспристрастностью), а не как данность, предполагаемую изначально по факту их создания и функционирования (пункт 6 статьи 6).

Ряд ученых справедливо отмечают, что презумпция добросовестности не является объективной данностью, признаком участника правоотношения, единожды ему данным и неотъемлемым от его правового статуса. По их мнению, добросовестность — прежде всего обязанность данных участников, заключающаяся в соблюдении не только норм законодательства, но и широкого круга правил этического должностования. В частности, по мнению М. М. Агаркова, добросовест-

ность, с одной стороны, предполагает честность в отношениях, а с другой стороны, она означает обязанность каждого субъекта правоотношения оправдывать доверие, без которого невозможно совершение сделок, необходимость активных действий данных субъектов по борьбе с прямым или косвенным обманом с использованием чужого заблуждения или непонимания [16, с. 374–376]. Таким образом, презумпция добросовестности применительно к институту общественного контроля означает, что представители его объектов должны предпринимать определенные активные действия по оправданию доверия, оказанного законодателем, предположившего их изначальную добросовестность в деятельности. В частности, ряд авторов предполагают, что представители объектов общественного контроля должны постоянно находиться в состоянии рефлексии относительно результатов своей деятельности, порядка ее осуществления, ее соответствия как нормам действующего законодательства, так и правилам этического должностования. Так, в частности, А. М. Шахаева отмечает: «В объективном смысле принцип добросовестности означает строение органов государственной власти на всех уровнях на основе добропорядочности, честности, открытости... в субъективном смысле добросовестность выражается через понимание поступков субъекта самим собой... добросовестность означает субъективное отношение лица к своему деянию, его незнание о неправомерности своего деяния, и осознание того, что при осведомленности о данной неправомерности честный в юридическом смысле человек отказался бы от его совершения» [17, с. 85].

Таким образом, презумпция добросовестности деятельности объектов общественного контроля как его принцип предполагает, что должностные лица органов публичной власти, работники государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, реализующих на основании федеральных законов отдельные публичные полномочия, в своей деятельности руководствуются нормами действующего законодательства, а также правилами этического должностования.

Каковы же пределы применения указанного принципа? Представляется, что презумпция добросовестности деятельности объектов общественного контроля действует до момента обнаружения представителями субъектов общественного контроля в результате проведенных его мероприятий нарушений в деятельности объектов общественного контроля (действующего законодательства, прав, свобод и законных интересов человека

и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций).

Однако реализация, охрана и защита принципа презумпции добросовестности деятельности объектов общественного контроля, за деятельностью которых осуществляется общественный контроль, связаны с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие.

Во-первых, игнорирование Основным Законом страны необходимости включения в него данного института гражданского общества, включая определение его понятия и основных принципов, что нивелирует его ценность как у рядовых граждан, так и чиновников, деятельность, акты и решения которых собственно и выступают в роли объекта общественного контроля. В этой связи требуется закрепление общественного контроля в Основном Законе страны с детализацией системы его принципов, включая рассматриваемый в настоящей статье принцип презумпции добросовестности деятельности объектов общественного контроля.

Во-вторых, отсутствие закрепления в законодательстве об общественном контроле определения понятия и пределов вышеназванного принципа общественного контроля. В этой связи представляется необходимым в статье 6 федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ закрепить определение понятия данного принципа общественного контроля, под которым следует понимать предположение относительно того, что должностные лица органов публичной власти, работники государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, реализующих на основании федеральных законов отдельные публичные полномочия, в своей деятельности руководствуются нормами действующего законодательства, а также правилами этического должностования. При этом следует отметить, что указанная презумпция действует лишь до момента обнаружения представителями субъектов общественного контроля в результате проведенных его мероприятий нарушений в деятельности объектов общественного контроля, о которых мы писали ранее в тексте данной научной статьи.

В-третьих, отсутствие разработки и формализации в действующем законодательстве критериев оценки добросовестности деятельности объектов общественного контроля, а также системы субъектов, осуществляющих данную оценку. В качестве подобных критериев могут выступать наличие или отсутствие в деятельности должностных лиц органов публичной власти, работников государ-

ственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, реализующих отдельные публичные полномочия, нарушений законодательства, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

В-четвертых, отсутствие закрепления в УК РФ и КоАП РФ мер правовой ответственности должностных лиц объектов общественного контроля за противодействием его осуществлению. В этой связи уголовное и административное законодательство следует дополнить правовыми составами, предусматривающими вышеназванные меры правовой ответственности, например, за противодействие законной деятельности представителей субъектов общественного контроля.

В-пятых, отсутствие в законодательстве об общественном контроле системы мероприятий по обеспечению реализации рассматриваемого в настоящей научной статье принципа общественного контроля. В связи с этим следует разработать и принять на федеральном уровне различные федеральные программы, направленные на развитие института общественного контроля. В частности, в данных программах следует предусмотреть необходимость принятия кодексов поведения тех или иных органов публичной власти, а также любых иных органов и организаций, реализующих отдельные публичные полномочия, чья деятельность, акты и решения выступают объектами общественного контроля. В данных кодексах поведения следует предусмотреть систему обязанностей указанных лиц, которые будут обеспечивать реализацию принципа презумпции добросовестности их поведения в рамках организации и функционирования объектов общественного контроля.

В-шестых, отсутствие универсальности использования презумпции добросовестности применительно к деятельности всех участников общественных отношений, связанных с организацией и проведением его мероприятий. В этой связи представляется возможным скорректировать название закрепленного в пункте 6 статьи 6 федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ принципа общественного контроля, в котором употребляется понятие «добросовестность» применительно к деятельности субъектов общественного контроля. Мы предлагаем заменить в нем слово «добросовестность» на словосочетание «презумпция добросовестности».

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Функционирование общественного контроля в нашей стране строится на основе ряда основных, наиболее общих начал, которые в своей совокупности, взаимозависимости и взаимообусловленности обеспечивают правовое регулирование указанного института гражданского общества.

2. Важнейшим из указанных принципов выступает презумпция добросовестности деятельности объектов общественного контроля, в рамках которой предполагается, что деятельность их должностных лиц (работников, представителей) соответствует не только нормам действующего законодательства, но и правилам этического должностования.

3. Реализация, охрана и защита вышеназванного принципа общественного контроля связаны с многочисленными проблемами, которые требу-

ют разработки и реализации системы мероприятий по их разрешению, в т. ч. путем: а) формализации института общественного контроля и его принципов в Конституции России; б) закрепления в законодательстве об общественном контроле понятия и пределов реализации указанного принципа; в) разработки и формализации критериев оценки добросовестности деятельности объектов общественного контроля, а также системы субъектов, осуществляющих данную оценку; г) закрепления в УК РФ и КоАП РФ мер правовой ответственности должностных лиц объектов общественного контроля за противодействием его осуществлению; д) разработки и реализации системы федеральных программ, направленных на обеспечение реализации указанного принципа общественного контроля.

Список источников

1. Бердникова Е. В. Проблемы правовой регламентации принципов общественного контроля в Российской Федерации // Современное общество и право. 2016. № 2 (23). С. 12–21.
2. Околёнова О. А. Новое прочтение принципов общественного контроля в современных условиях // Труды по интеллектуальной собственности. 2015. Т. 21. № 2. С. 110–123.
3. Савицкая О. Г. Конституционно-правовой анализ системы принципов общественного контроля // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 43–46.
4. Тепляшин И. В. Принципы общественного контроля как фактор укрепления российской демократии // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 100–103.
5. Бекназарян Б. О. Понятие и значение общественного земельного контроля // Вестник современных исследований. 2018. № 6.2 (21). С. 389–392.
6. Буримов Р. Ю., Ибрагимов О. А. Понятие, принципы и виды общественного контроля государственных закупок в России: юридический анализ // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 3. С. 84–90.
7. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. Правовые и организационные основы общественного контроля за деятельностью полиции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-1 (76). С. 101–103.
8. Килессо М. А. Принципы общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления в России // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 24–30.
9. Михайлина М. А. Понятие и правовое регулирование общественного контроля в системе исполнительной власти РФ // Академическая публицистика. 2022. № 9-1. С. 78–85.
10. Навальный С. В. Общественный контроль выборов в органы государственной власти: реалии и перспективы современного подхода // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2017. № 1 (5). С. 166–173.
11. Соколова О. В. Принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 42–47.
12. Гончаров В. В. Принципы общественного контроля в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 193–196.
13. Нам К. В. История принципа добросовестности (true und glauben) до принятия германского гражданского уложения // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 5 (138). С. 97–108.
14. Щенникова Л. В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. 1997. № 6. С. 119–121.
15. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 54–62.
16. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2002. Т. 2. С. 374–376.

17. Шахаева А. М. Понятие и содержание принципа добросовестности в предпринимательском праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. Т. 21. № 1. С. 85–88.

References

1. Berdnikova E. V. Problemy pravovoj reglamentacii principov obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe obshchestvo i pravo. 2016. № 2 (23). S. 12–21.
2. Okolyosnova O. A. Novoe prochtenie principov obshchestvennogo kontrolya v sovremennyh usloviyah // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. 2015. Т. 21. № 2. S. 110–123.
3. Savickaya O. G. Konstitucionno-pravovoj analiz sistemy principov obshchestvennogo kontrolya // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2020. № 2. S. 43–46.
4. Teplyashin I. V. Principy obshchestvennogo kontrolya kak faktor ukrepleniya rossijskoj demokratii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 4 (54). S. 100–103.
5. Beknazaryan B. O. Ponyatie i znachenie obshchestvennogo zemel'nogo kontrolya // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2018. № 6.2 (21). S. 389–392.
6. Burimov R. Yu., Ibragimov O. A. Ponyatie, principy i vidy obshchestvennogo kontrolya gosudarstvennyh zakupok v Rossii: yuridicheskij analiz // Pravovaya paradigma. 2020. Т. 19. № 3. S. 84–90.
7. Byalt V. S., Chimarov S. Yu. Pravovye i organizacionnye osnovy obshchestvennogo kontrolya za deyatelnost'yu policii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2023. № 1-1 (76). S. 101–103.
8. Killeso M. A. Principy obshchestvennogo kontrolya nad deyatelnost'yu organov mestnogo samoupravleniya v Rossii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. № 2. S. 24–30.
9. Mihajlina M. A. Ponyatie i pravovoe regulirovanie obshchestvennogo kontrolya v sisteme ispolnitel'noj vlasti RF // Akademicheskaya publicistika. 2022. № 9-1. S. 78–85.
10. Naval'nyj S. V. Obshchestvennyj kontrol' vyborov v organy gosudarstvennoj vlasti: realii i perspektivy sovremennoogo podhoda // Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal. 2017. № 1 (5). S. 166–173.
11. Sokolova O. V. Principy osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya i sodejstviya licam, nahodyashchimsya v mestah prinuditel'nogo soderzhaniya // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2014. № 2 (18). S. 42–47.
12. Goncharov V. V. Principy obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoj analiz // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 4 (220). S. 193–196.
13. Nam K. V. Istoriya principa dobrosovestnosti (true und glauben) do prinyatiya germanskogo grazhdanskogo ulozheniya // Lex Russica (Russkij zakon). 2018. № 5 (138). S. 97–108.
14. Shchennikova L. V. Spravedlivost' i dobrosovestnost' v grazhdanskom prave Rossii (neskol'ko voprosov teorii i praktiki) // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 6. S. 119–121.
15. Gadzhiev G. A. Konstitucionnye principy dobrosovestnosti i nedopustimosti zloupotrebleniya sub'ektivnymi pravami // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 7. S. 54–62.
16. Agarkov M. M. Problema zloupotrebleniya pravom v sovetskom grazhdanskom prave // Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. M.: AO «CentrYurInfoR», 2002. Т. 2. S. 374–376.
17. Shahaeva A. M. Ponyatie i sodержanie principa dobrosovestnosti v predprinimatel'skom prave // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. Т. 21. № 1. S. 85–88.

Информация об авторе

В. В. Гончаров — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Goncharov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.08.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 05.08.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 61–66.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 61–66.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.77

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СВЯЗИ С ПРОВЕДЕНИЕМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Леонид Леонидович Грищенко¹, Иван Анатольевич Синодов²

^{1,2} Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹ VVG_59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1389-1928>

² ivin.50@Ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1438-1956>

Аннотация. Материалы, представленные в статье, являются анализом угроз и опасностей, которые могут оказать влияние на деятельность органов внутренних дел после начала специальной военной операции. Автор делает сравнение специальной военной операции и чекистско-войсковых операций, проводимых войсками МВД СССР и частями Красной армии при ликвидации бандитизма, внутреннего и зарубежного подполья, действующего на средства и по указке разведок иностранных государств, после окончания Великой Отечественной войны. В статье делаются выводы о необходимости совершенствования оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в новых условиях обстановки.

Ключевые слова: анализ, опасности, терроризм, экстремизм, бандитизм, мирное население

Для цитирования: Грищенко Л. Л., Синодов И. А. О некоторых особенностях деятельности органов внутренних дел в связи с проведением специальной военной операции // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 61–66.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ABOUT SOME FEATURES OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN CONNECTION WITH THE CONDUCT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Leonid L. Grishchenko¹, Ivan A. Sinodov²

^{1,2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ VVG_59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1389-1928>

² ivin.50@Ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1438-1956>

Abstract. The materials presented in the article are an analysis of threats and dangers that may affect the activities of internal affairs bodies after the start of a special military operation. The author makes a comparison of a special military operation and the Chekist-military operations conducted by the troops of the USSR Ministry of Internal Affairs and units of the Red Army during the liquidation of banditry, domestic and foreign underground, operating at the expense and at the direction of intelligence services of foreign states, after the end of the Great Patriotic War. The article draws conclusions about the need to improve the operational and service activities of the internal affairs bodies in the new conditions of the situation.

Keywords: analysis, dangers, terrorism, extremism, banditry, civilians

For citation: Grishchenko L. L., Sinodov I. A. About some features of the activities of the internal affairs bodies in connection with the conduct of a special military operation. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;4:61–66 (In Russ.).

© Грищенко Л. Л., Синодов И. А., 2023

Объективная оценка ситуации в мире в начале XXI в. подтверждает тезис о том, что человечество переживает один из сложнейших этапов в развитии мирового сообщества. Имевший место в XX столетии шанс на переход от двуполярной системы к стабильному миру человечество не использовало. Одержав победу в холодной войне, США и их вассалы создали однополярную систему, при которой все человечество должно жить по правилам, установленным сувереном. Неповиновение или попытка защитить национальные интересы со стороны каких бы то ни было стран и народов жестко пресекаются с использованием политического, экономического, идеологического и иного инструментария. Эта стратегия и тактика были использованы США в Югославии, Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии и т. д. Сегодня эти меры применяются при ведении «гибридной войны» с Россией. Одним из инструментов нагнетания угроз в сторону нашей страны стали расширение НАТО, милитаризация Украины и создание на ее территории антироссийского, националистического государства [1].

Дальнейшее расширение военного присутствия НАТО у границ России, игнорирование Минских соглашений и активизация подготовки к агрессии против Крыма и Донбасса не оставили нам выбора. 24 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о решении провести специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации на Украине [2]. Не рассматривая политические, экономические и иные, хотя и важные составляющие данной специальной военной операции, необходимо обратить внимание на понятийный аппарат предметной области. Что следует понимать под «специальной военной операцией»?

Из законодательных, ведомственных и иных правовых и научных источников известно, что специальная операция — это комплекс согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени и направлениям непрерывных действий сил и средств, проводимых на определенной территории по единому замыслу и под общим руководством в установленные сроки [3].

Рассматривая понятие «военная», обратимся к коренному понятию «война». Под войной понимается организованная вооруженная борьба с использованием вооруженных сил как главного и решающего средства достижения победы [4].

Отыскать в современных научных источниках целостное, а уж тем более законодательно закрепленное определение «специальной военной опе-

рации» не представилось возможным. Полагаем, что дать научное определение специальной военной операции предстоит ученым и практикам в будущем. Тем не менее мы нашли, как нам кажется, близкое по форме и содержанию понятие, применимое к современной ситуации, которое было использовано в процессе ликвидации националистического подполья, оставшегося на отдельных территориях СССР после разгрома немецко-фашистских войск в Великой Отечественной войне.

Оно было дано в нормативно-правовых документах тех лет, которые были подготовлены для руководства в организации оперативно-боевой деятельности при ликвидации бандитизма, внутреннего и зарубежного подполья, действующего на средства и по указке разведок иностранных государств. Основным способом, описанным в данных документах, являлось проведение чекистско-войсковых операций.

Основными задачами, решаемыми в ходе чекистско-войсковых операций, являлись:

- ликвидация бандитизма;
- ликвидация диверсионно-разведывательных и других групп (одиночек) противника;
- изъятие предателей, изменников и других ставленников и пособников врага;
- очистка территории от нелегалов;
- изъятие незаконно хранящегося оружия и т. д.

Как следует из документов тех лет, для борьбы с националистическим подпольем при проведении чекистско-войсковых операций использовались подразделения НКВД совместно с частями Красной армии. Такая тактика включала в себя: проведение оперативной работы с населением; выявление мест нахождения вооруженных националистических бандформирований, их блокирование или окружение; огневое подавление противника, для чего применялась артиллерия и авиация; прочесывание местности с использованием бронетехники; захват или уничтожение бандгрупп; восстановление и обеспечение работы органов власти на местах. То есть применение подразделений НКВД производилось в тесном взаимодействии с частями и соединениями Красной армии и с использованием как оперативных-розыскных методов, так и способов ведения общевойскового боя [5].

Полагаем, что можно сделать вывод о схожести тактики проведения специальной военной операции на востоке Украины с чекистско-войсковыми операциями, которые НКВД и части Красной армии проводили в 40-50-е годы прошлого столетия.

Позволим сформулировать авторское определение специальной военной операции, под кото-

рой будем понимать проводимый в установленные сроки по решению Президента Российской Федерации (Верховного главнокомандующего) комплекс специальных и войсковых мер, согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени и направлениям действий разведывательных сил и средств, проводимых на определенной территории по единому замыслу и под общим руководством с целью защиты национальных интересов России от внешних и внутренних угроз.

При этом современная деятельность органов внутренних дел в связи с проведением специальной военной операции будет иметь существенные особенности. Прежде всего следует обратить внимание на содержание тех вызовов и угроз, которые имеют место и могут возникнуть в результате проведения специальной военной операции. Как показывает практика, такие угрозы, как правило, носят объективный — чрезвычайный либо субъективный — социальный характер. При этом следует понимать, что наше представление о природных и техногенных авариях, социальных чрезвычайных обстоятельствах сегодня требует нескольких иных подходов. Не характеризуя весь спектр опасностей, целесообразно выделить наиболее угрозные, последствия возникновения которых могут оказать самое непосредственное влияние на деятельность органов внутренних дел в создавшихся условиях.

Во-первых, новой с точки зрения технологий становится информационная угроза, причем проблема не в объективной информации. Опасность заключается в фейковой, ложной, провокационной информации, которую используют как внутренние провокаторы, так и внешние противники России. Созданные и отработанные технологии введения населения в заблуждение достаточно эффективно работают на подрыв внутренней стабильности, создание панических настроений в обществе, митинговой и протестной активности. Взятые на вооружение «империей лжи» современные инструменты пропаганды работают не только на западного обывателя, они импортируются в Россию и используются внутри страны. Достаточно вспомнить ложь и провокации по отношению к действиям российской армии в ходе специальной военной операции. Фейки о химических атаках, массовом убийстве мирных украинских жителей, ковровых бомбежках и обстрелах населенных пунктов. Все это направлено на разинтеграцию населения, формирование внутренней напряженности, подъем протестной активности, что в конечном итоге мо-

жет привести к социальным взрывам в отдельных районах России.

Во-вторых, использование для подрыва внутренней стабильности в регионах и отдельных местностях, казалось бы, старых, однако технологически новых форм и средств, к которым в первую очередь следует отнести терроризм. Достаточно вспомнить террористические акты в Москве, Санкт-Петербурге, Буденовке, Беслане, которые прокатились по стране в конце 1990-х — начале 2000-х годов [6].

Сегодня следует обратить внимание на терроризм не в буквальном смысле этого понятия. Речь идет о терроризме в глобальном масштабе, терроризм отдельных государств Запада по отношению к России и ее союзникам. Как еще может быть определена деятельность США и ряда стран Европы по накачиванию Украины оружием и поддержке идеологии фашизма.

Кроме того, не является секретом профессиональная подготовка украинских террористов инструкторами по специальным операциям НАТО. Создаваемые диверсионно-террористические группы из фанатиков националистов, которые не только хорошо знают русский язык, но и легко адаптируются на территории России, являются достаточно угрожающим фактором для общественной безопасности в любом регионе Российской Федерации. Если добавить в состав потенциальных террористов уголовных преступников, освобожденных из тюрем, и гражданских лиц так называемой территориальной обороны, которые получили в свои руки сотни и тысячи единиц оружия, то становится понятной угроза, которая может быть импортирована к нам.

Тем более что вооружая националистов на Украине, США и Запад подталкивают их на активные, в т. ч. диверсионно-террористические, действия на нашей территории. Обращаем внимание на состав поставляемого националистам вооружения. Переносные зенитно-ракетные комплексы, которые могут быть использованы для проведения террористических актов против гражданских воздушных судов. Джавелины являются эффективными при совершении террористических актов на жизненно важных объектах, в т. ч. ядерно-энергетических и имеющих в производстве химические отравляющие вещества. Поставляют на Украину и другие специальные средства, которые сегодня находятся на вооружении так называемых подразделений специальных операций стран НАТО. В этой связи следует быть готовым к перекрытию каналов проникновения террори-

стов и оружия на территорию нашего государства, предупреждению и пресечению террористических актов на всей территории России [7].

В-третьих, не может не вызывать тревогу эпидемиологическая ситуация. Вскрывшиеся данные о деятельности секретных химических лабораторий на Украине, в которых персонал США (в основе своей представители частных компаний CH2M Hill, Battelle, Metabiota и т. д.) под дипломатическим прикрытием бесконтрольно осуществлял биологические опыты без прямого контроля со стороны принимающего государства и мирового сообщества. И это не исключительный случай [8].

Как показывают исследования, за последние годы Грузия, Азербайджан, Узбекистан и Казахстан в обмен на американские доллары и с молчаливого согласия Организации по запрещению химического оружия не только передали свою территорию для биологических экспериментов Пентагона, но и предоставили США коллекции возбудителей опасных болезней, в которые входят еще советские боевые штаммы микроорганизмов¹.

Кроме того, военные НАТО в секретных лабораториях вне территории США проводят работы не только по созданию новых видов биологического оружия, но и технологий по доставке болезнетворных штаммов, в т. ч. и на территорию Российской Федерации, что может привести к непредсказуемым чрезвычайным последствиям, связанным с распространением эпидемий и эпизоотий.

В-четвертых, тревожная ситуация складывается при активизации миграционных процессов. И если по вопросам нелегальной миграции Президент России на расширенной коллегии МВД России 17 февраля 2022 г. поставил перед министерством конкретную задачу по выработке самых жестких мер, то начавшиеся миграционные процессы беженцев и вынужденных переселенцев с территории Украины могут создать непредвиденные существенные трудности. Кроме того, можно предположить, что в обозримом будущем гуманитарные чрезвычайные ситуации, связанные с продовольствием, водообеспечением, энергоснабжением на Ближнем Востоке и в Европе, приведут в движение многомиллионные массы.

Неменьшую озабоченность вызывает ситуация в среднеазиатских государствах, бывших союзных республиках. Попытка государственного перево-

рота в Казахстане в январе 2022 г. — это только «пробный шар» в процессе создания на южных рубежах России очага напряженности [9].

Следует иметь в виду, что с беженцами, мирными людьми, убегающими от опасностей, в колоннах мигрантов могут идти самые ярые враги России. Их ассимиляция на нашей территории, создание так называемых «спящих ячеек» в любой момент могут быть использованы для подрыва внутренней стабильности в любом регионе, на любой территории ответственности органов внутренних дел далеко за пределами, где проводится специальная военная операция.

В-пятых, серьезным сигналом, требующим всестороннего анализа, является рост преступлений, связанных с экстремизмом. В 2022 г. их количество выросло более чем на четверть. Особую озабоченность вызывают попытки экстремистов и разного рода радикалов использовать сеть Интернет для разжигания межнациональной, религиозной и социальной вражды. Именно это направление стало сегодня критически опасным. Становится понятным создание 15 апреля 2022 г. межведомственной комиссии Совета Безопасности по обеспечению технологического суверенитета России, в которую вошел Министр внутренних дел Российской Федерации. Несмотря на активизацию работы по противодействию экстремизму, приходится констатировать, что данная борьба еще требует дальнейшего наращивания усилий.

В-шестых, нельзя исключать и военные угрозы, имеющие место в отношении ряда регионов и в целом для России. Что касается приграничных территорий с Украиной, то последние события достаточно убедительно показывают имеющие место опасности для жителей Белгородской, Брянской, Курской, Ростовской областей, Краснодарского края. Тревогу вызывают заявления политиков и общественных деятелей Запада о насильственном принуждении России к прекращению специальной военной операции [10].

Появляются данные о возможной подготовке к военному решению вопросов Южных Курил, Калининградской области, Крыма. Являясь ядерной державой, Россия может и готова обеспечить свою национальную безопасность и территориальную целостность. В своем заявлении 24 февраля 2022 г. Президент России В. В. Путин, говоря об ответе тем, кто попытается создать угрозы для России, отметил, что он не заставит себя ждать и приведет к таким последствиям, с которыми противная сторона в своей истории еще никогда не сталкивалась. Глава государства подчеркнул, что россий-

¹ Справка. Россия присоединилась к Конвенции о запрещении химического оружия от 30 ноября 1992 г. и в 2017 г. полностью ликвидировала все имеющиеся запасы, в отличие от США, которые до настоящего времени имеют такие боевые средства.

ские власти готовы к любому развитию событий и приняли все необходимые решения.

Объективно, сегодня мир подошел к опасной черте, после которой может произойти исчезновение человечества как вида, что эквивалентно полной потере смысла зарождения и существования разума, которым природа наделила Homo sapiens. Это влечет за собой эпохальную потерю жизни всех будущих поколений и всех накопленных ценностей, которые могли бы быть ими созданы.

В этой связи военная угроза сегодня становится весьма актуальной. Понять свое место и роль при отражении внешней агрессии является важнейшей задачей органов внутренних дел.

Обращая внимание на угрозы и опасности, связанные с проведением специальной военной операции, следует отметить, что процесс организации деятельности органов внутренних дел в современных условиях, в т. ч. при резком осложнении оперативной обстановки, требует совершенствования. При этом полагаем, что нет необходимости менять форму. Следует обратить внимание на содержание процесса организации деятельности при резком осложнении оперативной обстановки.

В данной ситуации будет целесообразным поиск форм и способов по предупреждению негативных событий либо заблаговременной подготовке к возможным ее изменениям. Современные тенденции в развитии человечества все больше делают упор на различного рода технологические инструменты, позволяющие планировать,

прогнозировать и контролировать происходящие процессы.

Для работы в такой ситуации следует обратить самое пристальное внимание на развитие системы ситуационного управления, т. е. деятельность органов управления, при которой решения и управляющие воздействия субъекта управления основываются на анализе вариантов принятия решения с учетом текущего состояния объекта управления, располагаемых вариантов действий и прогноза последствий принимаемых управленческих воздействий [11].

Суть отличия ситуационного управления от управления по ситуации заключается в том, что создаваемая на базе распределенных ситуационных центров управленческая структура должна обладать способностью не только осуществлять автоматический сбор, анализ данных, но и заблаговременно осуществлять прогноз вариантов изменения обстановки, просчет последствий принимаемых руководителем решений. Основопологающим для данной работы должны стать на первом этапе коллективы технически и профессионально грамотных специалистов как в области IT-технологий, так и в практической деятельности органов внутренних дел. Работа непростая и требует существенных материальных, людских и временных ресурсов. Но именно это направление может обеспечить прорывное развитие в организации деятельности органов внутренних дел в современных условиях и в перспективе.

Список источников

1. Корабельникова Ю. Л. Обеспечение безопасности человека в городе: современное состояние, проблемы и перспективы: монография. М.: ООО «КноРус», 2021. 220 с.
2. Обращение Президента России В. В. Путина к гражданам России 24 февраля 2022 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6216f1dc9a79474b7aa1d455> (дата обращения: 25.05.2023).
3. Понятие, цели и задачи специальных операций. URL: <https://lektsii.org/4-17190.html> (дата обращения: 25.05.2023).
4. Война // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб.; М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915.
5. Наставление по оперативно-боевому использованию внутренних войск МВД СССР – Живой Журнал. URL: <https://www.livejournal.com/login.bml?returnto=https:%2F%2Foff-topic-off.livejournal.com%2F303893.html> (дата обращения: 25.05.2023).
6. ТАСС. Самые крупные теракты в России. Досье. URL: https://tass.ru/proisshestviya/659987?utm_source (дата обращения: 25.05.2023).
7. Грищенко Л. Л., Княжев В. Б. Война как коммерческий проект: монография. М.: ООО «РУСАЙНС», 2023. 184 с.
8. Биологическая война против России. URL: <http://xnctbsb.azhbctieai.ru-an.info/> (дата обращения: 25.05.2023).
9. В ходе беспорядков в Алма-Ате сожгли более 120 автомобилей. URL: <https://russian.rt.com/usst/news/945781-avtomobil-kazahstan-protest/amp> (дата обращения: 25.05.2023).

10. Новая доктрина превентивного применения ядерного и термоядерного оружия США. URL: <https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?> (дата обращения: 25.05.2023).

11. Княжев В. Б., Грищенко Л. Л., Егоров К. А. О перспективных направлениях совершенствования ситуационного управления в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 75–83.

References

1. Korabel'nikova Yu. L. Obespechenie bezopasnosti cheloveka v gorode: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy: monografiya. M.: ООО «KnoRus», 2021. 220 s.

2. Obrashchenie Prezidenta Rossii V. V. Putina k grazhdanam Rossii 24 fevralya 2022 g. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6216f1dc9a79474b7aa1d455> (дата обращения: 25.05.2023).

3. Ponyatie, celi i zadachi special'nyh operacij. URL: <https://leksii.org/4-17190.html> (дата обращения: 25.05.2023).

4. Vojna // Voennaya enciklopediya: v 18 t. / pod red. V. F. Novickogo [i dr.]. SPb.; M.: Tip. t-va I. D. Sytina, 1911–1915.

5. Nastavlenie po operativno-boevomu ispol'zovaniyu vnutrennih vojsk MVD SSSR – Zhivoj Zhurnal. URL: <https://www.livejournal.com/login.bml?returnto=https:%2F%2Foff-topic-off.livejournal.com%2F303893.html> (дата обращения: 25.05.2023).

6. TASS. Samye krupnye terakty v Rossii. Dos'e. URL: https://tass.ru/proisshestviya/659987?utm_source (дата обращения: 25.05.2023).

7. Grishchenko L. L., Knyazhev V. B. Vojna kak kommercheskij proekt: monografiya. M.: ООО «RUSAJNS», 2023. 184 s.

8. Biologicheskaya vojna protiv Rossii. URL: <http://xnctbsb.azhbctieai.ru-an.info/> (дата обращения: 25.05.2023).

9. V hode besporyadkov v Alma-Ate sozhgli bolee 120 avtomobilej. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/945781-avtomobil-kazahstan-protest/amp> (дата обращения: 25.05.2023).

10. Novaya doktrina preventivnogo primeneniya yadernogo i termoyadernogo oruzhiya SShA. URL: <https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?> (дата обращения: 25.05.2023).

11. Knyazhev V. B., Grishchenko L. L., Egorov K. A. O perspektivnyh napravleniyah sovershenstvovaniya situacionnogo upravleniya v organah vnutrennih del // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 2 (58). S. 75–83.

Информация об авторах

Л. Л. Грищенко — доктор юридических наук, кандидат военных наук, профессор.

И. А. Синодов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

L. L. Grishchenko — Doctor of Science (Law), Candidate of Military Sciences, Professor.

I. A. Sinodov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 28.07.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 67–71.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 67–71.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.346

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Ильнур Асгатович Гумаров¹, Виктор Владимирович Тырышкин²

¹ Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, ilnur_gumar@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, witsan333@yandex.ru

Аннотация. Вопросы, касающиеся повышения эффективности исполнения отдельных видов наказаний, достаточно актуальны в настоящее время. Авторы статьи рассматривают в совокупности проблемные вопросы исполнения административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами и уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, т. к. в данном случае цели обоих видов юридической ответственности сводятся воедино — повышение безопасности дорожного движения. В статье приводятся аргументы в пользу соразмерности применяемых мер после исполнения уголовного наказания в соотношении с административным наказанием в виде лишения права управления транспортными средствами.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, обеспечение безопасности дорожного движения, административная ответственность, уголовная ответственность, лишение права управления транспортными средствами, лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами

Для цитирования: Гумаров И. А., Тырышкин В. В. К вопросу об исполнении административных и уголовных наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 67–71.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

REVISITING THE EXECUTION OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PENALTIES IN THE FORM OF DEPRIVATION OF THE RIGHT TO DRIVE VEHICLES

Ilnur A. Gumarov¹, Viktor V. Tyryshkin²

¹ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, ilnur_gumar@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, witsan333@yandex.ru

Abstract. Issues related to improving the effectiveness of the execution of certain types of punishments are quite relevant at the present time. The authors of the article consider together the problematic issues of the execution of administrative punishment in the form of deprivation of the right to drive vehicles and criminal punishment in the form of deprivation of the right to engage in activities related to driving vehicles, since in this case the goals of both types of legal liability are brought together – improving road safety. The article analyzes the gaps in the legal regulation of the return of a driver's license after the end of the term of execution of a court sentence on the imposition of a criminal penalty in the form of deprivation of the right to engage in activities related to the management of vehicles, and also suggests options for eliminating these gaps. Arguments are given in favor of the proportionality of the measures applied after the execution of the criminal penalty in relation to the administrative penalty in the form of deprivation of the right to drive vehicles.

Keywords: traffic police, road safety, administrative responsibility, criminal liability, deprivation of the right to drive vehicles, deprivation of the right to engage in activities related to the management of vehicles

For citation: Gumarov I. A., Tyryshkin V. V. Revisiting the execution of administrative and criminal penalties in the form of deprivation of the right to drive vehicles. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:67–71 (In Russ.).

© Гумаров И. А., Тырышкин В. В., 2023

Проблемные вопросы, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения, всегда оставались и остаются достаточно актуальными на территории Российской Федерации ввиду того, что количество пострадавших и погибших в результате дорожно-транспортных происшествий в настоящее время остается на высоком уровне. Так, за 2022 год в результате дорожно-транспортных происшествий погибли 12 753 человека и 144 754 человека получили ранения различной степени тяжести [1].

Особую озабоченность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения вызывает количество лиц, привлекаемых к административной и уголовной ответственности за управление транспортными средствами в состоянии опьянения. Ответственность за данное правонарушение в рамках КоАП РФ¹ предусмотрена статьями 12.8, 12.26, за повторное правонарушение, исходя из административной преюдиции, — статьей 264.1 УК РФ². К лицам, совершившим данные административные правонарушения либо преступления, может быть применено административное наказание — лишение права управления транспортными средствами либо уголовное наказание — лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, в зависимости от квалификации совершенного ими деяния.

В юридической литературе встречается достаточно большое количество публикаций, посвященных анализу проблемных вопросов, возникающих при исполнении административных и уголовных наказаний в сфере лишения права управления транспортными средствами как в административном, так и в уголовном порядке [2, 3, 4, 5, 6]. В данных работах авторами акцентировано внимание на значительном количестве актуальных проблем в рассматриваемой сфере.

В частности, в одной из работ С. И. Корыц абсолютно справедливо указывает, что правила возврата водительского удостоверения, утвержденные постановлением Правительства РФ от 14 ноября 2014 г. № 1191 «Об утверждении Правил возврата водительского удостоверения после утраты оснований прекращения действия права на управление транспортными средствами» (далее — постановле-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние Правительства № 1191)³, не предусматривают порядка возврата удостоверения после исполнения уголовного наказания — лишения права заниматься определенной деятельностью. То есть лицо, лишенное права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами по приговору суда за совершение преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, после окончания срока наказания вернет свое водительское удостоверение без выполнения каких-либо дополнительных условий в день обращения. Таким образом, существует определенный перекосяк в пропорциональности юридических последствий, а именно в полном отсутствии каких-либо условий для возврата удостоверения лицу, подвергнутому уголовному наказанию, и в наличии таковых для лица, наказанного в административном порядке [6, с. 106–107]. Мы в полной мере поддерживаем указанную точку зрения, данную проблему мы анализируем ниже.

Также мы согласны с позицией С. А. Боровикова и Ю. А. Чжан, раскрывающих проблему незачета времени, в течение которого осужденное лицо занималось запрещенной деятельностью, в частности управляло транспортным средством, не сдав своевременно водительское удостоверение в подразделение Госавтоинспекции МВД России. Мы констатируем, что на сегодняшний день отсутствуют положения законодательства, устанавливающие негативные последствия нарушения осужденным приговора, закрепляющего лишение его права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами. Осужденные не воспринимают незачет 1 дня в случае выявления сотрудниками Госавтоинспекции МВД России факта управления транспортным средством данными лицами [3, с. 6]. Поэтому необходимо разработать более действенные меры, направленные на повышение эффективности контроля за соблюдением осужденными лицами установленных уголовным наказанием ограничений.

Рассматриваемые вышеуказанными авторами проблемы отчасти пересекаются с актуальными вопросами, рассматриваемыми в данной статье, что, конечно же, неизбежно, т. к. в сфере исполнения постановлений о назначении наказаний, связанных с лишением права управления транспорт-

³ Об утверждении Правил возврата водительского удостоверения после утраты оснований прекращения действия права на управление транспортными средствами [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 14 ноября 2014 г. № 1191. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ными средствами, все проблемы достаточно тесно взаимосвязаны друг с другом, и, рассматривая одну проблему, непременно необходимо обратить внимание на другие.

Кроме этого, подробным анализом проблем, касающихся возврата водительского удостоверения после окончания срока исполнения административных или уголовных наказаний, связанных с лишением права управления транспортным средством, ранее никто не занимался.

Итак, возвращаясь к вопросам, рассматриваемым в данной статье, стоит отметить, что выявление лица, совершившего административное правонарушение либо уголовно наказуемое деяние в сфере безопасности дорожного движения, особенно если оно наказывается лишением права управления транспортным средством, — это первый, достаточно сложный этап привлечения виновного лица к ответственности. В свою очередь, эффективное исполнение вынесенного наказания — также немаловажный аспект данного процесса. Ведь вся строгость назначенного наказания может быть нивелирована необязательностью его исполнения. Особенно это актуально для исполнения самого строгого наказания в сфере обеспечения безопасности дорожного движения — лишения права управления транспортным средством как в административном, так и в уголовном порядке.

В результате анализа процесса исполнения указанных выше видов наказаний нами был сделан однозначный вывод — в административном производстве данная процедура более детализирована и регламентирована КоАП РФ и постановлением Правительства РФ № 1191. Так, в соответствии с КоАП РФ и указанным постановлением Правительства РФ после окончания срока лишения права управления транспортным средством регламентирован следующий порядок возврата водительского удостоверения. В соответствии с ч. 4.1 ст. 32.6 КоАП РФ по истечении срока лишения права управления транспортным средством водительское удостоверение, изъятое у лица, подвергнутого данному виду административного наказания, возвращается после проверки знания им Правил дорожного движения и после уплаты в установленном порядке наложенных на него административных штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения, а за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.8, ч. 1 ст. 12.26 и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, — также медицинского освидетельствования данного лица на наличие медицинских противопоказаний к управлению транс-

портным средством. Причем стоит отметить, что срок лишения права управления в данном случае начинает течь с момента сдачи/изъятия водительского удостоверения.

Анализируя порядок исполнения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, мы видим, что в нем не все так однозначно, как в административном производстве. Порядок исполнения данного вида наказания регламентирован Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации¹ (далее — УИК РФ) и Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»² (далее — приказ Минюста № 142). В соответствии с данными нормативными правовыми актами при назначении указанного вида наказания в качестве как основного, так и дополнительного к штрафу, обязательным работам и исправительным работам или ограничению свободы, а также при условном осуждении, если при этом исполнение дополнительного вида наказания не отсрочено, — исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу. При назначении этого наказания в качестве дополнительного к принудительным работам, аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, лишению свободы срок указанного наказания исчисляется соответственно со дня освобождения осужденного из исправительного центра, из-под ареста, из дисциплинарной воинской части или из исправительного учреждения. При этом срок назначенного наказания как в качестве основного, так и в качестве дополнительного исчисляется независимо от того, сдано либо не сдано водительское удостоверение.

Каких-либо дополнительных требований по оплате штрафов, прохождению медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством и т. д. ни в УИК РФ, ни в приказе Минюста № 142 не содержится. Хотя в п. 1 ч. 1 ст. 23 Фе-

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дерального закона № 196-ФЗ¹ имеется требование по обязательному медицинскому освидетельствованию водителей транспортных средств в связи с возвратом водительского удостоверения после отбытия наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в случае лишения права на управление транспортными средствами).

Полагаем, что данная ситуация не в полной мере соответствует тяжести ответственности, т. к. в административном порядке на лицо возлагаются как дополнительные обязанности, так и дополнительные затраты, не применяемые в случае вынесения уголовного наказания. В связи с этим считаем необходимым внести изменения в нормативные правовые акты, позволяющие максимально соотносить процедуры восстановления права на управление транспортным средством после окончания срока лишения права управления им в административном и уголовном порядке.

Во-первых, необходимо внести изменения в ст. 36 УИК РФ, регламентирующие особенности исчисления срока лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами. В частности, в данной статье нужно закрепить положения, касающиеся того, что в случае уклонения лица, подвергнутого данному виду уголовного наказания, от сдачи соответствующего удостоверения срок лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, прерывается. Течение прерванного срока продолжается со дня сдачи лицом либо изъятия у него соответствующего удостоверения, а равно получения органом, исполняющим этот вид уголовного наказания, заявления лица об утрате указанных документов. В случае осуждения лица к лишению свободы указанный срок начинает течь после освобождения из мест лишения свободы при условии, что сдано либо изъято водительское удостоверение.

Во-вторых, в ст. 37 УИК РФ целесообразно внести изменения, регламентирующие допол-

нительные обязанности лицам, осужденным к лишению права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами:

1. В течение трех дней после вступления приговора суда в силу сдать удостоверение на право управления транспортным средством в подразделение Госавтоинспекции МВД России по месту жительства.

2. После истечения срока лишения указанного права сдать экзамен в Госавтоинспекции МВД России на знание Правил дорожного движения.

3. Оплатить в установленном порядке наложенные на него штрафы за административные правонарушения и уголовные преступления в области дорожного движения.

4. Пройти медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством.

Также в последующем возникнет необходимость внесения изменений в постановление Правительства № 1191, а также в приказ Минюста № 142 в части приведения в соответствие данного постановления Правительства и приказа Минюста с изменениями, внесенными в УИК РФ.

По нашему мнению, данные новеллы, внесенные в УИК РФ, постановление Правительства № 1191 и приказ Минюста № 142, позволят систематизировать процесс исполнения административных и уголовных наказаний в сфере лишения права управления транспортным средством. Также следует привести их в соответствие в том числе и с федеральным законом № 196-ФЗ и устранить имеющийся на сегодняшний день дисбаланс по более строгому порядку исполнения административного наказания по сравнению с уголовным наказанием в одной сфере — лишения права управления транспортным средством. Это в итоге приведет к восстановлению принципа справедливости в данной области применения норм административного и уголовного законодательства.

Список источников

1. Официальные статистические сведения ГУОБДД МВД России. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 27.05.2023).

2. Уваров О. Н. Об исполнении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 65–68.

¹ О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10 декабря 1998 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Боровиков С. А., Чжан Ю. А. Проблемы и практика исполнения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4 (40). С. 4–8.

4. Головкин В. В., Слышалов И. В., Сахно А. И. Исполнение наказания в виде лишения права на управление транспортным средством // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 205–214.

5. Бекетов О. И., Коряц С. И. Проблемы исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 2. С. 115–123.

6. Коряц С. И. Сравнительная характеристика порядка возврата удостоверений на право управления транспортными средствами после окончания исполнения административного и уголовного наказаний // Актуальные проблемы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-деликтно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности: сборник статей международной заочной научно-практ. конф-ции (Могилев, 31 мая 2021 г.). Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2021. С. 104–108.

References

1. Oficial'nye statisticheskie svedeniya GUOBDD MVD Rossii. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (data obrashcheniya: 27.05.2023).

2. Uvarov O. N. Ob ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat'sya deyatel'nost'yu, svyazannoj s upravleniem transportnymi sredstvami // Ugolovnaya yusticiya. 2017. № 9. S. 65–68.

3. Borovikov S. A., Chzhan Yu. A. Problemy i praktika ispolneniya ugolovnoho nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat'sya deyatel'nost'yu, svyazannoj s upravleniem transportnymi sredstvami // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2017. № 4 (40). S. 4–8.

4. Golovko V. V., Slyshalov I. V., Sahno A. I. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya prava na upravlenie transportnym sredstvom // Pravoprimenenie. 2021. T. 5. № 3. S. 205–214.

5. Beketov O. I., Koryc S. I. Problemy ispolneniya postanovlenij o lishenii prava upravleniya transportnymi sredstvami // Pravoprimenenie. 2017. T. 1. № 2. S. 115–123.

6. Koryc S. I. Sravnitel'naya harakteristika poryadka vozvrata udostoverenij na pravo upravleniya transportnymi sredstvami posle okonchaniya ispolneniya administrativnogo i ugolovnoho nakazaniy // Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya administrativnogo, administrativno-deliktnogo i administrativno-deliktno-processual'nogo zakonodatel'stva v pravoohranitel'noj deyatel'nosti: sbornik statej mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakt. konf-cii (Mogilev, 31 maya 2021 g.). Mogilev: Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennih del Respubliki Belarus', 2021. S. 104–108.

Информация об авторах

И. А. Гумаров — кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Тырышкин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. A. Gumarov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

V. V. Tyryshkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023; одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 02.09.2023; approved after reviewing 02.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 72–77.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 72–77.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Вера Сергеевна Зубкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, zvs89@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6156-6839>

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к созданию возможностей и условий для развития личности, благодаря которым будет достигаться социальная защита и благосостояние общества в целом. Раскрываются социальные права и тесно связанные с ними обязанности. Автором подчеркивается роль и значение конституционного принципа единства прав и обязанностей личности в социальной сфере.

Ключевые слова: социальные права, социальные обязанности, единство прав и обязанностей, конституционный принцип

Для цитирования: Зубкова В. С. Конституционный принцип единства прав и обязанностей личности в социальных правах: современные тенденции // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 72–77.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF THE UNITY OF HUMAN RIGHTS AND DUTIES IN THE SOCIAL SPHERE: CURRENT TRENDS

Vera S. Zubkova

Altai State University, Barnaul, Russia, zvs89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6156-6839>

Abstract. The article discusses approaches to creating opportunities and conditions for personal development, through which social protection and well-being of society as a whole will be achieved. Social rights and closely related responsibilities are revealed. The author emphasizes the role and importance of the constitutional principle of the unity of the rights and duties of the individual in the social sphere.

Keywords: social rights, social duties, unity of rights and duties, constitutional principle

For citation: Zubkova V. S. Constitutional principle of the unity of human rights and duties in the social sphere: current trends. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:72–77 (In Russ.).

Социальное государство является неотъемлемой частью современной России, а возникающие многочисленные вызовы и проблемы, такие как неравенство, бедность, безработица, ухудшение качества жизни и ряд других, приводят к переосмыслению роли данных прав для личности. В современном конституционном праве появляются новые подходы к созданию таких социальных возможностей для личности, благодаря которым будет достигаться социальная защита и благосостояние личности и общества в целом [1, с. 85]. Выделяются определенные приоритеты и векторы в направлениях развития любого общественного процесса, те насущные на данный момент вопросы, которые требуют немедленного и эффективного разрешения [2, с. 187]. Таким приоритетным направлением является социальная политика, а также права и обязанности личности в данной сфере. Исходя из современных вызовов и целей, которые планируется достигнуть, государство задало курс развития как на ближайшее время, так и на долгосрочный период.

Многообразие понимания социальных прав в науке конституционного права отчетливо прослеживается в том, что Конституция РФ выступает в качестве их гаранта, на основе определенных конституционных принципов. Данные принципы интегрируют в себе содержание нормативного регулирования известного круга общественных отношений в социальной сфере и воплощаются в целях, задачах, содержании целостного порядка общества и государства, проводимых в жизнь органами государственной власти. Обобщение различных взглядов на содержание и значение социальных прав позволяет определить их как исходные положения конституции, находящие свое современное развитие.

Социальные права неразрывно связаны с обязанностями, которые возникают в процессе их реализации. Взаимосвязь социальных прав и обязанностей обусловлена как интересами общества, так и личными интересами каждой личности. Конституционный принцип единства прав и обязанностей личности (далее — конституционный принцип) выступает как один из фундаментальных принципов и подразумевает, что каждый человек в обществе имеет определенные конституционные права, при этом выполняет обязанности, которые обусловлены как Конституцией РФ, так и специальными актами федерального и регионального уровней.

Данный принцип динамично развивается, при этом в социальной сфере, на наш взгляд, он яв-

ляется одним из необходимых, т. к. обеспечивает правовое поле для личности в государстве. Закрепление его как самостоятельного конституционного принципа способствует созданию условий для устойчивого развития государства. В целом исследуемый принцип является базовым, т. к. позволяет обеспечить баланс между правами и обязанностями личности, способствуя развитию стабильных и процветающих отношений.

Широта охватываемых конституционным принципом общественных отношений дополняет его известной неопределенностью и приводит к мысли о том, что он нуждается в конкретизации. Конкретизация этого принципа позволяет увидеть конституционно-правовые возможности обеспечения достойного уровня существования личности и механизм сбалансированного существования в обществе. Она достигается посредством анализа норм Конституции и российского законодательства в целом.

Социальные права и обязанности личности составляют особую группу. Социальные права и обязанности — это совокупность конституционных норм, благодаря которым личность может рассчитывать на получение от государства определенных социальных благ, которые проявляются в материальной помощи и не только [3, с. 233; 4, с. 6]. Для осуществления социальных прав и обязанностей не только требуется активная социальная поддержка со стороны государства, но и сам человек должен прилагать к этому определенные усилия. Рассмотрим некоторые из них.

Важнейшим из социальных прав является право на образование (ст. 43 Конституции РФ). Право на образование связано с непрерывным и целенаправленным процессом получения новых знаний. Ежегодно увеличивается роль права на образование. Все больше внимания подрастающее поколение уделяет получению новых знаний. Само право на образование прошло длительное становление, а учитывая влияние западных тенденций, к 2012 г. изменилось основательно. Проводимые реформы не оставили это право без изменений. Однако современные вызовы требуют переосмысления данного права, его усиления и не только путем расширительного толкования, но и путем проявления определенных обязанностей.

Классические обязанности, с которыми тесно связано право на образование, содержатся в нормах Конституции, к ним можно отнести обязанность гражданина на получение основного общего образования (п. 4 ст. 43 Конституции РФ), а также обязанность родителей или лиц, их замещающих,

обеспечивать получение детьми основного общего образования. Так, в статье 44 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрено следующее: «Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка». Более подробно закрепляются в семейном законодательстве РФ обязанности родителей обеспечить получение детьми общего образования. «Так, родители имеют право выбора образовательной организации, формы получения детьми образования и формы их обучения с учётом мнения детей до получения ими основного общего образования» (ст. 63 Семейного кодекса РФ) [5, с. 69].

Помимо указанного выше законодательства, принцип единства прав и обязанностей личности регламентируется и на уровне субъектов РФ. Так, Конституция Республики Алтай закрепляет «обеспечить получение детьми среднего (полного) общего образования» (ст. 59)¹, несмотря на то, что Конституция РФ (ч. 4 ст. 43) признает обязательным лишь основное общее образование, получаемое детьми в течение девяти лет. С одной стороны, такая обязанность только улучшает положение ребенка и развивает заложенный в ней гуманистический потенциал [6, с. 6], а с другой — выходит за рамки Конституции РФ.

Учитывая новые изменения в законодательстве в сфере образования, нельзя оставить без внимания обязанность повышения патриотизма и гражданственности в учебных заведениях. Проведение еженедельных уроков способствует усилению ценностных ориентиров учеников, а поднятие флага и исполнение гимна воспринимаются не как навязанная обязанность, а как должное поведение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что праву на образование в России корреспондируют обязанности, установленные Конституцией РФ и российским законодательством.

Среди социальной сферы особое место занимают материнство, детство, семья, находящиеся под защитой государства, которая носит комплексный характер и осуществляется посредством принятия разнообразных государственных мер по поощрению материнства, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, её социальной поддерж-

ке, обеспечению семейных прав граждан. Конституционная норма распространяется на семью, материнство, отцовство и детство как социальную ценность общественной жизни. Праву на защиту семьи соответствует обязанность, вытекающая из части 2 статьи 38 Конституции РФ, — обязанность родителей заботиться о детях и их воспитании. Настоящее конституционное положение детализируется в Семейном кодексе Российской Федерации. В частности, в главе 12 «Права и обязанности родителей» устанавливаются обязанности родителей воспитывать и заботиться о ребенке, интересы которого являются предметом основной деятельности родителей.

Забота о детях, их воспитание — право и обязанность родителей, которые обязаны до достижения ребенком восемнадцати лет воспитывать его, защищать его интересы, быть законными представителями, заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

Воспитание детей — это нравственная основа исследуемой обязанности [7, с. 105, 160; 8, с. 4], закрепленная и на уровне законодательства субъектов Российской Федерации. Так, уставы Чукотского автономного округа (ч. 1 ст. 97), Оренбургской области (ст. 96), Забайкальского края (ч. 2 ст. 93) закрепляют обязанность родителей «содержать, воспитывать своих детей и обеспечивать получение образования». Одним из проблемных является вопрос получения ребенком содержания от родителей, которые сами еще являются несовершеннолетними. Как известно, лица, которым не исполнилось 18 лет, — несовершеннолетние, они нетрудоспособны и находятся на иждивении своих родителей. Они не обязаны трудиться. Несовершеннолетние, как правило, еще сами получают образование в школе. Получение ребенком содержания от родителей, которые сами еще являются несовершеннолетними, практически невозможно.

Еще одна прямая обязанность, возникающая из анализа норм Конституции, — обязанность трудоспособных детей, достигших восемнадцати лет, заботиться о нетрудоспособных родителях. Данная конституционная обязанность включает в себя обязанность поддерживать родителей, а при необходимости и содержать их. Конституционное положение использует термин «должны», тем самым подчеркивая нравственную составляющую обязанности детей по отношению к своим родителям. Согласно статье 87 Семейного кодекса РФ «трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждаю-

¹ Конституция Республики Алтай (Основной Закон) от 7 июня 1997 г. (ред. от 13.06.2018 № 1-КРЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щихся в помощи родителей и заботиться о них». Эта обязанность (в отличие, к примеру, от обязанностей супругов друг перед другом) носит безусловный характер и не связывается законодателем с наличием либо отсутствием у гражданина постоянного и достаточного дохода. Обязанность трудоспособных совершеннолетних детей проявлять заботу о своих родителях является в первую очередь нравственным долгом и обязанностью детей, поскольку исполнение соответствующего предписания с помощью мер государственного принуждения невозможно.

По решению суда они вообще могут быть освобождены от данной обязанности. Если родители уклонялись от выполнения обязанностей родителей — не заботились о здоровье, нравственном воспитании, физическом развитии, обучении несовершеннолетнего ребенка, подготовке его к труду, а также не содержали ребенка, злостно уклоняясь от уплаты алиментов, то лицо считается освобожденным от выполнения данной обязанности. Для освобождения детей от алиментной обязанности в отношении родителей не требуется, чтобы родители обязательно были лишены родительских прав, ограничены в родительских правах или осуждены за злостное уклонение от уплаты алиментов. Важно только то, что родители в прошлом, когда дети были несовершеннолетними, уклонялись от выполнения своих обязанностей.

Право на социальную помощь заслуживает отдельного внимания. Для того чтобы реализовать свое право на получение от государства социальной помощи, личность обязана на основании статьи 7 относиться к соответствующей категории граждан: малоимущим семьям, малоимущим одиноким гражданам и др. (т. е. лицам, доход которых ниже прожиточного минимума). Более того, гражданин обязан письменно обратиться за государственной социальной помощью (статья 8 ФЗ), а для того, чтобы не получить отказ в назначении социальной помощи, лицо обязано предоставить полные и достоверные сведения. С мая 2022 г. семьи с невысокими доходами получают новые выплаты на детей в возрасте 8–16 лет. Данное право может быть реализовано только при соблюдении обязанности самостоятельно обратиться с необходимым пакетом документов в соответствующие органы (процедура регламентирована). Для реализации данного права гражданин обязан соблюдать все требования по оформлению данного пособия. Следовательно, конституционный принцип в данной сфере раскрывается посредством Конституции РФ и специального законодательства.

Президент РФ В. В. Путин отметил, что семья, в которой двое, трое или большее количество детей, — будущее нашей страны, а ее основные задачи направлены на усиление национальной социальной политики, которые реализуются совместными усилиями в регионах. Примером решения имеющихся проблем стало увеличение материнского капитала на ближайшие три года (к 2025 г. ожидаемые выплаты составят 680,1 и 898,7 тысячи рублей).

Необходимо отметить, что с 1 января 2023 г. благодаря реформе существует единый Фонд пенсионного и социального страхования, созданный на базе Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования. Через него осуществляют все выплаты, что позволяет ускорить оформление выплат и тем самым повысить эффективность реализации гражданами соответствующего права.

В Конституции РФ закреплено право на медицинскую помощь и охрану здоровья (ст. 41). Корреспондирующей обязанностью права на охрану здоровья является положение статьи 27 «Обязанности граждан в сфере охраны здоровья», закрепляющее обязанность граждан заботиться о сохранении своего здоровья (не совершать действия, ухудшающие состояние здоровья и т. д.). Граждане в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинские осмотры, а граждане, страдающие заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинское обследование и лечение, а также заниматься профилактикой этих заболеваний. Особого внимания заслуживает такая сфера, как медицинское страхование — обязательное и добровольное [9, с. 203]. Обязательное медицинское страхование является видом обязательного социального страхования и включает в себя систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, которые направлены на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования в пределах территориальной программы обязательного медицинского страхования и в установленных законом случаях в пределах базовой программы обязательного медицинского страхования. Более того, гражданин может воспользоваться услугами дополнительного (добровольного) страхования, например страхования жизни от несчастного случая. Следовательно, праву на охрану здоровья и медицинскую помощь

корреспондируют обязанность заботиться о сохранении своего здоровья и обязанность медицинского страхования для полной реализации права.

В современном мире возникают новые вызовы и проблемы, которые требуют адаптации законодательства и пересмотра обязанностей граждан. Знание своих прав и обязанностей, участие в общественной жизни являются неотъемлемыми элементами понимания и актуализации этого единства. Единство прав и обязанностей является взаимосвязанной и взаимозависимой концепцией, которая является основой справедливого и гармоничного общества. Конституционный принцип единства прав и обязанностей личности в соци-

альной сфере является неотъемлемой частью гарантии прав граждан и общественного порядка. Он устанавливает взаимосвязь между правами и обязанностями каждой личности, а также способствует формированию справедливого и развитого общества, обеспечивая их равновесие, где каждый гражданин имеет равные возможности и обязанности перед собой и другими. Учитывая тот факт, что социальные права и обязанности граждан фактически широко реализуются большей частью населения, становится очевидным важность данного принципа и его реализации в качестве отличительной черты современного развитого государства.

Список источников

1. Нудненко Л. А. Социальное государство в России: идеал и реальность // Научные труды. Российская академия юридических наук: вып. 22. М.: Издательская группа «Юрист», 2022. С. 85–89.
2. Комкова Г. Н. Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 186–192.
3. Ледях И. А. О социальном государстве и его политико-правовых истоках // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов (Москва, 2–3 декабря 2008 г.). М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 230–239.
4. Пешкова (Белогорцева) Х. В. Финансово-правовые основы социально-гуманитарного государства: вопросы теории государства и права и науки финансового права // Финансовое право. 2022. № 4. С. 2–6.
5. Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об опеке и попечительстве»: постатейный комментарий / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2010.
6. Аничкин Е. С. Позитивные отклонения в конституционном праве России (на примере основных прав и свобод человека и гражданина) // Сибирский юридический форум: проблемы обеспечения прав человека: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. С. 5–7.
7. Нечаева А. М. Семейное право: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.
8. Бурова Е. В. Правовое и духовно-нравственное содержание принципа приоритета семейного воспитания в российском праве // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 3–6.
9. Социальная медицина / А. В. Мартыненко [и др.]; под ред. А. В. Мартыненко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021.

References

1. Nudnenko L. A. Social'noe gosudarstvo v Rossii: ideal i real'nost' // Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskikh nauk: vyp. 22. M.: Izdatel'skaya gruppa «Yurist», 2022. S. 85–89.
2. Komkova G. N. Strategicheskie nacional'nye priorityty Rossii v popravkah k Konstitucii RF 2020 goda // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2023. T. 23. Vyp. 2. S. 186–192.
3. Ledyah I. A. O social'nom gosudarstve i ego politiko-pravovyh istokah // Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: universalizm i mnogoobrazie opytov (Moskva, 2–3 dekabrya 2008 g.). M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2009. S. 230–239.
4. Peshkova (Belogorceva) H. V. Finansovo-pravovye osnovy social'no-gumanitarnogo gosudarstva: voprosy teorii gosudarstva i prava i nauki finansovogo prava // Finansovoe pravo. 2022. № 4. S. 2–6.
5. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii i Federal'nyj zakon «Ob opeke i popechitel'stve»: postatejnij kommentarij / pod red. P. V. Krasheninnikova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2010.
6. Anichkin E. S. Pozitivnye otkloneniya v konstitucionnom prave Rossii (na primere osnovnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina) // Sibirskij yuridicheskij forum: problemy obespecheniya prav cheloveka: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2020. S. 5–7.

7. Nechaeva A. M. Semejnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2020.

8. Burova E. V. Pravovoe i duhovno-nravstvennoe sodержanie principa prioriteta semejnogo vospitaniya v rossijskom prave // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2020. № 6. S. 3–6.

9. Social'naya medicina / A. V. Martynenko [i dr.]; pod red. A. V. Martynenko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2021.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 78–84.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 78–84.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.92

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО СТАТЬЕ 7.27.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Юлия Александровна Кригер¹, Евгений Александрович Федяев²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, y.aleks@list.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, fea55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается ретроспектива развития ответственности за совершение мелких хищений, этапы их декриминализации. Проводится анализ юридического состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.27.1 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Авторы пришли к выводу, что отсутствие предмета посягательства не может служить однозначным способом правильной квалификации по данному составу административного правонарушения. Основным критерием выступают причинение имущественного ущерба, а также способы совершения правонарушения. В заключение приведены наиболее распространенные способы совершения исследуемого административного правонарушения.

Ключевые слова: административное правонарушение, юридический состав, квалификация, имущественный ущерб, обман, злоупотребление доверием, мелкое хищение

Для цитирования: Кригер Ю. А., Федяев Е. А. Особенности квалификации административного правонарушения по статье 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 78–84.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE UNDER ARTICLE 7.27.1 OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSE

Yulia A. Krieger¹, Evgeniy A. Fedyaev²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, y.aleks@list.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, fea55@mail.ru

Abstract. The article examines a retrospective of the development of responsibility for committing petty thefts and the stages of their decriminalization. An analysis of the legal composition of the administrative offense provided for in Article 7.27.1 “Causing property damage by deception or abuse of trust” of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses is carried out. The elements of the objective side of the offense under study are examined in particular detail. The authors came to the conclusion that the absence of the subject of the offense cannot serve as an unambiguous method of correct qualification for this administrative offense. The main criterion is the infliction of property damage, as well as the methods of committing the offense. The authors examine the features of this offense, which are based on an analysis of the emerging judicial practice. In conclusion, the most common ways of committing the administrative offense under study are given.

Keywords: administrative offense, legal composition, qualifications, property damage, deception, breach of trust, petty theft

For citation: Krieger Yu. A., Fedyaev E. A. Features of the qualification of an administrative offense under article 7.27.1 of the Code of the Russian Federation on administrative offense. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;4:78–84 (In Russ.).

© Кригер Ю. А., Федяев Е. А., 2023

Складывающаяся в стране социально-экономическая ситуация вынуждает признать фактическое падение реальных доходов населения, что, в свою очередь, косвенно способствует росту имущественных посягательств. Часть из них приходится на совершение административных правонарушений. Основываясь на данных сайта

Агентства правовой информации, можно привести следующую статистику совершения административных правонарушений по статьям 7.27 и 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), объектом которых выступает собственность [1].

Статья КоАП РФ	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
7.27	149 561	133 630	141 048	156 371	147 890
7.27.1	1752	1736	1555	2028	2067

Как видим, наблюдается стабильно высокий уровень указанных административных правонарушений. Согласно данным ГИАЦ МВД России (форма статистической отчетности АП-577), сотрудниками органов внутренних дел за первое полугодие 2023 г. на территории Российской Федерации было пресечено 113 990 мелких хищений (ст. 7.27 КоАП РФ), причинен имущественный ущерб путем обмана или злоупотребления доверием — 927 фактов (ст. 7.27.1 КоАП РФ)¹. Гораздо большее число фактов привлечения по статье 7.27 в сравнении со статьей 7.27.1 КоАП РФ может привести к вопросу о целесообразности существования последней. Чтобы подтвердить обозначенную позицию, необходимо коротко проследить историю развития ответственности за совершение мелких хищений, в т. ч. совершаемых посредством обмана или злоупотребления доверием.

Традиционно ответственность за совершение имущественных правонарушений была уголовной, и хищения не являлись исключением. Применительно к хищениям собственности, совершаемым путем обмана или мошенничества, в Российской империи ответственность предусматривалась Сводом законов Российской Империи, том XV, раздел двенадцатый, глава третья, отделение четвертое [2, с. 189–190]. В начальный период советского времени ответственность за все виды хищений собственности продолжала оставаться уголовной². При этом как таковая ответственность за причи-

нение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием появляется как один из способов совершения мошенничества только в Уголовном кодексе РСФСР от 1926 г. [3, с. 26–27]. Уголовным кодексом РСФСР, принятым в 1960 г., устанавливается ответственность за мелкие хищения (ст. 96) и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 94)³. Институт административной ответственности с начала двадцатого века постепенно развивался, однако эволюция этого вида ответственности носила децентрализованный характер. Принимались нормативные акты, устанавливающие наказание за совершение проступков в отдельных сферах хозяйственной деятельности или охраны правопорядка [4, с. 150].

Подобный подход остался в прошлом с момента принятия Постановления Верховного Совета РСФСР от 20 июня 1984 г.⁴, которое утвердило Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (далее — КоАП РСФСР)⁵. С этого момента мелкие хищения были декриминализованы, т. е. ответственность за их совершение теперь устанавливалась ст. 49 «Мелкое хищение чужого имущества» КоАП РСФСР. Вместе с тем хищения, совер-

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (в настоящее время документы утратили силу).

³ Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 27.10.1960. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (в настоящее время документ утратил силу).

⁴ О введении в действие Кодекса РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление ВС РСФСР от 20.06.1984. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (в настоящее время документ утратил силу).

⁵ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (в настоящее время документ утратил силу).

¹ Сводный отчет по России. Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации за январь-июнь 2023 г. Форма I-АП (577) // ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text> (дата обращения: 29.08.2023).

² О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 01.06.1922; О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР в редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 22.11.1926.

шаемые путем причинения имущественного ущерба, обмана или злоупотребления доверием, еще долгое время будут оставаться в орбите уголовной ответственности. Этому составу преступления будет посвящена отдельная статья Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Принятие в 2001 г. КоАП РФ в корне ситуацию не изменило. Лишь через 10 лет действия КоАП РФ законодатель примет решение о частичной декриминализации этого состава преступления в части, касающейся мелкого размера причиненного ущерба.

До внесения изменений в 2011 г. статья 165 УК РФ состояла из трех основных частей (в настоящее время только две части). Действия лица, связанные с причинением имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, не подпадающие под категории крупного или особо крупного ущерба (размера) при отсутствии признаков совершения группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, были декриминализованы. Таким образом, часть 1 статьи 165 УК РФ была переведена из категории преступления в категорию административного правонарушения¹. Соответственно, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ в КоАП РФ была внесена статья 7.27.1², которая установила административную ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, при этом указанные действия не должны содержать признаки преступления, ответственность за которое установлена статьей 165 УК РФ.

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ показывает, что юридическая ответственность за совершение незначительных хищений или причинение иными способами имущественного ущерба, не нанесшего большого вреда, развивается в России по пути декриминализации. Как показывает история эволюции мелкого хищения, декриминализация причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием была лишь вопросом времени.

Состав административного правонарушения введен в ст. 7.27.1 КоАП РФ с целью снижения

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и реализации политики декриминализации отдельных деяний. Родовым объектом указанного посягательства выступают общественные отношения в области охраны собственности. Непосредственным объектом чаще всего выступают правила, установленные при оказании различного рода услуг, а также правила временного использования имущества.

Объективная сторона состава правонарушения, предусмотренного ст. 7.27.1 КоАП РФ, заключается в совершении действий, направленных на причинение собственнику или иному законному владельцу имущественного ущерба с помощью обмана (полного или частичного искажения фактических обстоятельств и характера совершаемых действий) или злоупотребления доверием (использования благожелательного, искреннего, доверительного отношения собственника или владельца имущества к виновному лицу). Только в случае совершения противоправного деяния указанными способами действия виновного лица подпадают под признаки рассматриваемого состава административного правонарушения. Время и место совершения правонарушения не оказывают существенного влияния на квалификацию.

Рассматриваемый состав носит превентивный характер, но в отличие от ст. 7.27 КоАП РФ не относится к составам с административной преюдицией. В действиях правонарушителя не должно содержаться признаков преступления, ответственность за которое установлена статьей 165 УК РФ. В частности, в соответствии с УК РФ за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием лицо может быть привлечено к ответственности лишь в случаях совершения данного деяния в крупном размере (ч. 1 ст. 165 УК РФ) или группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, причинившего особо крупный ущерб (ч. 2 ст. 165 УК РФ). Крупным размером в этом случае следует признавать сумму ущерба в размере более двухсот пятидесяти тысяч рублей, а особо крупным — одного миллиона рублей [5]. Российский союз промышленников и предпринимателей в июне 2023 г. выступил с инициативой очередной декриминализации действующей редакции части 1 статьи 165 УК РФ [6]. При этом предлагается по данному составу повысить размер крупного ущерба до одного миллиона рублей, а особо крупного — до трех миллионов рублей, мотивировав это тем, что с 2016 г. размеры ущерба не увеличивались и не соответствуют текущему уровню инфляции. Од-

ним из доводов в пользу декриминализации ч. 1 ст. 165 УК РФ может выступать статистика привлечения к ответственности за последние пять лет, которую мы приведем в сравнении со статистикой по части 2 этой же статьи УК РФ: 2018 г. — 25/75¹; 2019 г. — 12/90; 2020 г. — 18/60; 2021 г. — 22/85; 2022 г. — 21/97 [1]. Таким образом, мы видим, что статистика привлечения по части 1 отличается более чем скромными значениями.

Состав административного правонарушения, предусмотренный статьей 7.27.1 КоАП РФ, является материальным, т. к. обязательной является причинно-следственная связь между совершенными противоправными действиями и причинением материального вреда или извлечением выгоды, которую можно оценить в материальном выражении. При квалификации деяния по статье 7.27 КоАП РФ обязательно наличие похищаемого предмета, в свою очередь, при квалификации по статье 7.27.1 КоАП РФ суть заключается в причинении имущественного ущерба определенным способом, и похищаемый предмет отсутствует как таковой.

Вместе с тем в судебной практике встречаются примеры, где фигурирует предмет, например правонарушитель получил во временное пользование болгарку с условием, что она будет возвращена владельцу. При этом он сдал указанный инструмент в ломбард, где получил за него 1500 рублей, а полученными денежными средствами распорядился по своему усмотрению². Как мы видим, в данном примере предмет все же присутствует, однако хищение его не осуществляется, правонарушитель путем обмана распорядился им с целью получения материальных средств и изначально не планировал возвращать инструмент законному владельцу. Можно привести и ряд иных примеров, в которых завладение различным имуществом, переданным на основе доверия, осуществляется с целью его последующей продажи и присвоения вырученных денежных средств.

Кроме того, в судебной практике существуют спорные, на наш взгляд, квалификации деяния по статье 7.27.1 КоАП РФ. Например, правонарушитель путем введения в заблуждение завладел мобильным телефоном стоимостью 1990 рублей, т. е. фактически совершил хищение, однако его

действия были квалифицированы как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, при этом в данном примере четко установлен предмет посягательства и цель обратить имущество в свою собственность³. Полагаем, что данные действия правонарушителя должны были повлечь квалификацию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Таким образом, отсутствие предмета посягательства не может служить однозначным способом правильной квалификации по составу ст. 7.27.1 КоАП РФ. Кроме того, следует отметить, что для квалификации деяния по данному составу административного правонарушения необходимо отсутствие в действиях виновного лица признаков хищения. Верховный Суд Российской Федерации определил, что под хищением понимаются «совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»⁴. В случае же с исследуемым составом правонарушитель не стремится обратить имущество в свою собственность, вместо этого он желает монетизировать полученные во временное владение предметы. Очень часто имущество и вовсе не выступает в качестве предмета посягательства, вместо этого основная цель правонарушителя — попросту говоря, «сэкономить собственные средства», тем самым причиняя имущественный ущерб физическому или юридическому лицу.

Таким образом, в рамках квалификации по исследуемому составу необходимо установить наличие и размер возникшего в результате неправомерных действий правонарушителя имущественного ущерба. Однако административное и уголовное законодательство, используя термин «имущественный ущерб», не закрепляет его определение, что вызывает сложности при квалификации данных деяний. Нет единого мнения и среди ученых. При этом необходимо помнить, что ущерб может рассматриваться в различных значениях, например как какие-либо убытки либо непредвиденные расходы, а также утрата имущества или денег [7, с. 6].

³ Постановление по делу № 5-343/2020 от 11.12.2020 судьи Руднянского районного суда Волгоградской области // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/55944592/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

⁴ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Первая цифра — количество фактов привлечения по ч. 1 ст. 165 УК РФ, через дробь — по части 2 этой же статьи.

² Постановление по делу № 5-1982/2022 от 10.10.2022 судьи Ленинского районного суда г. Краснодара // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/69814714/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

Таким образом, в случае со статьей 7.27.1 КоАП РФ под имущественным ущербом необходимо рассматривать любой вред, причиненный в результате потери имущества физическими и юридическими лицами от противоправных действий других лиц. Такие действия могут быть выражены в различных формах: пользование услугой, предполагающей оплату, с заведомым намерением этого не делать, продажа, дарение, передача в залог по заведомо неисполнимым обязательствам, использование в качестве платежа сувенирных банкнот и т. п.

В качестве способов совершения фигурируют обман или злоупотребление доверием. Как и в случае с определением хищения в силу отсутствия подобных разъяснений, применительно к рассмотрению дел об административных правонарушениях мы вынуждены использовать разъяснения, данные для верной квалификации по уголовным делам. Под обманом следует понимать сознательное сообщение (представление) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо умолчание об истинных фактах, либо умышленные действия, направленные на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение¹. Злоупотребление доверием заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим. Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него².

Субъектами по статье 7.27.1 КоАП РФ могут являться только физические лица, вменяемые, достигшие к моменту совершения правонарушения возраста административной ответственности. Данный вывод основан на том, что санкция не содержит детализации наказания по субъектам, а согласно положениям ч. 1 ст. 2.10 КоАП РФ юридические лица подлежат административной ответственности за совершение

административного правонарушения в случаях, предусмотренных статьями раздела II КоАП РФ «Особенная часть». Вместе с тем по смыслу совершаемого деяния оно может быть совершенно только физическим лицом. Что касается возможности привлечения к ответственности должностных лиц, то положения статьи 2.4 КоАП РФ «Административная ответственность должностных лиц» не содержат указания на статью 7.27.1 КоАП РФ. Таким образом, мы можем сделать вывод, что должностные лица также не могут выступать субъектом исследуемого административного правонарушения.

Субъективная сторона правонарушения по статье 7.27.1 КоАП РФ характеризуется виной в форме умысла. Указанный состав правонарушения не содержит требования к мотиву. Вместе с тем некоторые исследователи предполагают наличие корыстного мотива применительно к некоторым сферам общественных отношений, в которых возможно совершение рассматриваемого правонарушения, например передача недвижимого имущества в залог по заведомо неисполнимому обязательству [8].

Протоколы об административных правонарушениях составляют должностные лица органов внутренних дел (полиции), в т. ч. старшие участковые уполномоченные полиции, участковые уполномоченные полиции (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ). Дела рассматривают судьи (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ).

Подводя итог, отметим, что все обозначенные нами особенности необходимо принимать во внимание при квалификации деяния, подпадающего под действие статьи 7.27.1 КоАП РФ. Анализ складывающейся судебной практики позволяет обобщить основные способы совершения исследуемого административного правонарушения:

- присвоение денежных средств, выданных для приобретения товаров с последующей передачей приобретенных товаров владельцу денежных средств³;

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Постановление по делу № 5-13/2023 от 31.01.2023 судьи Интинского городского суда Республики Коми // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/73687988/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

- отказ от оплаты услуг по перевозке (такси)¹, услуг общественного питания (рестораны, бары, кафе и т. п.)², услуг доставки³, парковки⁴;
- потребление в торговых точках продуктов питания без намерения оплачивать их стоимость⁵;
- продажа продукции, отсутствующей в официальном прайс-листе, с присвоением выреченных денежных средств⁶;
- использование купюр, не являющихся платежным средством, в качестве платы за приобретаемый товар⁷;
- нарушение правил, установленных при оказании услуг перевозки пассажиров и багажа, в т. ч. безбилетный проезд⁸.

Список источников

1. Интернет-сайт «Агентство правовой информации». URL: [api-пресс.рф](http://api-prесс.рф) (дата обращения: 30.08.2023).
2. Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах. Книга пятая, том XV / сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг; под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Санкт-Петербург, 1912. 1295 с. URL: <http://pravo.gov.ru> > [проху](#) > [ips](#) > [empire](#).
3. Ботвин И. В. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 210 с.
4. Кононов П. И. История, проблемы и перспективы модернизации института административной ответственности в России: к двадцатилетию принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правосудие. 2021. Т. 3. № 4. С. 140–166.
5. Сидоренко Э. Л. Некоторые вопросы квалификации хищений в свете последних изменений УК РФ // Мировой судья. 2017. № 3. С. 21–25.
6. РСПП поддерживает повышение порогов ущерба по экономическим преступлениям // Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/events/news/rspp-podderzhivaet-povyshenie-porogov-ushcherba-po-ekonomicheskim-prestupleniyam-6493e542278ef> (дата обращения: 30.08.2023).

¹ Постановление по делу № 5-1584/2022 от 14.06.2022 судьи Рославльского городского суда Смоленской области // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/70203128/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

² Постановление по делу № 5-71/2018 от 12.04.2018 судьи Моздокского районного суда Республики Северная Осетия-Алания // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/33734365/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

³ Постановление по делу № 5-103/2017 от 07.04.2017 судьи Новошахтинского районного суда Ростовской области // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/26496338/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

⁴ Постановление по делу № 5-245/2017 от 17.04.2017 мирового судьи Домодедовского судебного района Московской области судебного участка № 36 (г. Домодедово) // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения: 30.01.2023).

⁵ Постановление по делу № 5-1467/2020 от 10.06.2020 судьи Ленинского районного суда г. Краснодара // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/52900097/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

⁶ Постановление по делу № 5-225/2018 от 17.08.2018 судьи Тындинского районного суда Амурской области // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/50837262/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

⁷ Постановление по делу № 5-2/2020 от 14.01.2020 судьи Белоглинского районного суда Краснодарского края // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/50837262/extended> (дата обращения: 30.08.2023).

⁸ Постановление по делу № 5-232/2017 от 30.05.2017 мирового судьи Малмыжского судебного района Кировской области судебного участка № 14 (пгт. Кильмезь) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: sudact.ru/magistrate/doc/c1Q1kfgf5Jlo (дата обращения: 30.08.2023).

7. Выявление и документирование административных правонарушений, предусмотренных ст. 7.27.1 КоАП РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта: методические рекомендации / А. Г. Гришаков. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. 32 с.

8. Васильева С. Опасные связи: посредники в сделках с коммерческой недвижимостью // Жилищное право. 2017. № 10. С. 85–96.

References

1. Internet-sajt «Agentstvo pravovoj informacii». URL: api-press.rf (data obrashcheniya: 30.08.2023).

2. Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Izdanie v 16-ti tomah. Kniga pyataya, tom XV / sost.: N. P. Balkanov, S. S. Vojt, V. E. Gercenberg; pod red. I. D. Morduhaj-Boltovskogo. Sankt-Peterburg, 1912. 1295 с. URL: <http://pravo.gov.ru> > proxy > ips > empire.

3. Botvin I. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2016. 210 s.

4. Kononov P. I. Istoriya, problemy i perspektivy modernizacii instituta administrativnoj otvetstvennosti v Rossii: k dvadcatiletyu prinyatiya Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah // Pravosudie. 2021. T. 3. № 4. S. 140–166.

5. Sidorenko E. L. Nekotorye voprosy kvalifikacii hishchenij v svete poslednih izmenenij UK RF // Mirovoj sud'ya. 2017. № 3. S. 21–25.

6. RSPP podderzhivaet povyshenie porogov ushcherba po ekonomicheskim prestupleniyam // Oficial'nyj sajt Rossijskogo soyuza promyshlennikov i predprinimatelej. URL: <https://rspp.ru/events/news/rspp-podderzhivaet-povyshenie-porogov-ushcherba-po-ekonomicheskim-prestupleniyam-6493e542278ef> (data obrashcheniya: 30.08.2023).

7. Vyyavlenie i dokumentirovanie administrativnyh pravonarushenij, predusmotrennyh st. 7.27.1 КоАП РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта: методические рекомендации / А. Г. Гришаков. Барнаул: ВЮИ МВД России, 2014. 32 с.

8. Vasil'eva S. Opasnye svyazi: posredniki v sdelkah s kommercheskoj nedvizhimost'yu // Zhilishchnoe pravo. 2017. № 10. S. 85–96.

Информация об авторе

Ю. А. Кример — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. A. Krieger — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 02.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 85–89.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 85–89.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.34:004

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОЗДАНИЯ ЗАЩИЩЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЦИФРОВОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УЧАСТКА

Игорь Анатольевич Кубасов¹, Людмила Антоновна Лекарь²

^{1,2} Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹ igorak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4909-3474>

² antonna47@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам повышения эффективности предупреждения, расследования и раскрытия преступлений в современных условиях, активного внедрения и широкого применения цифровых технологий, а также возрастающих угроз киберпреступности. Обоснована актуальность создания соответствующей информационной инфраструктуры органов внутренних дел — защищенной инфраструктуры цифровой полиции, обеспечивающей надежное противодействие преступности. Сформированы ключевые требования к создаваемой защищенной инфраструктуре цифровой полиции, и предложен вариант развертывания цифрового полицейского участка, обеспечивающего участковым уполномоченным полиции проведение комплекса проверочных мероприятий непосредственно на месте проверки.

Ключевые слова: предупреждение, расследование и раскрытие преступлений, инфраструктура, цифровой полицейский участок

Для цитирования: Кубасов И. А., Лекарь Л. А. Отдельные вопросы административно-правовой регламентации создания защищенной инфраструктуры цифрового полицейского участка // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 85–89.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

SELECTED ISSUES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF CREATING A SECURE INFRASTRUCTURE FOR A DIGITAL POLICE STATION

Igor A. Kubasov¹, Lyudmila A. Lekar²

^{1,2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ igorak@list.ru

² antonna47@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of improving the effectiveness of crime prevention, investigation and disclosure in modern conditions of active introduction and widespread use of digital technologies, as well as the increasing threats of cybercrime. The urgency of creating an appropriate information infrastructure of internal affairs bodies — a secure digital police infrastructure that provides reliable crime prevention is substantiated. The key requirements for the created secure infrastructure of the digital police have been formed and a variant of the deployment of a digital police station has been proposed, providing the district police officers with a set of verification measures directly at the inspection site.

Keywords: prevention, investigation and detection of crimes, infrastructure, digital police station

For citation: Kubasov I. A., Lekar L. A. Selected issues of administrative and legal regulation of creating a secure infrastructure for a digital police station. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:85–89 (In Russ.).

© Кубасов И. А., Лекарь Л. А., 2023

Один из ключевых принципов в работе полиции, на котором должна основываться её деятельность, — это использование достижений науки и техники, информационных систем, сетей связи, а также современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры¹. Перспективные этапы дальнейшего повышения эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в МВД России определены Ведомственной программой цифровой трансформации на 2021–2023 годы, закрепляющей достижение таких целей, как обеспечение и повышение уровня надежности, а также безопасности информационных систем и информационно-технологической инфраструктуры².

Доказывается высочайшая актуальность названного выше принципа тем, что в современных условиях активного внедрения и широкого применения цифровых технологий в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, с одной стороны, а также возрастающих угроз киберпреступности, с другой стороны, необходимо создание соответствующей информационной инфраструктуры³ — защищенной инфраструктуры цифровой полиции, обеспечивающей надежное противодействие преступности. Актуальность создания такой инфраструктуры обусловлена рядом причин.

Во-первых, защищенная инфраструктура цифровой полиции позволит органам внутренних дел оперативно осуществлять сбор и анализ «больших данных», что обеспечит повышение эффективности предупреждения, расследования и раскрытия при соблюдении современных требований к безопасности информации [1, 2]. Внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, «большие данные», «интернет вещей», робототехника и др., обеспечивает осуществление комплексного анализа преступности, выявление закономерностей и предсказание преступного поведения, позволяя органам внутренних дел эффективно распределять силы и средства и предотвращать преступления до их совершения [3, 4]. При

¹ О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023-2025 годы: распоряжение МВД России от 25.01.2023 № 1/649.

³ Информационная инфраструктура органов внутренних дел — это совокупность обеспечивающих информационных систем, созданных для поддержания органов внутренних дел в состоянии, при котором они способны защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, а также осуществлять противодействие преступности, охранять общественный порядок, собственность и обеспечивать общественную безопасность.

этом такой упреждающий подход жизненно важен для защиты граждан, организаций, объектов критической инфраструктуры от кибератак.

Во-вторых, защищенная инфраструктура цифровой полиции обеспечит расширение обмена информацией между правоохранительными органами на различных уровнях в режиме реального времени в целях координации совместных усилий для эффективного противодействия преступности [5].

В-третьих, защищенная инфраструктура цифровой полиции повышает доверие общества к органам внутренних дел. Граждане активно сотрудничают и обмениваются информацией с правоохранительными органами, если уверены в принимаемых мерах по их безопасности [6, 7, 8].

Наконец, в-четвертых, защищенная цифровая инфраструктура служит сдерживающим фактором для потенциальных преступников. Надежная и постоянно развивающаяся инфраструктура, основанная на внедрении передовых технологий, выступает как сдерживающий фактор для киберпреступников, заставляя их тщательно оценивать свои риски, прежде чем предпринимать попытки незаконной деятельности.

В рамках данной статьи исследуем ключевые требования к создаваемой защищенной инфраструктуре цифровой полиции и предложим вариант развертывания цифрового полицейского участка как одного из основных элементов защищенной инфраструктуры цифровой полиции.

Ключевые требования к защищенной инфраструктуре цифровой полиции. Можно выделить следующие ключевые требования к создаваемой защищенной инфраструктуре цифровой полиции.

1. Совершенствование нормативной правовой базы создания и эксплуатации защищенной инфраструктуры цифровой полиции.

2. Безопасность обмена и хранения данных (внедрение зашифрованных каналов связи, виртуальных частных сетей, двухфакторная аутентификация и биометрия для доступа к инфраструктуре).

3. Адекватное реагирование на инциденты в сочетании с возможностями цифровой криминалистики (установление процедур сбора, сохранения и анализа цифровых доказательств для поддержки уголовных расследований) [9].

4. Постоянное обучение сотрудников полиции передовым методам кибербезопасности [10].

5. Непрерывный мониторинг и оценка безопасности в режиме реального времени. Регулярный пересмотр и обновление политик, процедур и технологий безопасности гарантируют, что инфраструктура цифровой полиции останется надежной и эффективной [11].

Защищенная инфраструктура цифрового полицейского участка. Рассмотрим вариант развер-

тывания защищенной инфраструктуры цифрового полицейского участка (далее — ЦПУ) как одного из основных элементов защищенной инфраструктуры цифровой полиции, отвечающей вышеперечисленным современным требованиям.

ЦПУ предназначен для решения задач удаленного доступа к ИСОД МВД России в реальном масштабе времени. В результате участковый уполномоченный полиции получает возможность прове-

сти комплекс проверочных мероприятий непосредственно на месте проверки, что сокращает временные и материальные затраты на сбор информации, при этом обеспечивается оперативность проверки и установления личности гражданина.

Вариант развертывания ЦПУ, в котором все применяемое оборудование поставлено на снабжение в МВД России и ФСБ России, представлен на рисунке 1.

Рисунок 1. Защищенная инфраструктура ЦПУ

Доступ к ведомственным базам данных осуществляется в соответствии с моделью нарушителя ИСОД МВД России. ПАО «Ростелеком» разработал и поставляет планшет/смартфон с встроенной отечественной доверенной программной средой «Аврора» и приложением «Клиент СУДИС». Также совместно с ФКУ НПО «СТиС» МВД России были созданы и проведены испытания конструктивного исполнения планшет/смартфон со встроенным аппаратным шифрованием в microSD.

При этом средство защищенного мобильного доступа планшет/смартфон не является средством криптографической защиты информации и не порождает организационные меры обеспечения безопасности, как в случае с мобильной составляющей сети VIPNet (VIPNet клиент в программном исполнении), соответственно, будет проще в эксплуатации.

Мобильным устройством доступа может также использоваться мобильный биометрический терминал-считыватель ДиПП-7М, который прошел успешную опытную эксплуатацию в ГУ МВД России по Ростовской области. Терминал обеспечил оперативные проверки в автоматическом режиме по отпечаткам пальцев, по изображению лица и текстовым данным по удаленным базам данных. Интерфейс терминала не требует специальных навыков оператора, в т. ч. навыков дактилоскопирования.

Терминал является универсальным устройством с поворотным держателем смартфона («кредл»), которое позволяет считывать биометрические показатели (отпечатки пальцев, лицо, психофизическое состояние человека), контактные и бесконтактные данные (документы) (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Универсальный биометрический терминал-считыватель

Биометрический терминал-считыватель также обеспечивает оперативную идентификацию лич-

ности по отпечаткам пальцев в локальной базе и центральной АДИС МВД.

Биометрический терминал-считыватель стоит на снабжении в силовых структурах и применяется в Луганской и Донецкой народных республиках Российской Федерации, обеспечивая возможность:

1) экспресс-идентификации личности по отпечаткам пальцев в локальной базе и центральной АДИС МВД;

2) экспресс-идентификации личности по фото лица в центральной и локальной базе;

3) сохранения фото и текстовых данных из оперативной проверки в качестве локальной карты или АДИС;

4) моментальной проверки по локальной базе лиц с видеопотока камеры;

5) чтения и отображения данных из биометрических документов.

Для труднодоступных объектов удаленный доступ в рассматриваемой инфраструктуре осуществляется подключением стационарного компьютера по линии спутниковой связи с применением принятых на снабжение средств криптографической защиты информации.

Таким образом, создание защищенной инфраструктуры цифровой полиции весьма актуально и необходимо в современном технологически развитом обществе, т. к. имеет решающее значение для повышения эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в условиях бурного развития цифровых технологий. Эта инфраструктура должна быть способна обеспечить конфиденциальность, целостность и доступность информации, а также обеспечить качественную связь между подразделениями органов внутренних дел и другими правоохранительными органами.

Предлагаемый вариант развертывания ЦПУ, предназначенный для решения задач удаленного доступа к ИСОД МВД России в реальном масштабе времени, обеспечит участковым уполномоченным полиции проведение комплекса проверочных мероприятий непосредственно на месте проверки, что существенно сократит временные и материальные затраты на сбор и анализ информации.

Список источников

1. Воронов А. М. Цифровая полиция современной России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 10. С. 125–129.

2. Кирюхин В. В. Цифровая полиция для цифрового общества // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по мат-лам международного форума (Москва, 20 октября 2022 г.): в 2 ч. / под ред. И. Г. Чистобородова. М.: Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1. С. 357–363.

3. Кубасов И. А. Искусственный интеллект как драйвер цифровой трансформации МВД России // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 211–215.

4. Сухов А. В., Конюшев В. В. Цифровая полиция как эргатическая система, функционирующая в цифровой экосистеме // Правовая информатика. 2021. № 2.

5. Созаева А. С. Информационно-коммуникационная технология «Цифровая полиция». Трансформация механизмов функционирования правоохранительных органов в условиях современного общества // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по мат-лам международного форума (Москва, 20 октября 2022 г.): в 2 ч. / под ред. И. Г. Чистобородова. М.: Академия управления МВД России, 2022. Ч. 2. С. 299–303.

6. Сашенков С. А. Цифровые платформы взаимодействия полиции с гражданами // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2022. № 4. С. 130–133.

7. Попов Д. В. Доверие к полиции в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: мат-лы международной научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 29–30 марта 2018 г.) / под ред. Ю. А. Шаранова, В. А. Шаповала; сост. М. А. Кутырёв. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 317–320.

8. Фадеева И. В. Цифровые технологии в деятельности полиции: этический аспект внедрения и цифровое доверие // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: мат-лы международной научно-практ. конф-ции (Краснодар, 17 июня 2021 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 452–456.

9. Карагодин А. В., Крупеникова К. К. Цифровизация отдельных полицейских функций // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 179–183.

10. Конуров А. Г., Кубасов И. А., Синютин Ю. В. О необходимости формирования у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации навыков по применению специальной техники в едином цифровом пространстве МВД России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 4 (60). С. 96–101.

11. Кубасов И. А., Гарбузов П. А. Совершенствование организации деятельности территориальных органов МВД России на основе применения современных автоматизированных систем управления //

Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2 (66). С. 52–57.

References

1. Voronov A. M. Cifrovaya policiya sovremennoj Rossii // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Ekonomika i pravo. 2022. № 10. S. 125–129.
2. Kiryuhin V. V. Cifrovaya policiya dlya cifrovogo obshchestva // *Cifrovaya transformaciya sistemy MVD Rossii: sbornik nauchnyh statej po mat-lam mezhdunarodnogo foruma (Moskva, 20 oktyabrya 2022 g.): v 2 ch. / pod red. I. G. Chistoborodova*. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. Ch. 1. S. 357–363.
3. Kubasov I. A. Iskusstvennyj intellekt kak drajver cifrovoj transformacii MVD Rossii // *Kriminologicheskij zhurnal*. 2023. № 2. S. 211–215.
4. Suhov A. V., Konyushev V. V. Cifrovaya policiya kak ergaticheskaya sistema, funkcioniruyushchaya v cifrovoj ekosisteme // *Pravovaya informatika*. 2021. № 2.
5. Sozaeva A. S. Informacionno-kommunikacionnaya tekhnologiya «Cifrovaya policiya». Transformaciya mekhanizmov funkcionirovaniya pravoohranitel'nyh organov v usloviyah sovremennogo obshchestva // *Cifrovaya transformaciya sistemy MVD Rossii: sbornik nauchnyh statej po mat-lam mezhdunarodnogo foruma (Moskva, 20 oktyabrya 2022 g.): v 2 ch. / pod red. I. G. Chistoborodova*. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. Ch. 2. S. 299–303.
6. Sashenkov S. A. Cifrovye platformy vzaimodejstviya policii s grazhdanami // *Policiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstviya*. 2022. № 4. S. 130–133.
7. Popov D. V. Doverie k policii v usloviyah cifrovoj ekonomiki // *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Sankt-Peterburg, 29–30 marta 2018 g.) / pod red. Yu. A. Sharanova, V. A. Shapovalova; sost. M. A. Kutyryov*. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2018. S. 317–320.
8. Fadeeva I. V. Cifrovye tekhnologii v deyatel'nosti policii: eticheskij aspekt vnedreniya i cifrovoye doverie // *Administrativno-pravovoe regulirovanie pravoohranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Krasnodar, 17 iyunya 2021 g.)*. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2021. S. 452–456.
9. Karagodin A. V., Krupennikova K. K. Cifrovizaciya otdel'nyh policejskikh funkcij // *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 2022. T. 18. № 3. S. 179–183.
10. Konurov A. G., Kubasov I. A., Sinyutin Yu. V. O neobходимosti formirovaniya u sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii navykov po primeneniyu special'noj tekhniki v edinom cifrovom prostranstve MVD Rossii // *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii*. 2021. № 4 (60). S. 96–101.
11. Kubasov I. A., Garbuzov P. A. Sovershenstvovanie organizacii deyatel'nosti territorial'nyh organov MVD Rossii na osnove primeneniya sovremennyh avtomatizirovannyh sistem upravleniya // *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii*. 2023. № 2 (66). S. 52–57.

Информация об авторах

И. А. Кубасов — доктор технических наук, доцент.

Л. А. Лекарь — кандидат технических наук.

Information about the authors

I. A. Kubasov — Doctor of Technical Sciences, Associate Professor.

L. A. Lekar — Candidate of Technical Sciences.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 90–96.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 90–96.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ТИПАХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Олеся Дмитриевна Овчинникова¹, Аннета Михайловна Шаганян²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ olesya901@mail.ru

² sha-anneta@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена конституционным ценностям, которые признаются и защищаются конституцией государства и являются ориентирами развития страны. В системе конституционных ценностей прежде всего выделяется ценность самой конституции, прав и свобод, в ней закрепленных, а также законность, верховенство права, суверенитет, демократия и т. д. Сформулирован вывод, что конституционная ценность — это реальный инструмент правового регулирования, это мерило действий любого государственного органа, должностного лица. Конституционные ценности содержатся не в какой-то определенной части, разделе Конституции Российской Федерации, они сосредоточены по всему тексту. Обращено внимание на то, что конституционные ценности может выявлять Конституционный Суд Российской Федерации путем разъяснения конституционных норм.

Ключевые слова: конституция, конституционные ценности, ценность, правовой принцип, высшие ценности, основополагающие принципы, конституционный принцип, конституционное правосудие

Для цитирования: Овчинникова О. Д., Шаганян А. М. К вопросу о сущности и типах конституционных ценностей // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 90–96.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ESSENCE AND TYPES OF CONSTITUTIONAL VALUES

Olesya D. Ovchinnikova¹, Anneta M. Shaganyan²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ olesya901@mail.ru

² sha-anneta@mail.ru

Abstract. The article is devoted to constitutional values, which are recognized and protected by the constitution of the state and are guidelines for the development of the country. In the system of constitutional values, first of all, the value of the constitution itself, the rights and freedoms enshrined in it, as well as legality, the rule of law, sovereignty, democracy, etc. are distinguished. The conclusion is formulated that constitutional value is a real instrument of legal regulation, it is a measure of the actions of any state body, official. Constitutional values are not contained in any particular part, section of the Constitution of the Russian Federation, they are concentrated throughout the text. Attention is drawn to the fact that constitutional values can be identified by the Constitutional Court of the Russian Federation, by clarifying constitutional norms.

Keywords: constitution, constitutional values, value, legal principle, supreme values, fundamental principles, constitutional principle, constitutional justice

For citation: Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M. Essence and types of constitutional values. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:90–96 (In Russ.).

В последние годы тема поиска значения и содержания такого многогранного конституционно-правового явления, как конституционная ценность, стала очень популярной среди ученых-конституционалистов.

Категория «ценность» — это универсальное и многоаспектное понятие, выражающее интересы и предпочтения как отдельных лиц, так и групп населения, при этом она включает в себя социологический, философский, моральный и правовой аспекты [1, с. 11].

В науке конституционного права существует множество подходов к пониманию конституционных ценностей [2, с. 106]. Данный термин употребляется в нескольких значениях, все они по-своему верны, но поддерживаются разными учеными-конституционалистами.

Во-первых, согласно подходу И. А. Карасёва [3, с. 75], под конституционной ценностью понимается правовой принцип (т. е. основные начала, идеи, установки, которые закрепляются в нормах Основного Закона, отражающие главные приоритеты развития общественных отношений).

Во-вторых, по мнению Е. В. Ереклинцевой, конституционные ценности — это прежде всего социальные принципы [4, с. 10]. Конституция Российской Федерации закрепляет то, что Россия является социальным государством, следовательно, государство должно обеспечивать достойные условия жизни своего народа, особенно для слабозащищенных слоев общества. Это является безусловной ценностью для российского населения. Данный принцип помогает сбалансировать частные и публичные интересы, что является существенной характеристикой России как правового и демократического государства и основной прерогативой его социальной политики.

В-третьих, конституционные ценности — это ориентир и установка для всего спектра государственной политики, направленной на множество сфер общественной жизни. Конституционные ценности являются общими и незаменимыми принципами, закладывающими фундамент для российской государственности, так считает конституционалист О. А. Снежко [5, с. 3].

В-четвертых, по мнению А. П. Алексеева, конституционные ценности — это цель государства и общества. Его позиция аргументируется тем, что «конституционные ценности закрепляются не только в тексте самой Конституции, но ещё и в судебных решениях, издаваемых Конституционным Судом Российской Федерации» [6, с. 32]. В ходе интерпретационной деятельности по толкованию

Основного Закона формулируется специфика отдельных конституционных норм, являющихся, несомненно, важными для их практической реализации. Вместе с тем издаваемые нормативные правовые акты тоже содержат важные направления и цели политики государства, прежде всего регулирующие основные аспекты жизни населения.

В-пятых, в научной литературе выработан подход, в котором указывается, что государство, общество должны поддерживать основополагающие принципы, идеи, именуемые конституционными ценностями, для того, чтобы достичь высокого и качественного развития как отдельной личности, так и всего государства в целом [7, с. 155].

С учетом всего вышеизложенного считаем, что возможно сформулировать единое понятие конституционных ценностей, под которыми понимаются основополагающие идеи, закрепленные в Конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемые в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить сбалансированные отношения между личностью и государством, но в приоритет ставятся человек, его права и свободы как высшая ценность. Кроме того, следует отметить, что конституционная ценность — многогранное явление и включает в себя множество важных характеристик, при этом рассматривать ее в одном аспекте нельзя.

Таким образом, следует согласиться с точкой зрения А. А. Кондрашева, понимающего под ценностью значимые измерения и уровни жизни общества, как находящиеся в сфере конституционно-правового воздействия, так и вне этого воздействия [8]. При этом нужно учитывать, что конституционная ценность — это реальный инструмент правового регулирования, это мерило действий любого государственного органа, должностного лица. Исследование показало, что ценности чаще всего представляются в виде принципов, которые наглядно демонстрируют основные начала, на которых строится вся политика государства, в т. ч. направления охраны и защиты конституционных ценностей. Конституционная ценность — это основополагающая установка, которая способствует развитию демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются ценностью высшего порядка. Конституционная ценность может выступать в качестве универсального критерия положительной оценки обществом деятельности государства в целом, отдельных его органов. Вместе с тем можно констатировать, что

в науке отсутствует единая дефиниция категории «конституционная ценность», что является своего рода проблемой, поскольку конституционалистами она трактуется по-разному, что затрудняет исследование данного конституционно-правового феномена.

Предложенное комплексное определение конституционных ценностей может поспособствовать дальнейшему развитию научных исследований по данному направлению.

Вместе с тем отсутствует единый подход в конституционном праве не только относительно дефиниции «конституционная ценность», но и ее видов.

Так, по мнению отдельных исследователей, к высшим ценностям следует отнести человека, его права и свободы, равенство, справедливость [9, с. 155]. Иного мнения придерживается Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, считая, что, помимо человека, его прав и свобод, к конституционным ценностям необходимо отнести верховенство права, конституционную законность, правовое, демократическое, федеративное и социальное государство [10, с. 3].

Широкий перечень конституционных ценностей определяется ведущим конституционалистом современности С. А. Авакьяном. В этот список входят: Конституция РФ, конституционная ценность государства; служение конституционных норм и правил интересам человека и гражданина; закрепление плюрализма форм собственности; закрепление демократического режима власти, основой которого является народовластие; наличие принципа разделения власти; прозрачность и гласность осуществления государственной власти; выборы [11, с. 44].

Изучив представленные классификации, можно констатировать, что все перечисляемые конституционные ценности в большей части относятся к основам конституционного строя. Однако в этих списках зачастую отсутствуют права и свободы граждан, которые отражены в отдельной главе Конституции Российской Федерации и, как отмечают многие ученые, также выступают конституционными ценностями.

Конечно, основным источником закрепления ценностей является Конституция Российской Федерации, но вот уже долгое время остается открытым вопрос о их расположении в тексте главного закона страны. На данную тему ведется множество споров, и ведущие конституционалисты и праведы в данной области не могут сойтись в едином мнении.

Таким образом, если рассматривать первую позицию ученых, то можно прийти к выводу, что

конституционные ценности содержатся в «Основах конституционного строя», т. е. первой главе Конституции России. Основные ценности, которые здесь выделяют авторы, — это разделение властей, демократическое, социальное и правовое государство и т. п.

Иной точки зрения придерживался В. В. Невинский, который выделял верховенство права, нравственность, справедливость, здоровье [2, с. 106], безопасность государства в качестве конституционных ценностей, содержащихся в том числе во второй главе Основного Закона.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что конституционные ценности содержатся не в какой-то определенной части, разделе Конституции Российской Федерации, они сосредоточены по всему тексту. Кроме того, сама по себе Конституция есть ценность для любого государства, включая Российскую Федерацию. Также необходимо отметить, что конституционные ценности может выявлять Конституционный Суд Российской Федерации путем разъяснения конституционных норм.

Данной позиции придерживается судья Конституционного Суда РФ в отставке Н. С. Бондарь [12, с. 6], считая, что Конституционный Суд России не только подчеркивает конституционные ценности, но и выражает в правовых позициях мнение по поводу механизма их защиты.

Так, например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2015 № 4-П утверждается, что конституционная ценность института семьи требует от государства уважения и защиты семейных отношений. Также в этом же постановлении указывается на то, что в Российской Федерации здоровье как неотъемлемое и неотчуждаемое благо, принадлежащее человеку от рождения и охраняемое государством, находится под защитой Конституции России, что обязывает федерального законодателя принимать все меры, направленные на охрану здоровья населения, являющегося конституционно значимой ценностью¹.

В постановлении КС РФ от 7 июня 2012 г. № 14-П Конституционный Суд РФ называет обеспечение обороны страны и безопасности государства как конституционно значимую ценность².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2015 № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 12. Ст. 1801.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 № 14-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд России выражает свои правовые позиции по поводу конституционных ценностей четко и понятно, потому как во многих его решениях прослеживаются формулировки «конституционно значимые ценности», тем самым конкретизируя, что данный орган судебной власти подразумевает под ними. Позиция Конституционного Суда в большинстве своем основывается на материалах дел, которые он рассматривает. Главный закон страны при таком подходе выступает всего лишь материалом для «вдохновения» формулирования новых конституционных ценностей.

Кроме того, можно констатировать, что системное толкование в доктрине позволяет выявить конституционные ценности, закрепленные в законе. Некоторые специалисты солидарны, что ценности создаются в международных правовых актах, а затем имплементируются в российское законодательство в качестве правовых принципов.

Из анализа вышеизложенного можно сформулировать следующую классификацию конституционных ценностей, которая основывается на источнике закрепления ценностей:

1) непосредственно в тексте Конституции России прослеживается масса ценностей, которые играют существенную роль в жизни общества и в целом для России;

2) органы конституционного правосудия выявляют конституционные ценности в ходе толкования конституционных правовых норм, например правовая определенность, стабильность;

3) в международных правовых актах, которые подписывает и ратифицирует Российская Федерация, также содержатся ценности, их ещё называют наднациональные ценности, например право наций на самоопределение;

4) доктринальные ценности, которые истолковываются учеными путем анализа законодательства, например сменяемость власти [13].

Следует указать, что это не единственная классификация, на которую стоит обратить внимание. Природа конституционных ценностей — это также критерий классификации ценностей. Исходя из этой характеристики выделяют:

1) нравственные фундаментальные ориентиры, например справедливость, добро;

2) основополагающие социальные ценности: гражданский мир и согласие, любовь к Родине и др.;

3) демократические ценности, например народный суверенитет, прямая демократия;

4) организационно-правовые ценности, которые охватывают институты государства и государ-

ство в целом: разделение властей, суверенитет, самостоятельность местного самоуправления;

5) ценности, связанные с экономической сферой: равенство форм собственности, поддержка конкуренции;

6) ценности, определяющие свободу личности во взаимоотношениях с государством и гарантии реализации его свободы (признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства, равенство перед законом и судом) [14, с. 67].

Данная классификация охватывает абсолютно все сферы жизни общества, не выделяя отдельно основы конституционного строя или нравственные ценности. Современные специалисты в области конституционного права утверждают, что сама по себе Конституция страны является ценностью, а ее нормы — форма выражения ценностей [15, с. 153]. Многие страны, помимо России, также признают конституцию, которая в их государстве является основным законом, ценностью и даже определяют её выше международных правовых актов.

Таким образом, исследование основных классификаций видов конституционных ценностей подтверждает тот факт, что ценности оказывают фундаментальное влияние на развитие российской государственности, общества и положения человека в государстве. Поэтому невозможно полностью раскрыть и описать все ценности в одной работе, т. к. их существует огромное количество. Критерии, по которым выделяются виды конституционных ценностей, многообразны, но основными двумя критериями являются: источник закрепления ценностей и природа содержания ценностей. Исходя из этих критериев, конституционные ценности формируются в отдельные группы, которые в дальнейшем удобно исследовать и анализировать, выстраивая посредством этого определенную иерархию ценностей.

Признавая существование целой системы конституционных ценностей, необходимо тщательно рассматривать их взаимосвязь, внутреннюю иерархию, взаимодействие, которое определяет приоритет одних ценностей над другими. С. Э. Несменяева отмечает, что это будет важно, когда есть необходимость применять разные конституционные ценности в правовых отношениях [16, с. 4]. Участники таких правоотношений заинтересованы в использовании наиболее выгодных, по их мнению, ценностей. При этом речь не идет о злоупотреблении законом, а о возможности легального применения ценностей. Рассматривая конституционные ценности, следует признать особую роль органа

конституционного правосудия в определении баланса ценностей в отношении конкретных правовых отношений.

Необходимо отметить, что ряд авторов отмечают иерархичность в качестве неотъемлемого признака конституционных ценностей. Провозглашение высшей ценности означает существование более низкого уровня, т. е. иерархически организованной системы. Следовательно, понятие «высшая ценность» означает иерархию конституционных ценностей.

Система конституционных ценностей может быть представлена в виде определенной иерархии следующих конституционных принципов:

- во-первых, это права и свободы человека и гражданина как высшая ценность, а также другие ценности, определяющие правовой статус человека в обществе и государстве (принцип равенства, свобода личности);

- во-вторых, это ценности государственно-правового характера (верховенство закона, разделение властей, демократия);

- в-третьих, ценности экономического и социального развития (единство экономического пространства, социальная государственность);

- в-четвертых, ценности духовного и идеологического содержания (идеологический и политический плюрализм, светское государство);

- в-пятых, моральные ценности (стремление к счастью, вера в добро, утверждение гражданско-го мира) [17, с. 19].

Отдельные ученые утверждают, что человек, его права и свободы — это единственная ценность высшего порядка. Всё остальное относится к числу общественных ценностей, т. к. они не получили конституционной оценки и поэтому находятся на более низком уровне, чем вышеуказанная ценность.

Конституционный Суд России поддерживает идею высшей ценности человека, его прав и свобод, потому как в его решениях можно наблюдать аргументы в пользу данной ценности. Например, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 25.12.2001 № 17-П, нарушения основных избирательных прав могут повлечь искажение самого принципа свободного волеизъявления народа на выборах, а это может ставить под сомнение их конституционную цен-

ность, что не должно быть допустимо¹. Данная правовая позиция суда наглядно демонстрирует положительное отношение органов конституционного правосудия к правам и свободам человека как высшей ценности. В ведении Конституционного Суда России находится непосредственно рассмотрение жалоб граждан на нарушение их конституционных прав, если данные права были нарушены конкретным законом, не соответствующим Конституции России.

Таким образом, конституционная ценность — это основополагающая установка, которая способствует развитию демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются ценностью высшего порядка. Конституционная ценность может выступать в качестве универсального критерия положительной оценки обществом деятельности государства в целом, отдельных его органов.

Конституционным ценностям присуща иерархичность, поэтому невозможно предопределить место конкретной конституционной ценности во всей целостной системе. Данный факт не может быть предопределен ни нормативно, ни доктринально. На практике иерархия ценностей зависит от результата процесса нахождения баланса между частным и публичным интересом в случае, если такой баланс в принципе возможен, при этом функция такого выбора возложена также на орган конституционного правосудия — Конституционный Суд Российской Федерации. Определенно существуют ценности высшего порядка и ценности, которые располагаются в условной лестнице на ступень ниже. Сама Конституция страны помимо человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности больше ничего не выделяет. Но вместе с тем путем толкования Конституции органами конституционного правосудия, путем доктринальных исследований можно проследить некую закономерность, которая выделяет некоторые конституционные ценности больше остальных. Конституция России — это механизм, который имеет свойство претерпевать изменения в связи с веянием времени. Соответственно, можно утверждать, что в дальнейшем иерархия конституционных ценностей может тоже измениться как в положительную, так и в отрицательную сторону.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2001 № 17-П // Российская газета. 2001. № 255.

Список источников

1. Денисов С. А. Мнимые конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 9–15.
2. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex russica. 2018. № 11 (44). С. 106–121.
3. Карасева И. А. Конкуренция конституционных ценностей в правоприменительной практике России и зарубежных государств // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 75–85.
4. Ереклинцева Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
5. Снежко О. А. Конституционно-правовая природа защиты прав граждан // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 104–113.
6. Алексеев А. П. Ценности в российском конституционном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1. С. 30–35.
7. Пермиловский М. С. Конституционно-ценностное содержание права на благоприятную окружающую среду // Российский судья. 2012. С. 155.
8. Кондрашев А. А. Конституционные ценности в современном Российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 6–13.
9. Комкова Г. Н. Конституционное право: учебник для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2019.
10. Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании // Российская газета. 2018. № 12. С. 3.
11. Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Национальные интересы. 2001. № 4. С. 44.
12. Бондарь Н. С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 4–13.
13. Комарова В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 1–8. С. 1385–1387.
14. Певцова Н. С. Конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 66–69.
15. Таева Н. Е. Дефиниции в конституционном законодательстве // Lex Russica. 2016. № 3 (112). С. 153–163.
16. Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Вестник ВолГУ. Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 4. С. 71–74.
17. Арбузкин А. М. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Закон и право. 2016. № 2. С. 18–25.

References

1. Denisov S. A. Mnimye konstitucionnye cennosti // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2018. № 10. S. 9–15.
2. Nevinskij V. V. Sushchnost' i universalizaciya konstitucionnyh cennostej v sovremennom obshchestve // Lex russica. 2018. № 11 (44). S. 106–121.
3. Karaseva I. A. Konkurenciya konstitucionnyh cennostej v pravoprimenitel'noj praktike Rossii i zarubezhnyh gosudarstv // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2014. № 4 (101). S. 75–85.
4. Ereklinceva E. V. Suverenitet i demokratiya kak konstitucionnye cennosti sovremennoj Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2010.
5. Snezhko O. A. Konstitucionno-pravovaya priroda zashchity prav grazhdan // Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2007. № 1. S. 104–113.
6. Alekseev A. P. Cennosti v rossijskom konstitucionnom prave // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 1. S. 30–35.
7. Permilovskij M. S. Konstitucionno-cennostnoe sodержanie prava na blagopriyatnuyu okruzhayushchuyu sredu // Rossijskij sud'ya. 2012. S. 155.

8. Kondrashev A. A. Konstitucionnye cennosti v sovremennom Rossijskom gosudarstve: o konfliktah i deval'vaciyah // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 1. S. 6–13.
9. Komkova G. N. Konstitucionnoe pravo: uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya. M.: Yurajt, 2019.
10. Zor'kin V. D. Cennostnyj podhod v konstitucionnom regulirovanii // Rossijskaya gazeta. 2018. № 12. S. 3.
11. Avak'yan S. A. Globalizaciya, obshchie konstitucionnye cennosti i nacional'noe regulirovanie // Nacional'nye interesy. 2001. № 4. S. 44.
12. Bondar' N. S. Rossijskoe konstitucionnoe pravo v cennostnom izmerenii: kak pravovoj otrasli, yuridicheskoj nauki, uchebnoj discipliny // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 11. S. 4–13.
13. Komarova V. V. Napolnenie i vidovoe mnogoobrazie pravovoj kategorii «konstitucionnye cennosti» (konstitucionno-pravovoj aspekt) // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1–8. S. 1385–1387.
14. Pevcova N. S. Konstitucionnye cennosti // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 1. S. 66–69.
15. Taeva N. E. Definicii v konstitucionnom zakonodatel'stve // Lex Russica. 2016. № 3 (112). S. 153–163.
16. Nesmeyanova S. E. K voprosu ob ierarhii konstitucionnyh cennostej // Vestnik VolGU. Pravovaya paradigma. 2017. T. 16. № 4. S. 71–74.
17. Arbuzkin A. M. Chelovek, ego prava i svobody yavlyayutsya vysšej cennost'yu? // Zakon i pravo. 2016. № 2. S. 18–25.

Информация об авторах

О. Д. Овчинникова — кандидат юридических наук, доцент.
А. М. Шаганян — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. D. Ovchinnikova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.
A. M. Shaganyan — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 07.07.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 07.07.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 97–103.
Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 97–103.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.95

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Андрей Максимович Павлюченко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

Аннотация. Одной из основных угроз национальной безопасности является незаконная миграция. В настоящей статье рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся реализации контрольно-надзорных функций полиции в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. В рамках настоящего исследования рассмотрены правовые основания установления административного надзора в отношении иностранных граждан и целесообразность его осуществления на территории Российской Федерации на основе судебной практики. Проведен анализ оснований для принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Выявлены имеющиеся в законодательстве разногласия между институтом административного надзора и процедурой принятия решения о нежелательности пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации. Кроме того, предлагается закрепить алгоритм действий сотрудников уголовно-исполнительной системы и полиции на основании совместного приказа МВД России и ФСИН России по вопросу депортации иностранных граждан после освобождения из мест лишения свободы.

Ключевые слова: иностранный гражданин, решение о нежелательности пребывания (проживания), депортация, административный надзор

Для цитирования: Павлюченко А. М. К вопросу о совершенствовании правовой основы деятельности полиции по реализации функций в сфере миграции // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 97–103.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

REVISITING THE IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK OF POLICE ACTIVITIES IN IMPLEMENTING FUNCTIONS IN THE FIELD OF MIGRATION

Andrey M. Pavlyuchenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

Abstract. One of the main threats to national security is illegal migration. In this regard, the state is looking for optimal ways to improve migration policy. This article examines problematic issues related to the implementation of control and supervisory functions of the police in relation to foreign citizens and stateless persons. Based on statistical information, an analysis of crimes committed by foreign citizens on the territory of the Russian Federation was carried out. This study examines the legal basis for establishing administrative supervision in relation to foreign citizens and the feasibility of its implementation on the territory of the Russian Federation on the basis of judicial practice. An analysis of the grounds for making a decision on the undesirability of the stay (residence) of foreign citizens or stateless persons on the territory of the Russian Federation was carried out. The discrepancies existing in the legislation between the institution of administrative supervision and the procedure for making a decision on the undesirability of the stay of foreign citizens on the territory of the Russian Federation have been identified. Ways to optimize the institutions under consideration are proposed by introducing changes to existing regulatory legal acts. In addition, the author proposes to consolidate the algorithm of actions of employees of the penal system and the police on the basis of a joint order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia on the issue of deportation of foreign citizens after release from prison.

Keywords: foreign citizen, decision on undesirability of stay (residence), deportation, administrative supervision

For citation: Pavlyuchenko A.M. Revisiting the improving the legal framework of police activities in implementing functions in the field of migration. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:97–103 (In Russ.).

© Павлюченко А. М., 2023

Несмотря на сложную экономическую ситуацию и санкционное давление, Российская Федерация продолжает оставаться благоприятным местом для пребывания иностранных граждан. Выгодные условия трудоустройства привлекают в первую очередь граждан из бывших союзных республик (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Армения и др.). По некоторым данным количество трудовых мигрантов, прибывших в Россию в 2022 г., составляет более 15 млн человек, что на треть больше показателей 2021 г. [1]. В подтверждение сказанного стоит отметить, что одной из задач обеспечения государственной и общественной безопасности является усиление контроля за миграционными потоками¹. Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) как один из основных субъектов, выполняющих контрольно-надзорные функции в сфере миграции, стремится к постоянному совершенствованию нормативных правовых актов, с помощью которых удастся выполнять возложенные на МВД России задачи, о чем свидетельствует наличие двадцати шести проектов ведомственных приказов, связанных с деятельностью в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства [2].

Несмотря на усиленный контроль за иностранными гражданами со стороны государственных органов, вопросы, связанные с преступлениями, совершенными иностранцами, остаются напряженными. По сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее — ГИАЦ МВД России), количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, продолжает расти и по итогам 2022 г. составило более 40 тысяч, что практически на 20 % больше аналогичных показателей 2021 г.² Учитывая количество иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации, растет и число межнациональных конфликтов, что, в свою очередь, влечет увеличение нагрузки на правоохранительные органы нашей страны. Кроме того, нарастает недовольство миграционной политикой среди граждан Российской Федерации [3].

Таким образом, перечисленные выше факты требуют от государства решительных мер, направленных на улучшение криминогенной обстановки в рассматриваемой сфере. Вместе с тем, как по-

казало наше исследование, имеется ряд правовых коллизий, которые существенно осложняют работу правоприменителей. Одной из них является процедура принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации (далее — решение о нежелательности) и соответствие её иным контрольно-надзорным функциям полиции в области миграции.

В первую очередь считаем необходимым рассмотреть институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и возможность его применения в отношении иностранных граждан. В соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»³ (далее — Федеральный закон «Об административном надзоре») административный надзор устанавливается, как правило, в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Анализ уголовных дел в отношении иностранных граждан, рассмотренных судами в 2022 г., показал, что 37 % составляют тяжкие и особо тяжкие составы преступлений, преимущественно против личности, за которые суд, как правило, выносит наказание в виде лишения свободы. Положения Федерального закона «Об административном надзоре» не содержат запретов и ограничений на установление административного надзора в отношении иностранных граждан. Согласно официальному акту судебного толкования, обязательному для исполнения нижестоящими судами, административный надзор может быть установлен в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства при условии его проживания (пребывания) на территории Российской Федерации на законных основаниях⁴. Вместе с тем установление административного надзора всегда сопряжено с установлением административных ограничений, которые привязаны, в свою очередь, к месту жительства (месту пребывания) поднадзорного лица. Однако трудно не согласиться с мнением Е. В. Поликарповой о том, что регистрация иностранного гражда-

³ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Статистическая форма «795». По данным ЦСИ ГИАЦ МВД России.

нина практически никогда не совпадает с адресами его фактического проживания либо он вообще не имеет регистрации и, следовательно, должен покинуть территорию Российской Федерации [4].

В качестве показательного примера может служить дело об установлении административного надзора, рассмотренное в Заволжском районном суде города Ульяновска. Так, в октябре 2019 г. администрация федерального казенного учреждения «Колония-поселение № 1» Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Ульяновской области обратилась в суд с административным иском об установлении административного надзора и административных ограничений гражданину Республики Таджикистан, осужденному за преступление против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетнего. Несмотря на намерение осужденного выехать на постоянное место жительства в Республику Таджикистан, районный суд удовлетворил требования администрации исправительного учреждения и установил административный надзор в отношении иностранного гражданина сроком на 3 года за вычетом срока, истекшего после отбытия наказания. В декабре 2019 г. в Ульяновский областной суд поступило апелляционное представление прокурора Заволжского района города Ульяновска, в котором последний требует отменить судебное решение, считая его незаконным и необоснованным, в связи с отсутствием у иностранного гражданина законных оснований для проживания на территории Российской Федерации. Указанные обстоятельства свидетельствуют о невозможности осуществления административного надзора на территории Российской Федерации. Несмотря на доводы прокурора, областной суд оставил представление без удовлетворения¹.

Изучение законодательства, определяющего правовое положение и порядок пребывания (проживания) на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, позволило выявить ряд разногласий при применении в отношении указанной категории лиц административного надзора. Во-первых, административный надзор и административные ограничения могут быть применены к иностранному гражданину или лицу без гражданства только в том случае, когда он может находиться на территории России на законных основаниях. Документами, дающими право законно находиться на территории Российской Фе-

дерации, являются: вид на жительство, разрешение на временное проживание, разрешение на работу и др. Однако в соответствии с Федеральным законом от 5 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»² указанные выше документы не выдаются, а ранее выданные подлежат аннулированию в случае, если лицо осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Во-вторых, иностранный гражданин, совершивший преступление, за которое может быть установлен административный надзор, теряет законные основания находиться на территории Российской Федерации, следовательно, он не имеет ни регистрации, ни места жительства, т. е. отсутствуют обстоятельства, необходимые для установления административных ограничений.

В-третьих, стоит отметить, что ключевым субъектом наблюдения за лицами, в отношении которых установлен административный надзор, является участковый уполномоченный полиции. Однако в соответствии с Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», отсутствие гражданства Российской Федерации является препятствием проведения индивидуальной профилактической работы³. Резюмируя вышеизложенное, можно говорить о том, что юридических оснований для проведения индивидуальной профилактической работы с иностранными гражданами, в отношении которых судом установлены административный надзор и административные ограничения, у участкового уполномоченного полиции нет.

Таким образом, полагаем, что установление и осуществление административного надзора в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства не представляются возможными, т. к. после осуждения их судом за тяжкие и особо тяжкие преступления они теряют возможность законно находиться на территории Российской Федерации.

² О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 05.07.2002 № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Ульяновского областного суда № 33а-5599/2019 от 24.12.2019. URL: <http://www.uloblsud.ru>.

По нашему мнению, иностранные граждане, которые совершили тяжкие и особо тяжкие преступления на территории России, после освобождения из мест лишения свободы должны быть немедленно депортированы с территории нашей страны. По мнению В. И. Холманского, Т. В. Стульновой, речь идет не просто об иностранных гражданах, а о лицах, которые уже преступили закон и отличаются повышенной степенью криминогенной и рецидивной опасности [5].

В рассмотренных обстоятельствах у правоприменителей возникают трудности с применением в отношении иностранного гражданина принудительных мер. Связано это с тем, что по окончании срока нахождения в местах лишения свободы у администрации исправительного учреждения есть обязанность подать административное исковое заявление в суд об установлении административного надзора. Однако, исходя из анализа действующего законодательства, после вступления приговора суда в законную силу основания, дающие право законно находиться иностранному гражданину на территории Российской Федерации, аннулируются, и оснований для установления административного надзора нет. Приведенный факт указывает на необходимость использования иной процедуры в отношении иностранных граждан, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. По нашему мнению, в подобных ситуациях необходимо применять процедуру признания нежелательным для пребывания (проживания) иностранного гражданина на территории Российской Федерации с последующей депортацией за пределы нашей страны.

В соответствии с положениями действующего законодательства¹ основаниями принятия решения о нежелательности пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) (далее — решение о нежелательности) являются:

- незаконное нахождение на территории Российской Федерации;
- создание реальной угрозы обороноспособности или безопасности государства, общественному порядку или здоровью населения;
- защита основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц.

Несомненно, данные основания подпадают под обстоятельства совершения преступлений, за которые может быть установлен административ-

ный надзор. Однако, по нашему мнению, существенным недостатком принятия решения о нежелательности является тот факт, что это право компетентных органов, а не обязанность, которым они зачастую не пользуются. Связано это в первую очередь с достаточно трудоемким порядком предоставления материалов для принятия решения о нежелательности. На сегодняшний день подготовленные территориальными органами МВД России на региональном уровне материалы подлежат направлению в центральный аппарат МВД России. После согласования проект о нежелательности пребывания предоставляется для утверждения первому заместителю Министра внутренних дел. На наш взгляд, установленный порядок является неоправданным и не отвечает требованиям оперативности принимаемого решения. Учитывая тот факт, что указанная процедура достаточно продолжительная по времени, может возникнуть ситуация, когда иностранный гражданин вышел из поля зрения правоохранителей. Считаем, что принятие решения о нежелательности пребывания должно приниматься непосредственно тем органом, который выявил обстоятельства, послужившие основанием для применения рассматриваемой процедуры. Это поможет исключить бумажную волокиту и поспособствует своевременному принятию решения, что положительно отразится на правоприменительной деятельности.

Вместе с тем, помимо выявленных недостатков организационного характера, действующие сотрудники подразделений по вопросам миграции на районном и региональном уровне отмечают, что сложности возникают при подготовке материалов для принятия решения о нежелательности, в связи с чем в федеральном законодательстве имеются лишь общие основания для его принятия, а их детализация содержится в ведомственных нормативных актах, согласно которым сотрудники обязаны не просто подтвердить основания для принятия решения о нежелательности, но и, например, учитывать семейное положение иностранного гражданина, наличие заболеваний и иную информацию, которая, по нашему мнению, не имеет отношения к обстоятельствам совершенного им тяжкого или особо тяжкого преступления. В подтверждение изложенного приведем мнение И. А. Цинделиани, который считает, что реализация полномочий по принятию решения о нежелательности пребывания «сопряжена с определенными трудностями, обусловленными неточностью формулировок действующего законодательства», а именно отсутствием детально прописанных оснований и кри-

¹ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

териев принятия должностными лицами рассматриваемых решений [6]. Действительно, согласно сведениям ГИАЦ МВД России, в 2022 г. принято положительное решение лишь в 169 случаях из 1937 направленных материалов. По нашему мнению, такое низкое количество решений принимается по причине того, что процедура имеет характер правового усмотрения, оставленного на волю уполномоченных должностных лиц, и сопровождается неоправданно трудоемким процессом утверждения подготовленных материалов. Кроме того, отсутствие детально проработанных оснований для принятия решения о нежелательности пребывания побуждает правоприменителей использовать иные средства воздействия на нарушителей. Согласно статистике, к числу иных правовых способов воздействия на иностранных граждан можно отнести: запрет въезда на территорию Российской Федерации, депортация и административное выдворение.

Подводя итог, мы считаем, что для решения обозначенных в тексте статьи проблем необходимо лишать иностранных граждан, нарушивших закон, любой возможности проживать на территории Российской Федерации. При этом исключить нормативно закрепленные основания контролировать «иностранцев преступников» после освобождения из мест лишения свободы на территории нашей страны. Кроме того, считаем целесообразным оптимизировать процесс принятия решения о нежелательности пребывания. В этих целях необходимо:

- во-первых, дополнить части 1 и 2 статьи 3 Федерального закона «Об административном надзоре», изложив её в следующей редакции: «Административный надзор устанавливается в отношении совершеннолетнего гражданина Российской Федерации, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего неснятую либо непогашенную судимость»;

- во-вторых, в целях оптимизации принятия решения о нежелательности пребывания внести конкретику в Приказ МВД России от 8 августа 2022 г. № 593 «О вопросах представления в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия решения о нежелательности пребывания иностранного гражданина...»¹. Для этого необхо-

димо дополнить указанный выше приказ разделом «Основания для принятия решения о нежелательности пребывания иностранных граждан», отразив в нем следующие положения:

а) отсутствие у иностранного гражданина законных оснований для нахождения на территории Российской Федерации, к которым следует отнести: окончание срока действия: вида на жительство, разрешения на временное проживание, разрешения на работу или аннулирование либо отказ в выдаче в случаях, предусмотренных федеральным законом, вида на жительство, разрешения на временное проживание, разрешения на работу;

б) в случаях если в отношении иностранного гражданина установлен запрет въезда на территорию Российской Федерации по основаниям и в порядке, который предусмотрен федеральным законом;

в) если пребывание создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, общественному порядку или здоровью населения;

г) во всех случаях, когда иностранный гражданин осужден вступившим в законную силу приговором суда за преступления, указанные в статье третьей федерального закона «Об административном надзоре»;

- в-третьих, необходимо уточнить положения законодательства, обязывающего правоприменителей учитывать семейное положение иностранного гражданина при принятии решения о нежелательности пребывания. В целях объективности принимаемого решения предлагаем учитывать наличие у иностранного гражданина признанного действительным заключенного брака с гражданином Российской Федерации и имеющего на иждивении несовершеннолетнего гражданина России. В этих целях необходимо руководствоваться седьмым разделом Семейного кодекса Российской Федерации. Кроме того, для принятия данного обстоятельства как смягчающего необходимо реальное подтверждение факта нахождения в браке, т. е. зависимость несовершеннолетних от дохода иностранного гражданина, ведение совместного хозяйства и др., которые бы опровергли фиктивность заключенного брака;

ности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, их рассмотрения и реализации решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 8 августа 2022 г. № 593. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О вопросах представления в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (отмены) решения о нежелатель-

- в-четвертых, проработать алгоритм взаимодействия ФСИН России и МВД России по вопросу помещения иностранных граждан в центры временного содержания иностранных граждан после освобождения из мест лишения свободы для принятия решения о признании данного гражданина нежелательным для пребывания с последующей его депортацией. В настоящее время какие-либо нормативные документы, регулирующие данный алгоритм, отсутствуют. Предлагаем издать совместный приказ указанных выше органов исполнительной власти с отражением следующих основных положений:

а) администрация исправительного учреждения не позднее чем за два месяца до истечения срока отбывания наказания, определенного судом, направляет в суд материалы для принятия решения о нежелательности пребывания (к числу указанных материалов следует отнести копию приговора суда о назначении наказания; характеризующий материал; документы, подтверждающие отсутствие законных оснований находиться на территории Российской Федерации);

б) после вступления в законную силу решения суда администрация исправительного учреждения в течение семи дней направляет копию судебного решения в орган внутренних дел (Центр временного содержания иностранных граждан), на территории которого находится исправительное учреждение;

в) орган внутренних дел обеспечивает прибытие иностранного гражданина в специальное учреждение, а также в течение двух дней подготавливает проект решения о депортации иностранного

гражданина и предоставляет его на утверждение в соответствии с правилами, установленными приказом МВД России от 8 августа 2022 г. № 593.

Указанные выше решения помогут устранить имеющиеся разногласия в нормативных правовых актах, касающиеся рассматриваемой сферы, привести к единообразию практику применения института признания нежелательным для пребывания иностранных граждан, повысить качество и количество подготавливаемых материалов. Предложенные автором решения помогут снизить нагрузку на правоохранительные органы Российской Федерации, заключающуюся не только в подготовке материалов о признании нежелательным для пребывания, но и дальнейшем контроле за иностранными гражданами, нарушившими уголовный закон. Также стоит отметить, что единообразное применение уже имеющихся правовых средств, таких как аннулирование законности пребывания иностранных граждан с последующей депортацией, запрет въезда на территорию Российской Федерации и др., положительно отразится на деятельности правоприменителей в указанной сфере деятельности.

Резюмируя вышеизложенное, можно говорить о том, что имеющиеся разногласия в институтах административного надзора и признания нежелательным для пребывания на территории России иностранных граждан можно устранить, используя комплексный подход. Работа в указанном направлении должна проводиться в тесном взаимодействии субъектов осуществления миграционной политики Российской Федерации.

Список источников

1. Новостной портал «Клерк». URL: <https://www.klerk.ru>.
2. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru>.
3. «Фонтанка» — петербургская интернет-газета. URL: <https://www.fontanka.ru/>.
4. Поликарпова Е. В. К вопросу профилактики рецидивной преступности, установления и осуществления административного надзора в отношении иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2019. № 2. С. 55–57.
5. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Насколько целесообразно обязательное установление и осуществление административного надзора в отношении иностранных граждан, совершивших преступления на территории Российской Федерации? // *Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ: мат-лы ежегодной международной научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 23 октября 2020 г.)*. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 143–153.
6. Цинделиани И. А., Садовская Т. Д., Давыдова М. А., Виноградова А. Д. Актуальные проблемы рассмотрения миграционных споров, связанных с оспариванием решений о нежелательности пребывания и неразрешении въезда иностранным гражданам и лицам без гражданства // *Правосудие/ Justice*. 2022. Т. 4. № 2. С. 60–95.

References

1. Novostnoj portal «Klerk». URL: <https://www.klerk.ru>.
2. Federal'nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov. URL: <https://regulation.gov.ru>.
3. «Fontanka» — peterburgskaya internet-gazeta. URL: <https://www.fontanka.ru/>.
4. Polikarpova E. V. K voprosu profilaktiki recidivnoj prestupnosti, ustanovleniya i osushchestvleniya administrativnogo nadzora v otnoshenii inostrannyh grazhdan, prebyvayushchih na territorii Rossijskoj Federacii // *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava*. 2019. № 2. S. 55–57.
5. Holmanskij V. I., Stul'nova T. V. Naskol'ko celesoobrazno obyazatel'noe ustanovlenie i osushchestvlenie administrativnogo nadzora v otnoshenii inostrannyh grazhdan, sovershivshih prestupleniya na territorii Rossijskoj Federacii? // *Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migracionnyh processov na territorii gosudarstv-uchastnikov SNG: mat-ly ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii* (Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 g.). SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. S. 143–153.
6. Cindeliani I. A., Sadovskaya T. D., Davydova M. A., Vinogradova A. D. Aktual'nye problemy rassmotreniya migracionnyh sporov, svyazannyh s osparivaniem reshenij o nezhelatel'nosti prebyvaniya i nerazreshenii v»ezda inostrannym grazhdanam i licam bez grazhdanstva // *Pravosudie/ Justice*. 2022. T. 4. № 2. S. 60–95.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 04.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 04.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 104–109.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 104–109.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.985:004

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Алёна Николаевна Еремеева

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, alena.eremeeva91@mail.ru

Аннотация. С 90-х годов XX в. и до настоящего времени увеличение числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, приобрело угрожающие масштабы. В ходе анализа эмпирического и теоретического материала сделан вывод о том, что в настоящее время более 1/3 незаконных сбытов наркотических средств совершается с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет бесконтактно. По результатам исследования автор констатирует практическую значимость применения ситуационного подхода в методике расследования незаконных сбытов наркотических средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и предлагает алгоритм его применения.

Ключевые слова: криминалистическая методика, расследование преступлений, криминалистическая ситуация, типичная следственная ситуация, ситуационный подход, незаконный оборот наркотических средств, сбыт наркотических средств

Для цитирования: Еремеева А. Н. Возможности применения ситуационного подхода в методике расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 104–109.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

POSSIBILITIES OF APPLYING THE SITUATIONAL APPROACH IN THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING THE ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS COMMITTED USING THE INTERNET INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK

Alena N. Ereemeeva

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnojarsk, Russia,

alena.eremeeva91@mail.ru

Abstract. The increase in the number of registered crimes related to drug trafficking has become rampant from the 1990s to the present. At the same time, the most dangerous of the category of crimes under consideration is the illegal sale of narcotic drugs. In the course of the analysis of empirical and theoretical material, it was concluded that at present more than 1/3 of illegal sales of narcotic drugs are carried out using the information and telecommunication network Internet without contact. Based on the results of the study, the author states the practical significance of applying the situational approach in the methodology for investigating illegal sales of narcotic drugs committed using the information and telecommunications network Internet and proposes an algorithm for its application.

Keywords: forensic methodology, crime investigation, forensic situation, typical investigative situation, situational approach, illicit drug trafficking, sale of narcotic drugs

For citation: Ereemeeva A. N. Possibilities of applying the situational approach in the methodology of investigating the illegal sale of narcotic drugs committed using the Internet information and telecommunication network. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:104–109 (In Russ.).

© Еремеева А. Н., 2023

Методика расследования преступлений как самостоятельный раздел криминалистики прошла большой исторический путь — от зарождения протокриминалистических знаний до появления современных научных школ со своими подходами к планированию расследования.

В настоящее время в правоприменительной деятельности, направленной на раскрытие и расследование преступлений, наиболее перспективным является ситуационный подход. Предлагая четкий алгоритм действий в широком диапазоне криминалистических ситуаций, он позволяет органам дознания и предварительного расследования принимать эффективные процессуальные и иные решения в условиях дефицита времени.

Понятие «ситуация» является полидисциплинарным и используется в своем категориальном аппарате многими отраслями научного знания [1, с. 27]. Например, в психологии ситуация определяется как система «внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность» [2, с. 364]. В философии экзистенциализма под ситуацией понимается способ бытия человека в мире [3, с. 125].

В юриспруденции впервые понятие «следственная ситуация» было введено А. Н. Колесниченко, который понимал ее как «положение расследования, характеризующее наличием доказательств и иного информационного материала» [4, с. 10].

В настоящее время в науке криминалистике существует несколько подходов к определению понятия «следственная ситуация». Так, представители одного подхода (В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов и др.) считают, что следственная ситуация находится внутри процесса расследования, и определяют ее через совокупность информационных и иных факторов, обуславливающих основные направления расследования [5, с. 205; 6, с. 173].

Представители другого подхода считают, что ситуация по отношению к расследованию носит преимущественно внешний характер и является совокупностью значимой информации на определенный момент расследования (Р. С. Белкин, Н. П. Яблоков и др.) [7, с. 24; 8, с. 135].

Интересной представляется точка зрения Т. С. Волчецкой, которая в своем определении понятия следственной ситуации объединяет обозначенные точки зрения и определяет следственную ситуацию как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю при-

нять наиболее целесообразные по делу решения» [9, с. 12]. Указанный подход к пониманию сущности следственной ситуации кажется нам наиболее подходящим, т. к. в своем определении Т. С. Волчецкая выделяет в криминалистической ситуации не только внешние факторы, относящиеся к расследуемому событию, но и факторы, характеризующие саму систему расследования изнутри (процессуальное состояние, взаимодействие между участниками и т. д.).

Ситуационный подход позволяет быстро и качественно решать возникающие в ходе правоприменительной деятельности задачи. Его применение должно позволить практическим сотрудникам (следователям, дознавателям, прокурорам, судьям), имеющим дело с большим объемом уголовных дел и возникающих различных криминалистических ситуаций, принимать эффективные решения в короткий срок, в т. ч. по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — ИТС Интернет).

Наркобизнес в настоящее время — один из самых быстро развивающихся видов преступной деятельности. Целью всех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, является получение незаконных денежных средств, которые, с одной стороны, служат обогащению преступных группировок, с другой — обеспечивают деятельность подпольной наркоиндустрии для подкупа коррумпированной власти, «подпитки» экстремистских и террористических организаций.

Согласно статистическим данным, приведенным Главным информационно-аналитическим центром МВД России, количество зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств за январь-апрель 2023 г. составило 66 740, что на 12,7 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [10, 11].

Кроме того, отмечается увеличение количества зарегистрированных наркопреступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет). Прирост данных преступлений за январь-апрель 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составил 34 % (28 245) [10, 11].

Из всего объема наркопреступлений самым опасным считается сбыт наркотических средств. В результате анализа следственной и судебной практики, а также криминалистической литературы можно сделать вывод о том, что в настоящее время более 1/3 рассматриваемых преступлений

совершается бесконтактным способом с использованием ИТС Интернет¹.

В рамках применения ситуационного подхода в методике расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием ИТС Интернет, субъект доказывания должен обладать обширными знаниями о типичных криминалистических ситуациях и об алгоритмах их решения. Стоит согласиться с мнением Д. В. Кима, который считает, что «чем большим запасом знаний типичных криминалистических ситуаций и алгоритмов решений он (дознаватель, следователь, прокурор и т. д.) обладает, тем эффективнее идет процесс раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 137].

Алгоритм применения ситуационного подхода в деятельности субъекта доказывания по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием ИТС Интернет, можно разделить на два этапа — диагностика криминалистической ситуации и сравнение данной ситуации с типичной, ранее известной.

Этап диагностики криминалистической ситуации предполагает ее изучение и классификацию.

Для того чтобы предпринимать те или иные действия в рамках своей правоприменительной деятельности, субъекту доказывания необходимо обладать определенным объемом криминалистической информации, который он может получить, изучив данные об элементах криминалистической характеристики расследуемого преступления (далее — КХП).

Существование указанной категории в науке криминалистики до настоящего времени имеет спорный характер. Например, В. Е. Корноухов считал нецелесообразным выделять КХП, т. к. указанная категория должна описывать преступление через выделение его отличительных особенностей, а не содержаться в диспозиции статей уголовного закона, криминологии и т. д. [12, с. 32]. Н. П. Яблоков, напротив, полагал, что КХП является важной и вполне научно самостоятельной понятийной категорией криминалистики [13, с. 60]. Мы придерживаемся указанной позиции, т. к. информация, содержащаяся в каждом элементе КХП, имеет большое значение для практической деятельности, особенно для методики расследования преступлений.

¹ При исследовании именно этого вопроса было изучено 20 уголовных дел, находящихся в производстве следователей ГСУ МВД России по Красноярскому краю, 15 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации.

В ходе анализа криминалистической литературы, а также правоприменительной деятельности по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, мы выделили основные элементы КХП: предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, типичную следовую картину, сведения о типичной личности преступника.

Предмет преступного посягательства является обязательным элементом КХП указанного вида. На момент решения вопроса о возбуждении уголовного дела следователь должен располагать достаточной информацией о предмете преступного посягательства (справка о проведенном исследовании).

По результатам предварительного исследования было установлено, что в настоящее время самым распространенным наркотическим средством является наркотик синтетического происхождения N-метилэфедрон (80 % респондентов)².

Способ совершения рассматриваемого преступления характеризуется бесконтактной передачей наркотического средства с использованием ИТС Интернет. Результаты предварительного исследования показали, что в 80 % случаях злоумышленники для связи с приобретателями используют интернет-магазины, размещенные на интернет-каналах в кроссплатформенной системе мгновенного обмена сообщениями Telegram³.

Во взаимосвязи со способом совершения незаконного сбыта наркотических средств с использованием ИТС Интернет находится следующий элемент КХП — типичная следовая картина. В ходе производства следственных осмотров на различных объектах могут быть обнаружены как материальные следы (следы-отображения, например следы наркотического средства на руках закладчика, следы пальцев рук на изъятых полимерных сверт-

² В рамках исследования проанкетировано 53 сотрудника оперативных подразделений, осуществляющих выявление и оперативное сопровождение уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств в следующих субъектах РФ: Амурская область, Белгородская область, Красноярский край, Кемеровская, Новосибирская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Тверская области.

³ В рамках исследования проанкетировано 53 сотрудника оперативных подразделений, осуществляющих выявление и оперативное сопровождение уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств в следующих субъектах РФ: Амурская область, Белгородская область, Красноярский край, Кемеровская, Новосибирская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Тверская области.

ках и т. д.), так и цифровые следы, расположенные в памяти мобильных устройств, с помощью которых осуществлялся выход в ИТС Интернет для осуществления сбыта наркотических средств.

Сведения о типичной личности преступника. Анализ криминалистической литературы, судебной и правоприменительной деятельности по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием ИТС Интернет, позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время около 80 % рассматриваемых преступлений совершается в составе группы лиц с четким дифференциально-ролевым делением в зависимости от выполняемых функций (организатор, менеджер по региону, кассир, оптовик, закладчик и др.)¹. Многих членов преступной группы не удается своевременно установить, вследствие чего преступники, находящиеся на свободе, продолжают свою противоправную деятельность по сбыту наркотических средств с использованием ИТС Интернет.

Определившись с элементами КХП и информацией, содержащейся внутри каждого элемента, субъекту доказывания необходимо классифицировать имеющуюся ситуацию. Правильная классификация позволит спрогнозировать процесс развития ситуации и ее вероятностный результат, т. к. по своей природе все ситуации динамичны.

В настоящее время видными учеными-криминалистами разработано множество классификаций криминалистических ситуаций, однако все они в большинстве случаев основаны на характеристике отдельного компонента системы [14, с. 139]. В. К. Гавло, Т. С. Волчецкая предлагают классифицировать криминалистические ситуации в зависимости от сферы их возникновения на предкриминальные, криминальные, посткриминальные [9, с. 56]. И. М. Комаров подразделяет ситуации в зависимости от характера последних на технические, тактические и методологические [15, с. 221].

Ситуации, складывающиеся в рамках расследования уголовных дел по незаконным сбытам наркотических средств, совершенным с использованием ИТС Интернет, также должны быть классифицированы субъектом доказывания по различным основаниям. Например, ситуацию, в рамках которой сотрудниками оперативных подразделений задерживается закладчик наркотических средств в момент совершения сбыта наркотика,

¹ При исследовании именно этого вопроса было изучено 15 уголовных дел, находящихся в производстве следователей ГСУ МВД России по Красноярскому краю, 10 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации.

в зависимости от времени возникновения можно классифицировать как начальную.

После определения ситуации по классификационным критериям субъект доказывания может переходить к заключительному этапу процесса применения ситуационного подхода — установление недостающих элементов КХП на настоящем этапе расследования относительно типичной ситуации. Указанное сопоставление позволит выделить отсутствующие элементы криминалистической характеристики расследуемого события, проблемы, связанные с их выявлением, и каким образом указанные проблемы могут быть решены, что позволит определить основные направления расследования.

В ходе проведения интервьюирования сотрудников следственных подразделений, занимающихся расследованием преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием ИТС Интернет, была выделена самая распространенная типичная ситуация, возникающая на начальном этапе расследования, — лицо задержано в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий на месте совершения преступления либо непосредственно после него (95 %). Типичная следственная ситуация, возникающая на последующем этапе расследования, характеризуется следующим: преступление совершено в составе организованной преступной группы, установлены не все участники (71 %)².

Обладая информацией о типичных следственных ситуациях, возникающих на разных этапах расследования, субъект правоприменительной деятельности может устанавливать отсутствующие элементы путем производства различных следственных действий. К примеру, осознавая групповой характер рассматриваемых преступлений, следователь может осуществлять осмотр мобильного устройства, находящегося в пользовании задержанного лица, в ходе которого возможно обнаружение криминалистически значимой информации о составе преступной группы, о функциональной роли не только владельца телефона, но и иных лиц.

С непрерывным внедрением новых технологий в противоправную деятельность преступных групп, занимающихся незаконным сбытом нарко-

² В рамках исследования было интервьюировано 58 сотрудников следственных подразделений, осуществляющих расследование уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств в следующих субъектах РФ: Москва и Московская область, Красноярский край, Амурская, Белгородская, Кемеровская, Новосибирская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Тверская, Ярославская области.

тических средств бесконтактным способом, видоизменяется информационное наполнение элементов КХП, что, в свою очередь, ведет к изменению типичных ситуаций. Имея большой объем уголовных дел, находящихся в производстве у субъекта правоприменительной деятельности, последний не всегда может обладать актуальной информацией о рассматриваемых категориях, что может существенно понизить эффективность правоприменительной деятельности.

Для формирования у сотрудников правоохранительных органов актуальных знаний о КХП, о типичных ситуациях, об алгоритме применения ситуационного подхода в методике расследова-

ния незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием ИТС Интернет, необходимо проводить научно-практические занятия в рамках служебной подготовки, семинары для указанных лиц, направленные на изучение отдельных аспектов криминалистических ситуаций.

Полагаем, что указанные мероприятия смогут существенно повысить эффективность деятельности правоохранительных органов, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием ИТС Интернет.

Список источников

1. Ким Д. В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. проф. В. К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.
2. Карпенко Л. А. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
3. Вальяно М. В. Основы философии: учебник. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2000. 544 с.
4. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 28 с.
5. Гавло В. К. О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц // Избранные труды. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 850 с.
6. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: Сред-Уральск. кн. изд-во, 1975. 184 с.
7. Яблоков Н. П. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования: мат-лы расширенного заседания Ученого Совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1978. С. 21–26.
8. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики: учебное пособие. Волгоград: ВСШ, 1993. 200 с.
9. Волчецкая Т. С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учебное пособие. Калининград, 1999. 74 с.
10. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-апрель 2022 года: ГИАЦ МФД РФ. М., 2022. 67 с.
11. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-апрель 2023 года: ГИАЦ МФД РФ. М., 2023. 64 с.
12. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 224 с.
13. Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова. 3-е изд. М., 2005. 781 с.
14. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т.; т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Норма, 2000. 990 с.
15. Комаров И. М. Криминалистические операции досудебного производства: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 400 с.

References

1. Kim D. V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty kriminalisticheskikh situacij: monografiya / pod red. prof. V. K. Gavlo. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008. 196 s.
2. Karpenko L. A. Kratkij psihologicheskij slovar' / pod obshch. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Yaroshevskogo. M.: Politizdat, 1985. 431 s.
3. Val'yano M. V. Osnovy filosofii: uchebnik. M.: Izd-vo «Delo i Servis», 2000. 544 s.

4. Kolesnichenko A. N. Nauchnye i pravovye osnovy metodiki rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Har'kov, 1967. 28 s.
5. Gavlo V. K. O sledstvennoj situacii i metodike rassledovaniya hishchenij, sovershaemyh s uchastiem dolzhnostnyh lic // Izbrannye trudy. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011. 850 s.
6. Gerasimov I. F. Nekotorye problemy raskrytiya prestuplenij. Sverdlovsk: Sred-Ural'sk. kn. izd-vo, 1975. 184 s.
7. Yablokov N. P. Sledstvennye situacii v metodike rassledovaniya prestuplenij // Aktual'nye napravleniya razvitiya kriminalisticheskoy metodiki i taktiki rassledovaniya: mat-ly rasshirennoho zasedaniya Uchenogo Soveta Vsesoyuznogo instituta po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti. M., 1978. S. 21–26.
8. Belkin R. S. Ocherki kriminalisticheskoy taktiki: uchebnoe posobie. Volgograd: VSSH, 1993. 200 s.
9. Volcheckaya T. S. Situacionnyj podhod v prakticheskoy i issledovatel'skoj kriminalisticheskoy deyatel'nosti: uchebnoe posobie. Kaliningrad, 1999. 74 s.
10. Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'-aprel' 2022 goda: GIAC MFD RF. M., 2022. 67 s.
11. Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'-aprel' 2023 goda: GIAC MFD RF. M., 2023. 64 s.
12. Kornouhov V. E. Metodika rassledovaniya prestuplenij: teoreticheskie osnovy: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2021. 224 s.
13. Yablokov N. P. Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij // Kriminalistika: uchebnik / pod red. N. P. Yablokova. 3-e izd. M., 2005. 781 s.
14. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: v 3 t.; t. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii. M.: Norma, 2000. 990 s.
15. Komarov I. M. Kriminalisticheskie operacii dosudebnogo proizvodstva: monografiya. M.: Yurlitinform, 2013. 400 s.

Статья поступила в редакцию 08.07.2023; одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 08.07.2023; approved after reviewing 11.07.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 110–116.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 110–116.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.285

ПОНЯТИЕ УСЛОВНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Надежда Викторовна Климович

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, nadya-klimovich@mail.ru

Аннотация. В статье на основе обобщения высказанных в уголовно-правовой литературе взглядов исследуется понятие условного освобождения от уголовной ответственности и обоснованность выделения в законе видов освобождения от уголовной ответственности, в связи с применением которых на лицо возлагаются обременения уголовно-правового характера. Под условным освобождением от уголовной ответственности предложено понимать отказ государства от ее реализации в отношении совершившего преступление лица, при котором вместо уголовной ответственности к лицу применяются иные меры уголовно-правового характера либо на него возлагаются другие предусмотренные уголовным законом обязанности, а их неисполнение лицом в период испытания является основанием для отмены решения об освобождении от уголовной ответственности и возобновления уголовного преследования. Рассмотрены представленные в науке уголовного права предложения относительно расширения в законе круга видов условного освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, условное освобождение, иные меры уголовно-правового характера

Для цитирования: Климович Н. В. Понятие условного освобождения от уголовной ответственности // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 110–116.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPT OF CONDITIONAL RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY

Nadezhda V. Klimovich

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, nadya-klimovich@mail.ru

Abstract. Based on the generalization of the views expressed in the criminal law literature, the article examines the concept of conditional exemption from criminal liability and the validity of the allocation of types of exemption from criminal liability in the law, in connection with the application of which encumbrances of a criminal nature are imposed on a person. Conditional exemption from criminal liability is proposed to be understood as the refusal of the state to implement it in relation to the person who committed the crime, in which, instead of criminal liability, other measures of a criminal nature are applied to the person or other obligations provided for by criminal law are imposed on him, and their non-fulfillment by the person during the trial is the basis for the cancellation of the decision on exemption from criminal liability and the resumption of criminal prosecution. The proposals presented in the science of criminal law regarding the expansion of the range of types of conditional release from criminal liability in the law are considered.

Keywords: exemption from criminal liability, conditional release, other measures of a criminal nature

For citation: Klimovich N. V. Concept of conditional release from criminal liability. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;4:110–116 (In Russ.).

© Климович Н. В., 2023

Освобождение от уголовной ответственности относится к числу важнейших уголовно-правовых институтов, ориентированных на решение задач уголовного права и достижение целей уголовно-правовой политики. Его расширение, наблюдаемое на протяжении нескольких последних десятилетий, лежит в русле гуманизации отечественного уголовного закона в части ответственности за деяния, не обладающие большой общественной опасностью. При этом на законодательном уровне понятие освобождения от уголовной ответственности не закреплено. Однако оно находит свое отражение в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: под освобождением от уголовной ответственности в нем понимается отказ государства от её реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)¹.

В действующем УК РФ институт освобождения от уголовной ответственности представлен нормами, размещенными как в статьях непосредственно посвященной ему главы 11, так и в некоторых статьях, находящихся за ее пределами. В настоящее время уголовный закон содержит в общей сложности семь видов освобождения от уголовной ответственности, регламентируемых Общей частью УК РФ (ст. 75, 76, 76.1, 76.2, 78, 84, 90 УК РФ), и довольно многочисленную группу частных случаев освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, регламентируемую Особенной частью УК РФ.

Разделение видов освобождения от уголовной ответственности на классификационные группы в теории уголовного права осуществляется по различным критериям. В рамках одной из классификаций исследователи выделяют условные и безусловные виды освобождения [1, с. 194; 2, с. 54; 3, с. 42]. Однако в доктрине уголовного права отсутствует единство мнений о том, что представляет собой условное освобождение от уголовной ответственности и насколько законодательное закрепление отдельных видов освобождения от уголовной

ответственности в качестве условных является обоснованным и целесообразным.

Термин «условное освобождение от уголовной ответственности» отчасти способен ввести в заблуждение относительно содержания определяемого им понятия. Как известно, применение любого вида освобождения от уголовной ответственности предполагает наличие необходимых оснований (утрата или уменьшение общественной опасности деяния и (или) осуществившего его лица) и соблюдение установленных законом условий, т. е. формализованных требований, от наличия которых зависит возможность применения соответствующих норм об освобождении (совершение преступления впервые, возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного вреда, принадлежность преступления к определенной категории и т. д.). Поэтому если условность связывать с наличием условий, при которых применяются упомянутые нормы, то все виды освобождения придется признать условными.

Очевидно, что в контексте анализируемой нами классификации в понятие условного освобождения вкладывается иной смысл. В. В. Сверчков, обращаясь к исследованию условий освобождения от уголовной ответственности и наказания в целом, подразделяет их на две категории: 1) условия, при которых лицо, совершившее предусмотренное уголовным законом деяние, освобождается от уголовной ответственности или наказания; 2) условия, под которые лицо может быть предварительно освобождено от уголовной ответственности или наказания и подвергнуто испытанию [1, с. 194; 4, с. 22]. Именно вторая категория условий обычно имеется в виду, когда говорят об условном освобождении от уголовной ответственности или наказания. При этом для освобождения от уголовной ответственности в роли таких условий не могут, конечно, выступать требования претерпеть принуждение, которое составляют элементы реализации уголовной ответственности (осуждение, наказание и судимость). А. М. Балафендиев обоснованно указывает на то, что виновный при освобождении от уголовной ответственности становится свободным от любого рода правоограничений, которые имели бы место при реализации уголовной ответственности [5, с. 16].

По мнению большинства исследователей, лицо освобождается от уголовной ответственности безусловно в том случае, если оно не должно в будущем исполнять возложенные на него какие-либо обязанности, соблюдать определенные требования (условия), в связи с чем отсутствует и возможность

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возобновления уголовного преследования при их неисполнении [2, с. 38–39; 6, с. 150]. Таким образом, после принятия по уголовному делу процессуального решения об освобождении от уголовной ответственности лицо не испытывает негативных правовых последствий не только в виде вынесения обвинительного приговора (осуждения), наказания и судимости, но и в виде какого-либо иного обременения, заключающегося в необходимости далее соотносить свое поведение с теми или иными требованиями. Такое освобождение является окончательным. Каким бы ни было поведение лица после освобождения, реализация уголовной ответственности за данное совершенное деяние уже невозможна (за исключением случаев отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования как незаконного или необоснованного в соответствии со ст. 214, 389.15, 401.15 УПК РФ).

Напротив, под условным освобождением подразумевается отказ государства от реализации уголовной ответственности в виде осуждения, наказания и судимости с одновременным возложением на виновного обременений, выраженных в определенных обязанностях. При их неисполнении решение об освобождении (постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования) отменяется, и правонарушитель привлекается к уголовной ответственности за деяние, по которому состоялось освобождение. Следовательно, в первом случае освобождение будет безусловным и окончательным, а во втором случае — условным и временным. Однако условное и временное освобождение трансформируется в окончательное, если лицо соблюдает установленные требования, выполняет возложенные обязанности в период испытания.

В настоящее время в УК РФ предусмотрены два условных вида освобождения от уголовной ответственности — с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Оба они предполагают обязательное возложение на лицо, в отношении которого выносится решение об освобождении от ответственности, определенных обременений (обязанностей); при их игнорировании решение об освобождении отменяется, процедура привлечения к ответственности возобновляется. Данные обременения в рамках действующего законодательства имеют статус иных мер уголовно-правового характера, которые лицо должно исполнить, причем обязательство исполнить соответствующую меру (судебный штраф

или какую-либо из принудительных мер воспитательного воздействия) лицо принимает на себя добровольно, давая согласие на прекращение уголовного дела или уголовного преследования (п. 25.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»; ч. 6 ст. 427 УПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 104.4 УК РФ при неуплате судебного штрафа в установленный срок его назначение отменяется, и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Процессуальный порядок, в котором решаются вопросы, возникающие в связи с неуплатой лицом судебного штрафа, установлен ст. 446.5 УПК РФ. Применительно ко второму условному виду освобождения возложение на лицо уголовной ответственности оказывается следствием систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия: по представлению специализированного государственного органа эта мера отменяется, и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности в общем порядке (ч. 4 ст. 90 УК РФ, ч. 5 ст. 427 УПК РФ).

В научной литературе обоснованность нормативных решений, заключающихся в закреплении в УК РФ условных видов освобождения от уголовной ответственности, вызывает возражения со стороны ряда специалистов. Одни исследователи хотя и не высказывают критических замечаний в адрес законодателя, конституирующего условное освобождение от уголовной ответственности с назначением иных мер уголовно-правового характера, в целом дают такие определения освобождения от уголовной ответственности, под которые условное освобождение не подпадает, и его правовая природа остается неясной. Например, Н. В. Артеменко определяет освобождение от уголовной ответственности как основанный на уголовном законе и выраженный в акте компетентного государственного органа отказ со стороны государства от применения к лицу, совершившему преступление, мер уголовно-правового воздействия [6, с. 147]. Очевидно, что современные законодательные конструкции условных видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2, 90 УК РФ) оказываются за пределами этой формулировки. Другие авторы (например, Е. В. Медведев, А. Г. Кибальник, А. П. Попов) прямо указывают на то, что освобождение от уголовной ответствен-

ности предполагает снятие с лица всех обременений публично-правового характера, вытекающих из факта совершения им преступления (тем более обременений в виде иных мер уголовно-правового характера) [7, с. 75; 8, с. 122].

Аргументом в пользу позиции об отсутствии достаточных оснований для введения в закон условных видов освобождения может служить и противоречие, которое возникает при анализе динамики уголовно-правового отношения: с одной стороны, по общему правилу охранительное уголовно-правовое отношение за пределами освобождения от уголовной ответственности продолжаться не может, оно прекращает свое существование вследствие вынесения соответствующего процессуального акта об освобождении от ответственности (постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования); с другой стороны, обременения, возложенные на лицо на период испытания, в чем бы они ни выражались, предусмотрены уголовным законом, имеют уголовно-правовой характер и не могут реализовываться вне уголовно-правового отношения. Н. Д. Сухарева, обращаясь к анализу условного вида освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 90 УК РФ, пишет: «...само существование возможности возобновления уголовной ответственности несовершеннолетнего в случае систематического неисполнения им принудительной воспитательной меры нарушает общий смысл и юридическую природу оснований освобождения, так как допускает возможность возврата к уголовной ответственности при реализованном уголовном правоотношении...» [3, с. 42].

Тем не менее Верховный Суд РФ как субъект законодательной инициативы активно выступает за расширение круга иных мер уголовно-правового характера, которые могли бы назначаться при освобождении лица от уголовной ответственности, поддерживая тем самым позицию законодателя, считающего условное освобождение от уголовной ответственности возможным, обоснованным и целесообразным. Так, во внесенном Верховным Судом РФ в октябре 2020 г. в Государственную Думу проекте федерального закона, предполагающем введение категории уголовного проступка, предлагалось в качестве мер уголовно-правового характера, альтернативных судебному штрафу, предусмотреть общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. При этом, судя по содержанию этих мер, они представляли собой аналоги уголовных наказаний в виде обязательных

и исправительных работ¹. Отметим, что это уже второй законопроект, которым Верховный Суд РФ инициирует внедрение в уголовный закон новых иных мер уголовно-правового характера, предназначенных заменять собой уголовную ответственность, т. е. применяться при освобождении от нее. Первый законопроект такого рода был внесен в 2015 г. В нем было предложено закрепить возможность использования при освобождении от уголовной ответственности иных мер уголовно-правового характера, тождественных наказаниям в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ². Одобрение предлагаемых изменений, безусловно, приведет к нивелированию разницы в содержании наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

В уголовно-правовой литературе довольно широкое распространение получила позиция, согласно которой условный характер освобождению от уголовной ответственности придает возложение на лицо после освобождения не только правоограничений, имеющих статус иных мер уголовно-правового характера, но и любых других предусмотренных уголовным законом обязанностей, требований к поведению освобожденного лица в период испытания, с невыполнением которых связывается обратимость (возможность отмены) решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Действующий УК РФ таких видов

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 06.02.2023).

² О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8447/> (дата обращения: 15.03.2023).

освобождения не содержит. Однако некоторые исследователи (Х. Д. Аликперов [9, с. 18], Л. В. Головкин [2, с. 39], О. Н. Кузьмина [10, с. 10–11] и др.) считают необходимым внедрить элементы условности в уже имеющиеся нормы об освобождении от уголовной ответственности, установив, например, для освобожденного лица обязанность не совершать новых преступлений в срок испытания.

Ряд авторов, в частности А. М. Балафендиев [5, с. 12], О. Н. Кузьмина [10, с. 22], В. В. Сверчков [4, с. 35], находят возможным и обоснованным ввести новый вид условного освобождения от уголовной ответственности — с передачей лица на поруки, по-разному, однако, решая вопрос о поручителе. В качестве последнего в содержащихся в научных исследованиях рекомендациях, адресуемых законодателю, фигурируют трудовой коллектив, религиозная или иная общественная организация, конкретное физическое лицо, заслуживающее доверия. Для такого вида освобождения, как правило, формулируются еще более строгие требования к поведению освобожденного лица в период испытательного срока: лицо не должно совершать не только преступлений, но и иных правонарушений [10, с. 22].

Следует признать, что высказанные в науке уголовного права идеи об усилении начал условности в рамках института освобождения от уголовной ответственности представляются достаточно обоснованными, но требуют дальнейшей разработки.

Интерес представляет вопрос о возможности расширения понятия условного освобождения от уголовной ответственности за счет признания условными видами освобождения некоторых юридических явлений, формально вообще имеющих иную правовую природу и не относимых законодателем к рассматриваемому правовому институту. Этот вопрос обсуждается, в частности, А. Г. Кибальником [11, с. 35], П. В. Коробовым [12, с. 50–51], А. А. Князьковым [13, с. 56–57]. Прежде всего здесь имеются в виду такие юридические феномены, как различного рода иммунитеты, препятствующие осуществлению уголовного преследования лица, совершившего преступление. Частично о влиянии иммунитетов на уголовную ответственность говорится в ч. 4 ст. 11 УК РФ, из которой следует, что вопрос об ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных лиц, обладающих иммунитетом и совершивших преступление на территории Российской Федерации, решается в соответствии с нормами международного права. Пункт 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ закрепляет в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уго-

ловного дела отсутствие необходимых правовых актов, свидетельствующих о преодолении иммунитетов, предусмотренных внутригосударственным законодательством (например, отсутствие согласия Государственной Думы на привлечение в качестве обвиняемого депутата Государственной Думы).

В связи с этим А. Г. Кибальник предлагает включить в действующий УК РФ статью, закрепляющую специальное нереабилитирующее основание освобождения от уголовной ответственности в связи с наличием иммунитета [11, с. 35]. При таких обстоятельствах освобождение от уголовной ответственности лица, обладающего иммунитетом, действительно приобретает некоторое сходство с условным освобождением, поскольку в пределах давностного срока оно может быть отменено в связи с утратой лицом специального статуса, предопределяющего наличие иммунитета. Однако возможность возобновления уголовного преследования после освобождения от уголовной ответственности по такому основанию выступала бы единственным признаком, сближающим данный вид освобождения (если бы законодатель его предусмотрел) с бесспорно условными видами освобождения от уголовной ответственности, т. к. обратимость решения об освобождении никак не связана с поведением лица в течение срока испытания: этот срок лицу не устанавливается, какими-либо рамками поведение лица после его освобождения не ограничивается.

В настоящее же время наличие иммунитета от уголовной ответственности по своей правовой природе вообще не является основанием освобождения от уголовной ответственности, хотя некоторые исследователи (например, П. В. Коробов [12, с. 50]) все-таки относят его к условным видам освобождения, не сопряженным с возложением на лицо, совершившее преступление, каких-либо обязанностей. М. В. Рязанов, на наш взгляд, справедливо отмечает, что в этом случае правильнее говорить не об освобождении от уголовной ответственности, а о невосприимчивости лица к уголовной ответственности, поскольку при наличии иммунитета лицо не подлежит уголовной ответственности, а не освобождается от нее [14, с. 198]. Кроме того, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ основание прекращения уголовного преследования в отношении лица, обладающего иммунитетом в связи с его специальным статусом, при отсутствии юридических актов, свидетельствующих о преодолении иммунитета, признается реабилитирующим.

Таким образом, в уголовно-правовой науке высказываются различные мнения относительно условных видов освобождения от уголовной ответственности. При этом основная идея, которая подчеркивается многими учеными, заключается в том, что ключевая роль таких видов освобождения состоит в превенции, т. е. в предупреждении совершения освобожденным лицом новых преступлений за счет сохранения у государства возможности воздействия на лицо в период испытания.

С учетом изложенного полагаем, что под условным освобождением от уголовной ответ-

ственности следует понимать отказ государства от ее реализации (осуждения, наказания и судимости) в отношении совершившего преступление лица, при котором вместо уголовной ответственности к лицу применяются иные меры уголовно-правового характера либо на него возлагаются другие предусмотренные уголовным законом обязанности, а их неисполнение лицом в период испытания является основанием для отмены решения об освобождении от уголовной ответственности и возобновления уголовного преследования.

Список источников

1. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 251 с.
2. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 54 с.
3. Сухарева Н. Д. Классификация видов освобождения от уголовной ответственности // Российский судья. 2005. № 5. С. 41–43.
4. Сверчков В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 60 с.
5. Балафендиев А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 27 с.
6. Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие для вузов / И. А. Подройкина [и др.]; под ред. И. А. Подройкиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 266 с.
7. Медведев Е. В. Уголовное право России. Общая часть: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 178 с.
8. Кибальник А. Г., Попов А. П. О смысле освобождения от уголовной ответственности // Общество и право. 2012. № 5. С. 120–123.
9. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности: учебно-методическое пособие. М.: Воронеж, 2001. 128 с.
10. Кузьмина О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 24 с.
11. Кибальник А. Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2000. № 8. С. 33–35.
12. Коробов П. В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 49–56.
13. Князьков А. А. Проблемы разграничения и нормативной модернизации условных и безусловных видов освобождения от уголовной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 8. С. 55–59.
14. Рязанов М. В. Соотношение иммунитетов в уголовном праве и института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2007. № 6. С. 197–200.

References

1. Sverchkov V. V. Uголовное право. Obshchaya chast': uchebnoe posobie dlya vuzov. 10-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2023. 251 s.
2. Golovko L. V. Al'ternativy ugovolnomu presledovaniyu kak forma processual'noj differenciacii (sovremennye tendencii razvitiya): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003. 54 s.

3. Suhareva N. D. Klassifikaciya vidov osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Rossijskij sud'ya. 2005. № 5. S. 41–43.
4. Sverchkov V. V. Konceptual'nye osnovy resheniya problem osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2008. 60 s.
5. Balafendiev A. M. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti v svyazi s pozitivnym postkriminal'nym povedeniem: social'no-pravovye predposylki, sushchnost' i sistematizaciya vidov: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2016. 27 s.
6. Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie: uchebnoe posobie dlya vuzov / I. A. Podrojkina [i dr.]; pod red. I. A. Podrojkinoy. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2023. 266 s.
7. Medvedev E. V. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Yurajt, 2023. 178 s.
8. Kibal'nik A. G., Popov A. P. O smysle osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Obshchestvo i pravo. 2012. № 5. S. 120–123.
9. Alikperov H. D. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti: uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Voronezh, 2001. 128 s.
10. Kuz'mina O. N. Institut osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: genezis formirovaniya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy optimizacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2020. 24 s.
11. Kibal'nik A. Immunitet kak osnovanie osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Rossijskaya yusticiya. 2000. № 8. S. 33–35.
12. Korobov P. V. Uslovnye i bezuslovnye vidy osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 9. S. 49–56.
13. Knyaz'kov A. A. Problemy razgranicheniya i normativnoj modernizacii uslovyh i bezuslovyh vidov osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2013. № 8. S. 55–59.
14. Ryazanov M. V. Sootnoshenie immunitetov v ugovnom prave i instituta osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2007. № 6. S. 197–200.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 07.08.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 03.07.2023; approved after reviewing 07.08.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 117–122.
Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 117–122.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.98:343.157.1

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ (ДОЗНАВАТЕЛЯ),
НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
ПОТЕРПЕВШИМИ И СВИДЕТЕЛЯМИ В ХОДЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Юлия Вениаминовна Лебедева

Сибирский институт управления филиал РАНХиГС (г. Новосибирск), Новосибирск, Россия,
lebedeva28031973@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены проблемы установления психологического контакта следователя с несовершеннолетними подросткового возраста, приобретающие особую актуальность для предварительного расследования, а также приемы и методы, используемые при его установлении. В статье актуализируется проблема участия психолога при проведении вербальных следственных действий с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими. Также говорится о назревшей необходимости получения следователем (дознавателем) дополнительных психологических знаний, позволяющих эффективно взаимодействовать с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями подросткового возраста. При этом говоря об участии и роли психолога в ходе предварительного расследования, автор отмечает острую необходимость в разработке отдельной уголовно-процессуальной нормы, закрепляющей «статус» психолога как иного участника следственных действий.

Ключевые слова: несовершеннолетний свидетель, несовершеннолетний потерпевший, возрастные особенности, вербальные следственные действия, психолог, предварительное следствие, установление психологического контакта

Для цитирования: Лебедева Ю. В. Актуализация компетенций следователя (дознавателя), необходимых для взаимодействия с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями в ходе предварительного расследования // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 117–122.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**UPDATING THE COMPETENCIES OF THE INVESTIGATOR (INTERROGATOR)
NECESSARY FOR INTERACTION WITH MINOR VICTIMS AND WITNESSES
AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION**

Julia V. Lebedeva

Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, lebedeva28031973@rambler.ru

Abstract. The article presents the problems of establishing psychological contact between the investigator and adolescent minors, which are of particular relevance for the preliminary investigation. This work is devoted to the study of the specifics of establishing psychological contact, as well as the techniques and methods used to establish it. The article actualizes the problem of the participation of a psychologist in conducting verbal investigative actions with minor witnesses and victims. The article also refers to the urgent need for the investigator (interrogator) to obtain additional psychological knowledge that allows them to effectively interact with juvenile victims and witnesses of adolescence. The author's view in the article on the participation and role of a psychologist in the preliminary investigation is presented in the actualization of the urgent need to develop a separate criminal procedure norm, in which the "status" of the psychologist as another participant in investigative actions would be fixed, which in turn would emphasize its importance for the investigation.

Keywords: minor witness, minor victim, age characteristics, verbal investigative actions, psychologist, preliminary investigation, establishment of psychological contact

For citation: Lebedeva Ju. V. Updating the competencies of the investigator (interrogator) necessary for interaction with minor victims and witnesses at the stage of preliminary investigation. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;4:117–122 (In Russ.).

© Лебедева Ю. В., 2023

В уголовном судопроизводстве особое внимание уделяется использованию психологических знаний при проведении вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних. Данная категория участников представлена не только поведенческими особенностями, но и особенностями сформированности психических процессов в силу возраста, что, безусловно, качественно отражается на самом процессе предварительного расследования и на его результате.

Поскольку весь период жизни от рождения до 18 лет делится на возрастные этапы, отличающиеся между собой новообразованиями, необходимо предъявлять определенные требования к компетентности следователей (дознателей), способных отличить один возраст от другого.

Участие в ходе предварительного расследования психолога является законодательно закрепленным, но на практике данное участие зачастую сводится к формальному присутствию, необходимому для соблюдения прав несовершеннолетнего. А ведь именно психолог в процессе наблюдения и беседы с несовершеннолетним может определить его возраст, в то время как для следователя (дознателя) это остается практически невозможным до момента получения информации от законного представителя о возрасте несовершеннолетнего. Из этого следует, что пристальное внимание к особенностям психики несовершеннолетнего не должно быть прерогативой исключительно педагогов и психологов образовательных учреждений, и именно сегодня назрела необходимость подготовки должностных лиц органов предварительного расследования, в деятельность которых (в силу обстоятельств) включено взаимодействие с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями и повышение уровня квалификации с учетом последних исследований в области возрастной психологии, поскольку от их знаний и навыков установления и поддержания психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем зависит весь ход расследования преступления.

Нередко при проведении вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего не уделяется должного внимания установлению психологического контакта как стадии проведения следственного действия, от которой зависит его результат.

Понятие «психологический контакт» уже более 70 лет используется в сфере управления людьми. А поскольку основной целью предварительного следствия является установление факта пре-

ступления, а также сбор достоверной информации для расследования преступления, то мы не будем недооценивать значения установления психологического контакта с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелями.

Поскольку возраст 11–14,5 лет является пубертатным периодом и психологами оценивается как нестабильный в эмоциональных проявлениях период, представляющий многочисленные физиологические изменения организма подростка, следовательно также необходимо знать о ряде не менее серьезных возрастных новообразованиях, отличающих подростковый возраст от других периодов его развития: формирование личностных и ценностных ориентиров, установок личности; начало формирования чувства долга и справедливости; проявление способности к принятию решения; высокая восприимчивость к критике и замечаниям; значимость группы сверстников для реализации своих потребностей и т. д.

Следовательно необходимо помнить, что подростки в возрасте 11–14,5 лет воспринимают события серьезно и чувствуют ложь особо тонко, поэтому, исходя из особенностей возраста подростка, следовательно стоит основательно подготавливаться к проведению вербальных следственных действий с несовершеннолетними.

С опорой на перечисленные возрастные особенности пубертатного периода в научной литературе подчеркивается острая необходимость установления психологического контакта с несовершеннолетним как основное условие достижения целей предварительного следствия.

По мнению М. Ю. Флоровского, А. А. Синюгина, «психологический контакт является обязательным атрибутом успешного межличностного общения взаимодействующих сторон и представляет собой результат прочно установившегося состояния взаимопонимания, доверия и деловой активности» [1].

Ю. В. Чуфаровский утверждает, что «психологический контакт — это процесс установления и поддержания взаимного тяготения общающихся лиц. Если люди проникаются интересом или доверием друг к другу, можно говорить, что между ними установился психологический контакт» [2].

В. К. Бабаева считает, что «психологический контакт — это отношения, которые характеризуются желанием и готовностью собеседников участвовать в общении друг с другом. Установить психологический контакт — значит вызвать у собеседника симпатию по отношению к себе или по меньшей мере не вызвать у него антипатию. Пси-

хологический контакт — это предпосылка для развития дальнейших отношений» [3].

По мнению А. В. Дулова, «психологический контакт — это целенаправленная, планируемая деятельность по созданию условий, обеспечивающих развитие общения в нужном направлении и достижение его целей» [4, с. 107].

Из всего изложенного выше следует, что показателями установленного психологического контакта и его эффективности является возникновение симпатии и интереса, а также взаимопонимания при дальнейшем взаимодействии следователя (дознателя) и несовершеннолетнего в процессе предварительного следствия.

Следователю (дознателю) крайне важно обладать определенными психологическими знаниями и умениями в области возрастной психологии, но не менее важно иметь положительный опыт взаимодействия с несовершеннолетними данной возрастной категории (11–14,5 лет), поскольку существующие отличия возраста «взрослый» и «несовершеннолетний» по-разному представлены в выборе тактических приемов воздействия на психику несовершеннолетнего с целью получения точных и правдивых показаний в процессе предварительного следствия.

Основными опорными компонентами психологического контакта, позволяющими установить отношения между людьми, являются: на первом этапе — внешний вид, поведение следователя (дознателя), поскольку на данном этапе доминирует такой психический процесс, как восприятие, и следователь представляет собой для несовершеннолетнего «целостный образ»; на втором этапе обнаруживаются точки соприкосновения — интересы, которые могут совпасть между людьми, тем самым привлекая внимание друг друга; на третьем этапе взаимодействие транслируется единомыслием, совместными планами и действиями.

Изучая специфику проведения следственных действий с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими, мы понимаем, что особой необходимостью является защита прав и законных интересов несовершеннолетних, но при этом, как показывает практика, сам процесс проведения следственных действий не является безопасным для психики несовершеннолетнего, и самой большой ошибкой следователя (дознателя) является игнорирование и неиспользование знаний и опыта детских психологов в следственных действиях.

Согласно п. 1 ст. 58 УПК РФ участник процессуальных действий «специалист» должен обладать специальными знаниями и содействовать

обнаружению, закреплению и изъятию предметов и документов, применению технических средств в исследовании материалов уголовного дела [5, 6] для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. По информации, заложенной в п. 1 ст. 58 УПК РФ, трудно понять, о каком участнике процессуальных действий идет речь и что указывает в данном пункте на такого участника, как психолог.

Сложность состоит в том, что до сих пор непонятно, кто подпадает под категорию «специалист» и какими компетенциями специалиста необходимо руководствоваться следователю (дознателю) при выборе участника следственного действия с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего.

Несомненно, сегодня имеется понимание того, что понятие «несовершеннолетний» слишком расширенное [7, 8] и представляет собой возраст от рождения до 18 лет, поэтому возрастные особенности, представленные в ст. 191 УПК РФ, ориентированные на развитие внимания, ограничивают временные возможности допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний с участием несовершеннолетнего следующим образом: 7–14 лет — не могут продолжаться без перерыва более одного часа, а в общей сложности более двух часов.

При этом законодательно не закреплено ни в одной статье понимание того, что из себя представляет психолог на предварительном следствии, а именно не определена его роль как участника предварительного следствия, не выделены его права и обязанности, функции, уровень его профессиональной компетенции и т. д. При этом в законе имеются статьи, представляющие специфику таких участников предварительного следствия, как эксперт (ст. 57 УПК РФ) и переводчик (ст. 59 УПК РФ). Как нам представляется, именно по причине отсутствия законодательной нормы, где был бы определен статус психолога, у следователей (дознателей) нет четкого представления, кого вызывать для проведения следственных действий в качестве участника. Необходимость разработки такой статьи остро назрела и позволила бы более точно определить квалификацию данного участника предварительного следствия, а также его участие в суде. Понимания, что подразумевается под понятием «специальные знания» специалиста-психолога как участника следственных действий с участием несовершеннолетних, в п. 1 ст. 58 УПК РФ нет.

Безусловным для психолога являются знания в области возрастной психологии, поскольку

пубертатный период является особым периодом в формировании личности ребенка, и знание возрастных особенностей позволит эффективнее провести следственные действия и в первую очередь установить контакт с несовершеннолетним. Знания об уровне развитости тех или иных психических процессов (восприятие, внимание, память, воображение, мышление и т. д.) позволят следователю (дознавателю) во время вербальных следственных действий убедиться, что несовершеннолетний потерпевший или свидетель не лжет, а заблуждается в даче показаний, и в случае обнаруженных проблем с воспроизведением образов вовремя простимулировать с помощью предметов и объектов ассоциативные связи, что позволит обнаружить истину. Но эти знания приобретаются следователем (дознавателем) исключительно путем посещения многочасовых занятий (лекции, семинары, тренинги, деловые игры и т. д.) во время учебы в высшем образовательном учреждении, но, как выясняется, на юридических факультетах нет часов (зачетных единиц) в учебном плане на такие дисциплины, как: возрастная психология, дошкольная психология, подростковая психология и т. д. Но эти дисциплины в полной мере преподаются на факультете психологии, и именно поэтому возникает необходимость привлечения специалистов в области психологии. Наличие оценки в дипломе по прохождению данных дисциплин не единственный критерий, определяющий выбор психолога следователем (дознавателем) для участия в вербальных следственных действиях.

Поскольку знаниями не полностью определяется компетентность следователя (дознавателя) в установлении психологического контакта с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями подросткового возраста, не менее важной составляющей компетентности специалиста являются сформированные навыки взаимодействия с подростками 11–14,5-летнего возраста, основанные на знаниях о новообразованиях, отличающих их от другого возрастного периода. Такими основными навыками, которые могут применяться следователем, в отношении всех представителей данного возраста являются:

1. *Эффективное слушание.* Хотя сводить данную технологию до простого навыка нельзя, чаще всего в полном объеме она не применяется в силу возраста. Любое яркое событие, воспринимаемое подростком, может оказаться значимым для него, поэтому то, что он говорит, должно найти в душе следователя отклик и поддержку. Все переживания, отраженные в чувствах и эмоциях несовер-

шеннолетнего, говорят о сильном влиянии на него происходящих событий, его переживаниях и волнениях, а то, что он чувствует и переживает, отражено в его речи. В момент слушания необходимо демонстрировать заинтересованность в услышанном путем невербальных составляющих коммуникации (поддаться вперед, открытая поза, раскрытые «внимательные» глаза и т. п.). Основная задача следователя как хорошего слушателя — поиск ценного в сообщении.

2. *Проявление терпения.* Речь подростков нередко насыщена эмоциями и порой несвязанными между собой словами. В их речевом опыте еще недостаточно логики изложения событий, участниками которых они стали. И поэтому одним из навыков для следователя при взаимодействии с несовершеннолетними является терпение, именно этот навык позволит в отведенное для следственного действия время после перерыва вновь продолжить беседу с несовершеннолетним, в которой следователь обнаружит истину, необходимую для расследования.

3. *Изложение просьб и пояснение о необходимости участия несовершеннолетнего в следственном действии.* Поскольку одной из важных потребностей данного возраста является потребность в безопасности, изложение мыслей следователем ясно, понятно и последовательно позволит несовершеннолетнему не переживать внутренний дискомфорт от пребывания в кабинете следователя и непонимание, что с ним там будет происходить. Врачам известен эффект заведомого страха при неизвестности проводимых с пациентом манипуляций, и именно поэтому врачу рекомендуется все свои действия подробно объяснять пациенту перед процедурой и инструктировать его.

4. *Демонстрация взрослой позиции.* Данный навык позволяет следователю продемонстрировать собственный авторитет, не принижая авторитет несовершеннолетнего в первую очередь в его глазах. В подростковом возрасте в сознании ребенка уже формируются авторитеты, которым он хотел бы подражать. Это могут быть близкие родственники, учителя, тренер, литературный герой и т. д. В них он ценит твердость позиции, решимость, свободу и умение выражать собственное мнение, и именно это позволит выстроить коммуникацию на протяжении всего периода общения с несовершеннолетним.

Данные навыки, которые рекомендованы к применению в бесконфликтной ситуации на следствии, уже демонстрируют сложность в общении взрослого и подростка, а многочисленные

навыки, которыми должен обладать следователь (дознаватель) в конфликтной ситуации, когда несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый осознанно мешает следствию, представляют собой еще более сложный механизм, позволяющий следователю взаимодействовать с несовершеннолетним. Можно сказать, что участие на этапе предварительного следствия такого специалиста, как психолог, позволит быстро сориентироваться в ситуации с несовершеннолетним и не только подготовить следователя (дознавателя) к проводимым следственным действиям, а на самом следственном действии с помощью задаваемых вопросов направить следствие в нужное направление.

Умение психолога обнаружить (по определенным признакам) изменение физического и психического самочувствия несовершеннолетнего, участвующего в следственном действии, и предпринять все необходимые меры для устранения проблемы также является умением и для следователя. Не менее важным показателем, определяющим допуск работать с данной возрастной категорией, является достаточный уровень эмоциональной отзывчивости как следователя, так и психолога, что определяет его включение в проблемы несовершеннолетних и проникновенность в ситуацию, внутри которой несовершеннолетние потерпевший и свидетель находились в период, указанный в уголовном деле.

Немаловажным для следователя (дознавателя) является применение психологических приемов и методов, используемых при установлении психологического контакта:

1. *Дружелюбное начало беседы* выстраивается за счет улыбки инициатора контакта, обращения к собеседнику по имени, использования комплиментов (похвалы в отношении несовершеннолетнего) или уместной шутки, вербального и невербального выражения симпатии, при этом выражение дружелюбия должно быть естественным.

2. *«Вы-техника»*. Начинать взаимодействие необходимо с того, что интересно собеседнику, подчеркивая тем самым ваш интерес к его жизни и личности, что, в свою очередь, раскрепостит собеседника и поможет ему выйти из зоны комфорта. Интересная тема для несовершеннолетнего выбирается для его разговора, но при этом следователь должен контролировать разговор, ибо он может привести к ссоре или спору, что, в свою очередь, прервет уже установленный ранее контакт. Для использования данной техники необходимо заранее собрать информацию о несовершеннолетнем, а помочь следователю (дозна-

телю) в выстраивании диалога поможет психолог образовательного учреждения, в котором учится допрашиваемый. Или вариант получения информации возможен только после предварительной беседы перед следственным действием психолога и несовершеннолетнего. Но, к сожалению, данный вид предварительной беседы с несовершеннолетним не осуществляется в следственной практике и не закреплен законом.

3. *Три «Да»*. Прежде чем подойти к сути расследуемого преступления, необходимо задавать вопросы, не имеющие отношения к следствию по уголовному делу, и получить три утвердительных ответа — «да», что, в свою очередь, позволит следователю убедиться в активности на следствии несовершеннолетнего и его однозначной позиции, а убедившись в этом, далее можно задавать вопросы, которые непосредственно позволят установить истину по расследуемому преступлению.

4. *«Зеркальное отражение»*. Следователем и психологом на этапе подготовки к следственному действию формулируются вопросы, которые питают самоуважение и самолюбие человека, вызывая тем самым желание у несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля отвечать на все последующие вопросы. Ожидая подобных вопросов, у 11–14,5-летнего несовершеннолетнего снижается уровень напряженности от участия в следственном действии, что позволяет несовершеннолетнему активно отвечать на все последующие вопросы следователя (дознавателя). Но при этом в п. 3 ст. 58 УПК РФ прописаны ограничения для специалиста, который имеет возможность задавать вопросы участникам следственного действия исключительно «с разрешения дознавателя, следователя и суда», что является своего рода дискредитацией роли специалиста-психолога как равноправного участника предварительного следствия.

Исходя из вышеперечисленного, по нашему мнению, на сегодняшний день назрела необходимость говорить о разработке отдельной уголовно-процессуальной нормы (например, ст. 58.1 УПК РФ), в которой бы произошло закрепление статуса психолога как иного участника следственных действий с выделением его функций, требуемого для участия в следственных действиях образования (высшее профильное), специализации, стажа работы с данной возрастной группой, прав и обязанностей для более точного определения границ его участия в следственных действиях, с участием несовершеннолетних, что, в свою очередь, подчеркнуло бы его значимость для следствия.

Список источников

1. Флоровский М. Ю., Синюгин А. А. Тактика допроса: особенности установления психологического контакта. URL: <http://www.znat.ru/data/news/127-taktika-doprosa-sobennosti-uhtml>.
2. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной деятельности. 2001. URL: <http://ci-razvedka.ru/htm>.
3. Бабаева В. К. Налоговая полиция. 2000. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/babaev_nalogovaja.
4. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975.
5. Лебедев Н. Ю., Снигирёв А. Л. Защитник против достижения назначения уголовного судопроизводства или реальные цели его участия при производстве по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 1 (22). С. 19–23.
6. Лебедев Н. Ю., Снигирёв А. Л. К дискуссии о понятии и значении реабилитации в уголовном судопроизводстве // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 2 (12). С. 22–27.
7. Хомяков И. Д., Лебедев Н. Ю. Обоснование необходимости разработки комплексной системы мер по разрешению конфликтов в уголовном судопроизводстве // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 3 (13). С. 33–38.
8. Лебедев Н. Ю. Методы диагностики конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2019. № 1 (1). С. 64–69.

References

1. Florovskij M. Yu., Sinyugin A. A. Taktika doprosa: osobennosti ustanovleniya psihologicheskogo kontakta. URL: <http://www.znat.ru/data/news/127-taktika-doprosa-sobennosti-uhtml>.
2. Chufarovskij Yu. V. Psihologiya operativno-rozysknoj deyatel'nosti. 2001. URL: <http://ci-razvedka.ru/htm>.
3. Babaeva V. K. Nalogovaya policiya. 2000. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/babaev_nalogovaja.
4. Dulov A. V. Sudebnaya psihologiya. Minsk, 1975.
5. Lebedev N. Yu., Snigiryov A. L. Zashchitnik protiv dostizheniya naznacheniya ugovolnogo sudoproizvodstva ili real'nye celi ego uchastiya pri proizvodstve po ugovolnomu delu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023. № 1 (22). S. 19–23.
6. Lebedev N. Yu., Snigiryov A. L. K diskussii o ponyatii i znachenii reabilitacii v ugovolnom sudoproizvodstve // Voенno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2022. № 2 (12). S. 22–27.
7. Nomyakov I. D., Lebedev N. Yu. Obosnovanie neobhodimosti razrabotki kompleksnoj sistemy mer po razresheniyu konfliktov v ugovolnom sudoproizvodstve // Voенno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2022. № 3 (13). S. 33–38.
8. Lebedev N. Yu. Metody diagnostiki konfliktov, vznikayushchih v hode predvaritel'nogo rassledovaniya // Voенno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2019. № 1 (1). S. 64–69.

Информация об авторе

Ю. В. Лебедева — кандидат психологических наук.

Information about the author

Ju. V. Lebedeva — Candidate of Science (Psychology).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 123–129.
Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 123–129.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Евгений Викторович Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, elev_01@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Автор приходит к выводу, что состав насильственных действий сексуального характера по своему содержанию значительно шире состава изнасилования и полностью его охватывает. Кроме того, существующая практика квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении одного и того же лица без разрыва или с незначительным разрывом во времени, по совокупности преступлений противоречит принципу справедливости, закрепленному в статье 6 УК РФ.

Автор подвергает критике приложение к ст. 131 УК РФ, предписывающее относить к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, совершение развратных действий в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста. Еще одним проблемным вопросом называется возможность произвольной трактовки понятия «иные действия сексуального характера». В заключение автор вносит предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия, квалификация, половые преступления

Для цитирования: Лоос Е. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 123–129.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF A PERSON

Evgeny V. Loos

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, elev_01@mail.ru

Abstract. The article deals with certain problems of qualification of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of a person. The author comes to the conclusion that the content of violent acts of a sexual nature is much broader than that of rape, and completely covers it. The allocation of rape as an independent crime does not make sense and practical value. In addition, the existing practice of qualifying rape and violent acts of a sexual nature committed against the same person without a break or with a slight gap in time in terms of the totality of crimes is contrary to the principle of justice enshrined in Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author criticizes the appendix to Art. 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, which prescribes to refer to the crimes provided for in paragraph “b” of Part 4 of Art. 131 and paragraph “b” part 4 of Art. 132 of the Criminal Code of the Russian Federation committing indecent acts against persons under the age of 12. Another problematic issue is the possibility of arbitrary interpretation of the concept of “other acts of a sexual nature.” In conclusion, the author makes proposals for improving the current legislation.

Keywords: rape, sexual assault, indecent acts, qualification, sexual crimes

For citation: Loos E. V. Some issues of qualification of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of a person. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;4:123–129 (In Russ.).

В современном обществе большое значение имеют вопросы, связанные с обеспечением прав личности. Об этом свидетельствует, в частности, повышенное внимание законодателя к правовому регулированию их защиты. За последние десятилетия общественное сознание претерпело значительные изменения, став более активным по отношению к защите прав и свобод каждого индивидуума. Основные права личности, такие как право на жизнь, свободу мысли и вероисповедания, равенство перед законом, личную неприкосновенность и независимость, являются основой демократического и гуманистического общества.

Текст Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) начинается с постулата о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) открывается разделом «Преступления против личности». Таким образом, права личности поднимаются законодателем на высший уровень в иерархии ценностей, охраняемых уголовным законом.

Одним из важнейших прав личности является ее право на половую свободу и половую неприкосновенность. Оно означает, что каждый человек имеет право на свободу выбора и выражения своей сексуальности, а также право на защиту от всех форм сексуального насилия, домогательств и принуждения.

Половая свобода подразумевает, что каждый человек имеет право на то, чтобы принимать решения по поводу своей сексуальной жизни самостоятельно, без вмешательства со стороны других людей или государства. Она включает в себя право на свободу выбора полового партнера, отказ от половых отношений и контрацепции, а также право на свободное выражение сексуальности и гендерной идентичности.

Половая неприкосновенность означает, что каждый человек имеет право на защиту своего тела и своей интимной жизни от насилия, домогательств и принуждения. Она включает в себя право на согласие при сексуальных контактах, а также право на неприкосновенность своего тела и своего пространства от любых форм нарушения этой неприкосновенности.

Право на половую свободу и половую неприкосновенность является основополагающим и необходимым для обеспечения гармоничной и здоровой сексуальной жизни каждого человека. Все формы насилия, домогательств и принуж-

дения нарушают это право и должны быть пресечены.

Глава 18 УК РФ, посвященная преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности, включает в себя всего лишь пять статей, однако эти нормы являются довольно востребованными. Более того, на протяжении последних нескольких лет статистика фиксировала непрерывный рост количества преступлений рассматриваемой группы. Так, в 2018 г. было зарегистрировано 17 248 «половых» преступлений, в 2019 г. — 17 617, в 2020 г. — 18 715, в 2021 г. — 19 677. В 2022 г. их число несколько снизилось и составило 19 256 преступлений [1].

В структуре «половой» преступности наибольшее количество преступлений приходится на ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», наименьшее — на ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера». Например, в 2022 г. в России было зарегистрировано 3311 изнасилований, 7979 случаев насильственных действий сексуального характера, 4836 преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ, 2958 случаев совершения развратных действий и всего 200 преступлений, предусмотренных статьей 133 УК РФ [1].

Действующие уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, содержат ряд проблемных вопросов, нуждающихся в разрешении. Остановимся далее на некоторых из них подробнее.

Одним из наиболее опасных преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности, является изнасилование. Изнасилование не только нарушает основные конституционные права жертвы, но и имеет мощные психологические и эмоциональные последствия для нее. Последствия изнасилования могут сопровождать жертву на протяжении всей ее жизни.

В числе проблем квалификации изнасилования находятся вопросы его отграничения от смежных составов преступлений, в первую очередь от насильственных действий сексуального характера.

Уголовная ответственность по ст. 132 УК РФ наступает за совершение мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей). Удовлетворение половой страсти по обоюдному согласию между партнерами в любой форме не влечет ответ-

ственности по действующему законодательству, какой бы извращенной или аморальной эта форма ни была. Наказание предусмотрено лишь за такой способ удовлетворения половых потребностей, который предполагает насилие над потерпевшим либо использование его беспомощного состояния. Таким образом, по большинству признаков объективной стороны составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера совпадают. Отличие заключается в различной форме удовлетворения полового чувства.

По статье 132 УК РФ могут быть привлечены к уголовной ответственности как мужчина, так и женщина. Это следует из диспозиции данной статьи. Потерпевшими от рассматриваемого вида преступления также могут являться представители обоих полов. По этой причине особого внимания требует вопрос квалификации содеянного в случае, когда субъектом выступает мужчина, а потерпевшей — женщина.

В данной ситуации, как уже отмечено, совпадают существенные признаки объективной стороны, субъект преступления и потерпевший. Помимо этого, сложно найти отличия в объекте преступления. Не отличается и субъективная сторона рассматриваемых преступлений. Насильственный половой акт всегда совершается с прямым умыслом, по мотиву удовлетворения половых потребностей.

Итак, между изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера есть только одно различие — вид удовлетворения половой страсти. В случае изнасилования это будет естественная форма сношения, во втором случае — форма «извращенная», отклоняющаяся от общепринятой нормы.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что если умыслом лица охватывается совершение им (в любой последовательности) изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей, содеянное следует оценивать как совокупность преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ. При этом для квалификации содеянного не имеет значения, был ли разрыв во времени в ходе совершения в отношении потерпевшей изнасилования и насильственных действий сексуального характера¹. Полагаем, что данное положение про-

тиворечит принципу справедливости уголовного закона, закрепленному в ст. 6 УК РФ.

Ответственность за насильственные действия сексуального характера введена лишь с принятием действующего УК РФ. В предшествовавшем ему УК РСФСР 1960 г. ответственность предусматривалась лишь за насильственное мужеложство. В литературе отмечается, что устранение различий в степени защищенности половой свободы и половой неприкосновенности мужчин и женщин должно расцениваться как изменение, соответствующее международным стандартам [2, с. 112]. В результате внесенных изменений был ликвидирован существенный пробел в праве, обеспечена более последовательная и надежная защита половой свободы человека.

Действительно, тенденция устранения гендерного неравенства, в т. ч. в области уголовно-правовой охраны половой свободы личности, наблюдается на протяжении нескольких десятилетий во многих странах мира. Связано это в первую очередь с тем, что законодатель стремится исключить неравенство полов во всех сферах жизни общества [3, с. 280]. К примеру, по уголовному законодательству Франции потерпевшими от изнасилования могут быть признаны как женщина, так и мужчина², а Уголовный кодекс ФРГ допускает возможность совершения изнасилования женщиной мужчины³.

Полагаем, что изнасилование следует рассматривать как разновидность насильственных действий сексуального характера. Состав насильственных действий сексуального характера по своему содержанию значительно шире состава изнасилования. Большинство объективных и субъективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, идентичны, совпадают и их квалифицированные составы. Совпадают рассматриваемые составы и по степени общественной опасности, о чем свидетельствуют санкции статей.

Вместе с тем в соответствии с пунктами 8 и 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 два различных деяния, предусмотренные ст. 132 УК РФ, совершаемые с небольшим разрывом во времени, образуют единичное продолжаемое преступление. В то же время изнасилование и любое из деяний, предусмотренных ст. 132 УК РФ, совершенные с небольшим

¹ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Франции. URL: <http://www.constitutions.ru> (дата обращения: 22.08.2023).

³ Уголовный кодекс ФРГ. URL: <http://www.constitutions.ru> (дата обращения: 22.08.2023).

разрывом во времени, образуют совокупность преступлений (ст. 131 со ст. 132 УК РФ).

Предположим, что лицо, используя силу и угрозы, принуждает жертву удовлетворить свою сексуальную страсть в оральной, а затем в анальной форме с небольшим разрывом во времени. Такое деяние будет квалифицировано по ч. 1 ст. 132 УК РФ. Однако если данное лицо сначала принудит жертву к оральному сношению, а затем совершит половой акт в естественной форме, то преступное поведение будет квалифицировано как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 132 и ч. 1 ст. 131 УК РФ. Во втором случае виновный должен понести более строгое наказание, хотя по степени нанесенного вреда оба деяния равнозначны. Сказанное подтверждается судебной практикой.

В Ленинградской области А., преодолевая сопротивление С., совершил с ней насильственный половой акт в естественной форме. Кингисеппским городским судом осужден по ч. 1 ст. 131 УК РФ к трем годам лишения свободы¹.

В г. Каспийске К. под угрозой применения насилия совершил с потерпевшей половой акт в оральной форме. Приговором Каспийского городского федерального суда РФ осужден по ч. 1 ст. 132 УК РФ к трем годам лишения свободы².

В г. Челябинске Б., преодолевая сопротивление Ч., произвел с ней насильственный половой акт в естественной форме, а затем без разрыва во времени в анальной форме. Калининским районным судом г. Челябинска Б. был приговорен по ч. 1 ст. 131 к трем годам лишения свободы и по ч. 1 ст. 132 к трем годам лишения свободы. Окончательное наказание было назначено путем частичного сложения наказаний³.

В г. Москве В. напал на Т. с целью совершить изнасилование. Сорвав с потерпевшей одежду, он насильно ввел палец ей во влагалище. После этого злоумышленник попытался совершить половой акт в естественной форме, однако потерпевшая оказала сопротивление и сумела убежать. Приговором Останкинского районного суда г. Москвы В. признан виновным в совершении насильственных действий сексуального характера и покушении на

изнасилование. Ему назначено наказание по ч. 1 ст. 132 УК РФ — 3 года 3 месяца лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 131 УК РФ — 3 года лишения свободы. Окончательное наказание определено путем частичного сложения наказаний⁴.

Различие в степени общественной опасности в приведенных выше и других подобных примерах представляется сомнительным. Однако наказание, назначаемое виновным при совокупности рассматриваемых преступлений, всегда значительно жестче. Следует также отметить, что преступления, когда виновные в отношении женщин совершают только насильственные действия сексуального характера, встречаются нечасто. В подавляющем большинстве случаев их осуществляют наряду с изнасилованием.

Опираясь на изложенное, полагаем, что изнасилование выступает частным случаем насильственных действий сексуального характера. Возможность квалификации этих деяний по совокупности в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ влечет за собой нарушение принципа справедливости.

Между тем подход законодателя к регулированию ответственности за понуждение к действиям сексуального характера несколько иной, и он представляется правильным. Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, составляет понуждение лица как к половому сношению, так и к мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера, т. е. законодатель не разделяет ответственности за половое сношение в естественной или нетрадиционной форме.

Еще одним проблемным моментом регулирования ответственности за половые преступления является норма о развратных действиях, совершенных в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста.

Уголовная ответственность за совершение развратных действий установлена статьей 135 УК РФ. Под развратными действиями понимаются «любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших 12-летнего возраста, но не достигших 16-летнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного или на вызывание сексуального возбуждения у по-

¹ Приговор, вынесенный 12 июля 2011 г. Кингисеппским городским судом Ленинградской области. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2023).

² Приговор, вынесенный 5 февраля 2010 г. Каспийским городским федеральным судом Республики Дагестан. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2023).

³ Приговор, вынесенный 21 января 2010 г. Калининским районным судом г. Челябинска. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2023).

⁴ Приговор, вынесенный 6 октября 2016 г. Останкинским районным судом г. Москвы. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2023).

терпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям»¹.

Потерпевшими от развратных действий могут быть признаны дети и подростки мужского и женского пола, достигшие 12, но не достигшие 16-летнего возраста. Совершение же развратных действий в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста, законодателем предписывается рассматривать как квалифицированный вид изнасилования либо насильственных действий сексуального характера. В соответствии с примечанием к статье 131 УК РФ они должны быть квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 131 или по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Однако развратные действия не могут быть квалифицированы как изнасилование, поскольку не содержат в себе такого его обязательного признака, как половое сношение в естественной форме. Оконченным состав изнасилования считается только после начала такого сношения. Кроме того, определение развратных действий, данное Пленумом Верховного Суда РФ, также вступает в противоречие с положениями закона, поскольку половое сношение, мужеложство и лесбиянство выходят за рамки понятия «развратные действия».

Квалификация развратных действий, совершенных в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, как насильственных действий сексуального характера также является не вполне корректной. Развратные действия нельзя отождествлять с мужеложством, понимаемым как анальный половой контакт мужчины с мужчиной. Не всегда правильным будет отнесение развратных действий к лесбиянству — понятию, включающему в себя различные контактные действия между женщинами, направленные на удовлетворение сексуальных потребностей.

Пленум Верховного Суда РФ в приведенном выше постановлении совершенно справедливо, однако в противовес положениям примечания к ст. 131 УК РФ указывает на различие понятий полового сношения, мужеложства, лесбиянства и развратных действий.

Развратные действия в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста, вполне могут быть квалифицированы как иные действия сексуального характера. Вместе с тем понятия «иные действия сексуального характера» закон не закрепляет.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет. Не разъясняет сути этого понятия и Пленум Верховного Суда РФ. В отсутствие разъяснений содержание рассматриваемого понятия трактуется правоприменительными органами произвольно, исходя из собственных суждений. В то же время подавляющее большинство представителей правоохранительных органов не обладают экспертными знаниями в области сексологии. Этот вопрос не ставится и перед экспертами, поскольку это юридическая оценка состава преступления.

На основании изложенного можно сделать заключение, что норма, закрепленная в примечании к статье 131 УК РФ, содержит законодательное упущение и нуждается в совершенствовании.

Кроме того, возможность произвольной трактовки понятия «иные действия сексуального характера» не позволяет провести четкое отграничение развратных действий (ст. 135 УК РФ) от иных действий сексуального характера, являющихся необходимым признаком состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. Полагаем, что такое разграничение может быть проведено по признаку контактности осуществляемых действий. Если в процессе совершаемых действий осуществляется контакт с телом ребенка (например, прикосновение к половым органам как потерпевшего, так и виновного и т. д.), то в этом случае содеянное следует рассматривать как иные действия сексуального характера. Если контакт отсутствовал, то можно вести речь о развратных действиях.

Современной тенденцией российского уголовного законодательства является немедленная реакция законодателя на негативные явления, возникающие в обществе, резонансные преступления, стремление урегулировать каждый частный случай. Изменения, вносимые в уголовный закон, не подвергаются научному осмыслению и критической оценке. В результате УК РФ постепенно «раздувается», пополняется дублирующими друг друга и «мертворожденными» нормами, нарушается и сама структура уголовного закона.

Между тем уголовное законодательство, напротив, должно быть максимально емким, кратким, как можно реже подвергаться изменениям, а изменения эти должны иметь прочную научную основу. Это обусловлено спецификой объектов уголовно-правовой охраны, в качестве которых выступают наиболее значимые общественные отношения, а также особенностью уголовно-правовых санкций, которые отличаются наибольшей жесткостью [4, с. 22].

Полагаем, что в целях устранения указанных в настоящей статье противоречий составы пре-

ступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, необходимо объединить, исключив норму, предусмотренную ст. 131 УК РФ, и изложив статью 132 УК РФ в новой редакции.

Вместе с тем полностью отказываться от нормы, содержащейся в примечании к ст. 131 УК РФ, было бы неправильным. Дети и подростки, испытавшие сексуальное насилие или домогательства, по мнению психологов, никогда не смогут вернуться к прежней жизни. Даже во взрослом возрасте нанесенная психологическая травма напоминает о себе, создавая определенные трудности во взаимодействии с окружающими людьми и обществом в целом. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних должна оставаться максимально жесткой. Однако при этом необходимо, чтобы положения закона были четкими, недвусмысленными и не содержали ошибок и пробелов.

Таким образом, предлагаем внести следующие изменения в УК РФ:

1. Норму, предусмотренную ст. 131 УК РФ «Изнасилование», из УК РФ исключить.

2. Часть 1 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера» изложить в следующей редакции:

«Статья 132. Насильственные действия сексуального характера

1. Половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального харак-

тера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) — ...».

3. Статью 132 УК РФ дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание. К преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями первой или второй статьи 134 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Статью 135 УК РФ предлагаем дополнить нормой, предусматривающей ответственность за совершение развратных действий в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, а также более суровую ответственность в сравнении с частями 1 и 2 этой статьи.

Разграничение же развратных действий и иных действий сексуального характера предлагаем осуществлять по признаку наличия физического контакта между телом потерпевшего и злоумышленника. Соответствующее разъяснение может быть дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список источников

1. Единый отчет о преступности. URL: <http://fedstat.ru/form/10256> (дата обращения: 17.07.2023).
2. Коновалов Н. Н. Насильственные действия сексуального характера и изнасилование, повлекшие заражение потерпевшего (потерпевшей) венерическим заболеванием // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 3. С. 112–115.
3. Показаньева А. В. Право на половую свободу и половую неприкосновенность личности: спорные вопросы уголовно-правовой защиты // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: мат-лы II Всероссийской научно-практ. конф-ции с международным участием, посвященной Дню юриста (Курган, 1 декабря 2017 г.) / отв. ред. Е. П. Чорновол, И. Н. Бородин. Курган: Курганский государственный университет, 2018.
4. Лоос Е. В. Об актуальности и качестве изменений, вносимых в Уголовный кодекс Российской Федерации (на примере ст. 200.7 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы девятнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. Ч. 2. С. 22–24.

References

1. Edinyj otchet o prestupnosti. URL: <http://fedstat.ru/form/10256> (data obrashcheniya: 17.07.2023).
2. Konovalev N. N. Nasil'stvennye dejstviya seksual'nogo haraktera i iznasilovanie, povlekshie zarazhenie poterpevshego (poterpevshej) venericheskim zabolevaniem // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo. 2018. № 3. S. 112–115.

3. Pokazan'eva A. V. Pravo na polovuyu svobodu i polovuyu neprikosnovennost' lichnosti: spornye voprosy ugolovno-pravovoj zashchity // Rossijskaya pravovaya sistema v kontekste obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: teoriya i praktika: mat-ly II Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj Dnyu yurista (Kurgan, 1 dekabrya 2017 g.) / otv. red. E. P. Chornovol, I. N. Borodina. Kurgan: Kurganskij gosudarstvennyj universitet, 2018.

4. Loos E. V. Ob aktual'nosti i kachestve izmenenij, vnosimyh v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii (na primere st. 200.7 UK RF) // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly devyatnadcatoj mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2021. Ch. 2. S. 22–24.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 17.08.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 130–135.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 130–135.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.72:004.2

О ПОТЕНЦИАЛЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ НЕЙРОСЕТЕЙ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

Яков Маркиянович Мазунин¹, Вячеслав Андреевич Машлякевич²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, yakovmazunin@yandex.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, basistoo87@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется одно из наиболее перспективных явлений современного технологического прогресса — нейросети, или искусственный интеллект, — и предлагаются некоторые потенциально эффективные методы применения данной технологии в целях борьбы с мошенничествами, совершаемыми с использованием средств телефонной связи. Используя данные криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений, а также базовые сведения о принципе работы нейросетей, авторы предлагают их внедрение в процесс мониторинга поведения абонентского номера телефона в сети с целью выявления подозрительной активности. Предложены основные алгоритмы обучения нейросетей, а также намечены вопросы, составляющие юридическую сторону процесса использования искусственного интеллекта с целью раскрытия мошенничеств с использованием средств телефонной связи.

Ключевые слова: телефонные мошенничества, искусственный интеллект, нейросеть

Для цитирования: Мазунин Я. М., Машлякевич В. А. О потенциале использования возможностей нейросетей в целях выявления и раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 130–135.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE POTENTIAL OF UTILIZING NEURAL NETWORK CAPABILITIES TO DETECT AND UNCOVER TELEPHONE FRAUD

Yakov M. Mazunin¹, Vyacheslav A. Mashlyakevich²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, yakovmazunin@yandex.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, basistoo87@gmail.com

Abstract. The article explores one of the most promising phenomena of modern technological progress — neural networks or artificial intelligence, and proposes some potentially effective methods of using this technology to combat fraud committed with the use of telephone communications. Using the data of criminalistic characteristics of the considered type of crime, as well as basic information about the principle of neural networks, the authors suggest their implementation in the process of monitoring the behavior of a subscriber's phone number in the network in order to detect suspicious activity. The main algorithms for training neural networks are proposed, as well as outlining the issues that make up the legal side of the process of using artificial intelligence for the purpose of solving frauds involving telephone communications.

Keywords: phone scams, artificial intelligence, neural network

For citation: Mazunin Ya. M., Mashlyakevich V. A. On the potential of utilizing neural network capabilities to detect and uncover telephone fraud. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:130–135 (In Russ.).

© Мазунин Я. М., Машлякевич В. А., 2023

Современный этап развития общества характеризуется высокими темпами технологического прогресса. Вслед за повсеместным распространением сети Интернет, появлением криптовалют в нашу жизнь пришли и нейронные сети — искусственный интеллект, позволяющий оптимизировать довольно обширный перечень рабочих процессов, связанных с анализом, планированием, обработкой данных, созданием фото- и видеоконтента. Вслед за развитием технологий появляются и новые виды преступной деятельности, а уже имеющиеся существенно видоизменяются.

В настоящее время большое распространение получили мошенничества, совершаемые с использованием средств телефонной связи. Рост количества совершенных преступлений рассматриваемого вида впечатляет. По данным ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» в 2015 г. зарегистрировано 21 562 таких мошенничеств, а в 2022 г. — уже 143 986 (прирост составил более 600 %). Очевидно, что принимаемые меры в виде информирования населения о потенциальной угрозе, исходящей от мошенников, совершающих преступления по телефону, не приносят желаемого результата.

В данной статье предлагается рассмотреть некоторые возможности использования нейросетей для борьбы с рассматриваемым видом преступлений. Следует отметить, что применение технологий машинного обучения, являющихся базовой составляющей практически любой нейросети, в целях борьбы с преступлениями уже стало предметом отдельных научных исследований [1, 2]. Вместе с тем для лучшего понимания отдельных аспектов предлагаем кратко рассмотреть основные принципы функционирования нейросетей.

Работа нейросетей строится на методе обратного распространения ошибки [3]. Основная идея данного метода состоит в том, чтобы программным способом научить нейросеть анализировать собственные ошибки, допускаемые во время работы. Такой процесс предполагает первичную передачу данных в виде нейронов от входа к выходу и последующее сравнение таких данных с желаемым результатом, являющимся правильным ответом, который уже имеется в «мозге» нейросети. При положительном исходе такого сравнения запрашиваемые данные выдаются пользователю. Если итог сравнения отрицательный, то данные корректируются, а затем выдаются пользователю, причем нейросеть учитывает факт получения отрицательного результата и таким образом «учится» на собственных ошибках.

Базовая классическая структура нейросети представляет собой многослойный перцептрон,

являющийся математической моделью, построенной на основе принципа функционирования биологических нейронов. Перцептрон используется для решения бинарных классификационных задач, где нужно произвести выбор между двумя вариантами (например, «да» или «нет»). Структурно он имеет четыре слоя [4].

Первый слой является входным, соответственно, принимающим входные данные, которые представляют собой изображение 28x28 пикселей, т. е. всего 784 нейрона. Каждый вход обозначен определенным числом (входным значением), имеющим свой вес, показывающий, насколько важен этот вход. Веса могут изменяться в процессе обучения. Первый слой предназначен для передачи суммы всех значений нейронов, поступивших в него, на следующий слой. Далее располагаются два скрытых слоя, принимающие определенные значения из входного и отвечающие за выявление специфических признаков математическими методами. Здесь перцептрон складывает взвешенные входы и получает определенную сумму. Четвертый слой — выходной. Здесь происходят сопоставление полученной суммы с заданным пороговым значением и принятие решения об активации. Ответом будет считаться тот нейрон выходного слоя, который имеет самое высокое конечное значение. Условно можно сопоставить ответ «да» с положительным решением об активации, а ответ «нет» с отрицательным.

Следует подчеркнуть, что нами рассмотрена именно базовая структура. Современные нейросети могут обладать огромным количеством скрытых слоев, что существенно повышает точность ответов на запросы пользователя.

Анализ следственной практики по делам о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи, приводит к выводу о том, что рассматриваемые преступления совершаются по определенному алгоритму, или сценарию. Так, «согласно преступному плану и распределенным обязанностям, П. и Д., являясь организаторами и руководителями организованной преступной группы, должны были совместно... выдавать ее участникам, выполняющим роли сотрудников банков и курьерской службы, разработанный... скрипт — текст, содержащий информацию о грамотном ведении разговора с потерпевшим и ответы на возможные вопросы, для использования его в процессе обмана граждан»¹.

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 12001010049000212. СЧ ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю, 2021 г.

Применению подобных скриптов обычно предшествует «работа» мошенника, заключающаяся в совершении звонков на абонентские номера, как правило, принадлежащие одному региону страны, с целью отыскания потенциальной жертвы преступления. Следует отметить, что сам мошенник при этом в абсолютном большинстве случаев находится в другом регионе.

Традиционно одним из составных элементов структуры криминалистической характеристики преступлений является механизм следообразования [5, 6]. Мошенничества, совершаемые с использованием средств телефонной связи, не являются исключением [7], включая в себя существенное количество как идеальных, так и материальных следов. При этом среди материальных следов особое место можно отвести электронно-цифровым следам [8] — информации, зафиксированной на каком-либо материальном носителе и связанной с событием преступления. При осуществлении любого телефонного соединения оператор связи, как правило, имеет возможность записывать и хранить следующие виды данных: номера абонентов, участвующих в соединении, дату и время начала и окончания звонка, продолжительность вызова, местоположение абонентов. Такие данные следователь (дознатель) может получить, направив оператору связи соответствующий запрос в установленном уголовно-процессуальным законом порядке.

В контексте данного исследования нас прежде всего интересуют сведения о продолжительности вызовов, осуществляемых с абонентского номера телефона, используемого лицом, совершающим преступление. Анализ таких данных позволяет найти определенные закономерности «поведения» абонентского номера в сети. Совершая преступление, мошенник проводит обзвон абонентских номеров с целью отыскания потенциальной жертвы преступления. Отметим, что в связи со случайным характером подбора злоумышленником абонентских номеров телефонов количество таких звонков фактически не предполагает выведения каких-либо даже приблизительно точных средних статистических значений и может находиться в диапазоне от 100 до 1000 или даже более звонков.

В большинстве случаев человек, которому звонит злоумышленник, в течение первых 5–10 секунд понимает, что в отношении него предпринимается попытка совершения преступления, и прерывает разговор. Соответственно, в базе данных оператора связи появляется информация об осуществленном соединении абонентских номеров и его

длительности. В случае, когда мошенник находит жертву преступления, длительность телефонного соединения многократно увеличивается. При этом следует отметить, что в некоторых случаях сеанс связи периодически прекращается, т. к. потерпевший выполняет различные указания мошенника (найти банковскую карту, проследовать к банкомату и т. д.), однако через некоторое время соединение происходит вновь. Средняя длительность каждого такого разговора составляет 5–8 минут. Кроме того, в некоторых случаях мошенники под различными предлогами заставляют потерпевшего не прерывать телефонное соединение, контролируя таким образом его поведение и устраняя возможность позвонить своим настоящим родственникам либо в банк. В итоге мы получаем такую картину телефонных соединений по абонентскому номеру, используемому злоумышленником, при которой сначала происходит множество коротких звонков, затем они прерываются несколькими средними (5–8 минут) либо одним-двумя длинными (20 минут и более).

Несомненно, такое «поведение» используемого лицами, совершающими мошенничества посредством телефонной связи, абонентского номера телефона весьма схоже с наиболее распространенной формой телемаркетинга — холодными звонками. Напомним, что они подразумевают под собой обзвон менеджером по продажам потенциальных клиентов компании, ранее не контактировавших с ней, с целью предоставления каких-либо услуг. В связи с этим сразу определим специфические черты, которые позволяют отграничить телефонные соединения мошенника от холодных звонков менеджера по продажам. Дело в том, что абонентские номера, используемые при совершении рассматриваемого вида преступлений злоумышленниками, как правило, проявляют активность в сети в среднем 1–3 дня. После этого либо утилизируется сим-карта, используемая при совершении преступления, либо при использовании IP-телефонии происходит смена абонентского номера. Менеджеры по продажам осуществляют свои звонки с абонентских номеров, имеющих, как правило, довольно продолжительную активность, а также «прозрачную» историю регистрации такого номера в той или иной организации.

Аккумулируя изложенную о длительности вызовов и активности в телефонной сети информацию, можно сделать вывод, что нас интересуют абонентские номера телефонов, инициировавшие свой первый вызов не более трех дней назад, в течение этого времени осуществляющие постоян-

ные попытки дозвона на абонентские номера различных пользователей либо частые телефонные соединения длительностью 5–10 секунд с периодически встречающимися телефонными соединениями длительностью 5–8 минут и более.

Для выявления абонентских номеров телефонов, соответствующих указанным критериям в реальном времени, можно использовать нейросеть, «оснащенную» методом просеивания, который подразумевает под собой фильтрацию данных по заданным параметрам. Процесс просеивания, как правило, включает в себя:

1. Определение условий, по которым необходимо отобрать элементы из исходного набора данных.

2. Проход всех элементов исходного набора данных с целью проверки каждого на соответствие заданным критериям.

3. Выбор определенных элементов в случае соответствия заданным условиям и его отображение в результатах просеивания.

4. Формирование окончательного списка (либо набора данных), включающего необходимые элементы.

Отметим, что в нашем случае процесс просеивания необходимо произвести в три этапа. На первом этапе в качестве условия будет выступать факт начала активности абонентского номера в сети и его продолжительность не более 3-х дней. На втором этапе из уже отобранных абонентских номеров должно пройти просеивание по критерию осуществления частых непродолжительных (не более 10 секунд) телефонных соединений либо попыток телефонных соединений. На третьем этапе к вновь отобранным абонентским номерам должен быть применен заключительный критерий — наличие телефонных соединений длительностью 5 минут и более.

Таким образом, результатом применения нейросетью алгоритма просеивания к общей массе абонентских номеров должно стать выявление тех, которые в настоящее время представляют потенциальную угрозу.

Вместе с тем следует учитывать, что выявленных с помощью вышеупомянутого метода абонентских номеров телефонов может быть довольно большое количество. Также в этом процессе не исключается возможность ошибок, связанных с ложным предположением о противоправной деятельности со стороны указанных абонентов. Мы считаем, что уменьшение количества таких абонентских номеров может быть также достигнуто с использованием искусственного интеллекта.

Уже упоминалось, что совершение мошенничества с использованием средств телефонной связи предполагает определенный алгоритм действий злоумышленника по передаче ложной информации потенциальному потерпевшему. Анализ эмпирического материала показывает, что содержательная часть такой информации включает в себя сведения, допустим, о блокировании банковской карты либо совершении каких-либо несанкционированных ее держателем операций (в качестве примера взята самая распространенная легенда, используемая мошенниками — прим. авт.) [9]. В ходе передачи ложной информации потерпевшему мошенники представляются сотрудниками Центрального банка Российской Федерации либо представителями правоохранительных органов и, манипулируя действиями жертвы, пытаются заставить ее перевести денежные средства. При этом злоумышленниками используются стандартные фразы и речевые обороты, характерные для совершения рассматриваемого вида преступлений.

Идея заключается в том, чтобы предоставить обученной определенным образом нейросети доступ к прослушиванию телефонных переговоров с целью выявления признаков, указывающих на факт совершения преступления. В настоящее время имеется техническая возможность распознавания и анализа речи человека нейросетью, включая выявление ключевых слов, а также производство синтаксического и семантического анализа [10]. Соответственно, правоохранительными органами такой функционал может использоваться в целях раскрытия преступлений рассматриваемого вида после определенной доработки, которая подразумевает под собой обучение нейросети на размеченных данных пониманию из контекста разговора, что звонит мошенник.

Данное обучение предполагает обработку записей уже имеющихся телефонных разговоров лиц, совершающих мошенничества с использованием средств телефонной связи, с жертвами их преступной деятельности. Изначально каждый такой разговор должен быть аннотирован и размечен специалистом в соответствии с тем, является ли он мошенническим. Такая разметка позволяет нейросети изучать правильные примеры. Среди основных способов можно выделить ручную разметку, обратную связь от пользователей и использование алгоритмов машинного обучения как последовательно возникающие этапы «обучения» нейросети.

Ручная разметка подразумевает непосредственное прослушивание аудиозаписей телефонных разговоров специалистом, внесение соответ-

ствующих пометок и дальнейшее их преобразование в формат, доступный для обучения нейросети, путем кодирования. Отметим, что качество аннотирования и разметки данных имеет решающее значение для обучения.

Обратная связь от пользователей возможна уже при непосредственном использовании нейросети в обозначенных нами целях и подразумевает анализ сообщений пользователей абонентских номеров телефонов о попытках совершения в их отношении мошеннических действий посредством телефонной связи.

Использование алгоритмов машинного обучения позволит автоматически классифицировать поступающие данные на мошеннические и не мошеннические, а также отслеживать новые виды ложной информации, изобретаемые злоумышленниками при совершении мошенничеств с использованием средств телефонной связи.

Дальнейшая работа с такими абонентскими номерами должна состоять в уведомлении сотрудников правоохранительных органов о зарегистрированных фактах потенциально преступной деятельности и проведении ими оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление места нахождения инициатора телефонного соединения и его задержание непосредственно в процессе совершения преступления.

При этом вопросы, составляющие исключительно юридическую сторону, будут освещены в последующих научных работах. Здесь наметим лишь их перечень, тем самым предоставляя и поле для творчества других авторов в заданном направлении. Так, основным, по нашему мнению,

является вопрос законодательного регулирования понятия «нейросеть» (либо синонимичного ему «искусственный интеллект»). В настоящее время данный вопрос уже является предметом научных исследований, однако отражения в нормативно-правовых документах не нашел [11].

Более узкую направленность, однако не меньшую важность, имеют вопросы официального внедрения искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов и операторов телефонной связи, а также использования результатов его работы. Так, в данном контексте прослушивание нейросетью телефонных переговоров по абонентским номерам телефонов, потенциально используемых лицами, совершающими преступления, должно быть урегулировано федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ и федеральным законом «О связи»², а также нормативно-правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

В заключение отметим, что нейросети способны анализировать огромные объемы данных, выявлять скрытые закономерности, обрабатывать текстовую и звуковую информацию за непродолжительное время. Их адаптация и использование в деятельности сотрудников правоохранительных органов позволят существенно повысить эффективность процессов, связанных с выявлением и раскрытием не только мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи, но и в целом преступлений, связанных с информационно-телекоммуникационной средой.

Список источников

1. Саморока В. А. Перспективы использования машинного перевода на основе нейросети при производстве по уголовному делу // Современное право. 2021. № 12. С. 91–96.
2. Никитин П. В., Осипов А. В., Плешакова Е. С. [и др.] Распознавание эмоций по аудиосигналам как один из способов борьбы с телефонным мошенничеством // Программные системы и вычислительные методы. 2022. № 3. С. 1–13.
3. Нейронные сети для начинающих. Часть 1. URL: <https://habr.com/ru/articles/312450/> (дата обращения: 08.09.2023).
4. Типы нейронных сетей. Принцип их работы и сфера применения. URL: <https://otus.ru/nest/post/1263/> (дата обращения: 08.09.2023).
5. Танасевич В. Г., Образцов В. А. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью: вып. 25. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 94–104.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О связи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений: монография. М., 2016. 251 с.

7. Машлякевич В. А. Некоторые аспекты механизма слеодообразования при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Мир юридической науки. 2014. № 5. С. 51–57.

8. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 192 с.

9. Гилязов Р. Р. Способы совершения мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи как элемент криминалистической характеристики // Евразийский юридический журнал. 2014. № 21. С. 167–169.

10. Нейросеть «Whisper» — полный обзор функционала искусственного интеллекта. URL: <https://diasp.pro/neural-networks/whisper/> (дата обращения: 12.09.2023).

11. Баракина Е. Ю. К вопросу формирования перспективной терминологии в области правового регулирования применения искусственного интеллекта // Юрист. 2020. № 9. С. 56–65.

References

1. Samoroka V. A. Perspektivy ispol'zovaniya mashinnogo perevoda na osnove nejroseti pri proizvodstve po ugolovnomu delu // Sovremennoe pravo. 2021. № 12. S. 91–96.

2. Nikitin P. V., Osipov A. V., Pleshakova E. S. [i dr.] Raspoznavanie emocij po audiosignalam kak odin iz sposobov bor'by s telefonnym moshennichestvom // Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody. 2022. № 3. S. 1–13.

3. Nejronnye seti dlya nachinayushchih. Chast' 1. URL: <https://habr.com/ru/articles/312450/> (data obrashcheniya: 08.09.2023).

4. Tipy nejronnyh setej. Princip ih raboty i sfera primeneniya. URL: <https://otus.ru/nest/post/1263/> (data obrashcheniya: 08.09.2023).

5. Tanasevich V. G., Obrazcov V. A. O kriminalisticheskoy harakteristike prestuplenij // Voprosy bor'by s prestupnost'yu: vyp. 25. M.: Izd-vo MGU, 1976. S. 94–104.

6. Bessonov A. A. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispol'zovanii kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij: monografiya. M., 2016. 251 s.

7. Mashlyakevich V. A. Nekotorye aspekty mekhanizma sledoobrazovaniya pri rassledovanii moshennichestv, sovershaemyh s ispol'zovaniem sredstv telefonnoj svyazi // Mir yuridicheskoy nauki. 2014. № 5. S. 51–57.

8. Vekhov V. B. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispol'zovanii komp'yuternoj informacii i sredstv ee obrabotki: monografiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2008. 192 s.

9. Gilyazov R. R. Sposoby soversheniya moshennichestv s ispol'zovaniem sredstv sotovoj telefonnoj svyazi kak element kriminalisticheskoy harakteristiki // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 21. S. 167–169.

10. Nejroset' «Whisper» — polnyj obzor funkcionala iskusstvennogo intellekta. URL: <https://diasp.pro/neural-networks/whisper/> (data obrashcheniya: 12.09.2023).

11. Barakina E. Yu. K voprosu formirovaniya perspektivnoj terminologii v oblasti pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta // Yurist. 2020. № 9. S. 56–65.

Информация об авторе

Я. М. Мазунин — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

Ya. M. Mazunin — Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 08.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 136–141.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 136–141.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.1

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА» В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Евгений Николаевич Петухов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, petuchove@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0690-6535>

Аннотация. В статье обосновывается существование в сфере уголовного судопроизводства проблемы обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Приводятся причины ненадлежащего исполнения названных обязанностей. Раскрывается понятие термина «обеспечение» применительно к правовой сфере. Определяется сущность правовой категории «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства», и устанавливается ее статус в системе понятий теории уголовного процесса. Раскрывается значение рассматриваемой категории в достижении целей уголовного судопроизводства, и определяются критерии оценки ее эффективности.

Ключевые слова: участники уголовного процесса, обязанности, обеспечение

Для цитирования: Петухов Е. Н. Сущность категории «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства» в теории уголовного процесса // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 136–141.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ESSENCE OF THE CATEGORY «ASSURANCE THE PROPER PERFORMANCE OF DUTIES BY PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS» IN THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE

Evgeniy N. Petukhov

Altai State University, Barnaul, Russia, petuchove@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0690-6535>

Abstract. The article substantiates the existence in the field of criminal proceedings of the problem of ensuring the proper execution of criminal procedural duties. The reasons for the improper performance of these duties are given. The concept of the term «Assurance» in relation to the legal sphere is revealed. The essence of the legal category «assurance the proper performance of duties by participants in criminal proceedings» is determined and its status in the system of concepts of the theory of criminal procedure as a task is established. The significance of the category under consideration in achieving the goals of criminal proceedings is revealed and the criteria for evaluating its effectiveness are determined.

Keywords: participants in the criminal process, duties, assurance

For citation: Petukhov E. N. Essence of the category «assurance the proper performance of duties by participants in criminal proceedings» in the theory of criminal procedure. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:136–141 (In Russ.).

© Петухов Е. Н., 2023

Общепризнанно, что уголовный процесс является целостной системой взаимосвязанных между собой правовых элементов, функционирование которых направлено на достижение определенного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства. При этом непосредственно одним из компонентов этой правовой системы являются обязанности, которые представляют собой совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих должное поведение участников уголовного судопроизводства. Из этого следует, что обязанности играют важную роль в обеспечении правильного поступательного движения этой системы — российского уголовного процесса — к достижению его цели. Однако из результатов проведенного нами опроса 256 следователей и дознавателей, 163 судей, а также изученных нами 937 материалов уголовных дел видно, что на пути надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства возникают препятствия, трудности, неясности субъективного и объективного характера, в результате чего обязанности участниками уголовного процесса не исполняются (или исполняются не должным образом).

В подтверждение результатов нашего исследования сошлемся на Председателя Верховного Суда Российской Федерации (далее — Председатель ВС РФ), который на ненадлежащее исполнение таких обязанностей, как уголовное преследование, доказывание и правосудие, указывает ежегодно в своих докладах. Например, в ходе доклада 14 февраля 2023 г. на ежегодном совещании судей Председатель ВС РФ, анализируя деятельность судов с участием присяжных заседателей в 2022 г., указал на некачественное уголовное преследование и доказывание органов расследования, т. к. данными судами 27 % обвиняемых из 1385, в отношении которых органы расследования направили уголовные дела в суды для их осуждения, были постановлены оправдательные приговоры. Далее, указывая на ненадлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей самими судами, Председатель ВС РФ отметил, что судами апелляционной и кассационной инстанций в отношении 12 000 осужденных судами первой инстанции обвинительные приговоры были отменены и в отношении 17 000 осужденных наказание было смягчено [1].

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о некачественном выполнении задач, стоящих перед правоохранительными органами по защите прав, свобод и законных интересов каждого человека и общества в целом в сфере уголовного судопроизводства. Результаты исследования пока-

зывают, что плачевная ситуация в области исполнения судами обязанности правосудия, органами расследования исполнения обязанностей уголовного преследования и доказывания складывается из-за того, что в достаточной степени данным должностным лицам и органам государства не созданы необходимые условия (организационные, кадровые, морально-нравственные, материально-технические и др.) для надлежащего исполнения возложенных на них законодателем обязанностей.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что негативная ситуация в области исполнения уголовно-процессуальных обязанностей складывается из-за некачественного их обеспечения.

Исходя из вышеизложенного, возникает потребность определиться со смыслом слова «обеспечение» для того, чтобы далее установить сущность категории «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства» в теории уголовного процесса. В словаре русского языка С. И. Ожегова слово «обеспечение» определяется посредством разъяснения смысла глагола «обеспечить», означающего: 1) предоставить значительные материальные средства к жизни; 2) снабдить чем-нибудь в нужном количестве; 3) сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым; 4) оградить, охранять (устарев.) [2, с. 364]. Учитывая предмет нашего исследования, наиболее приемлемым является смысл слова «обеспечение», под которым понимается «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым». Исходя из этого значения слова «обеспечение», целью обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства является не что иное как создание каждому правообязанному субъекту в ходе производства по уголовному делу необходимых условий, в которых он имеет реальную возможность совершить активные действия либо воздержаться от таковых (иногда необходимо осуществить целую деятельность, например произвести доказывание, уголовное преследование или осуществить правосудие) в силу предписания нормы (совокупности норм) при наличии к этому достаточных правовых, организационных и иных ресурсов (средств обеспечения).

Безусловно, область применения термина «обеспечение» не ограничивается юриспруденцией. Он находит применение и в других отраслях человеческой деятельности. Особое значение обеспечение приобрело в военной деятельности, где под ним понимается комплекс мероприятий, создающих благоприятные условия для ведения

успешных боевых действий [3, с. 174]. Сущность обеспечения раскрывается в экономических науках как совокупность средств и создание условий, обеспечивающих функционирование экономической системы [4, с. 269]. Как мы видим, в любой деятельности, в т. ч. и применительно к правовой деятельности, категория «обеспечение» рассматривается исследователями как научно обоснованная, последовательная система правовых и иных средств, при помощи которых гражданское общество и государство осуществляют воздействие на общественные отношения, исходя из задач, возникающих перед обществом, и целей, которые они преследуют [5, с. 50]. При этом в науке уголовного процесса выводятся интересующие нас характеризующие категорию «обеспечение» универсальные сущностные признаки [6, с. 81].

На основании анализа теоретических источников, посвященных исследованию категории «обеспечение», и вышеприведенных ее дефиниций можно применительно к искомой категории «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства» сформулировать следующие присущие рассматриваемому явлению сущностные признаки:

1) это целенаправленная уголовно-процессуальная деятельность, представляющая собой совокупность средств и способов;

2) в качестве объекта данной деятельности выступают уголовно-процессуальные отношения, возникающие в ходе применения средств;

3) целью данной деятельности является создание необходимых условий для правообязанных участников уголовного судопроизводства, а результатом — достижение указанной цели.

С учетом признаков, характеризующих категорию обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей и субъектов уголовного судопроизводства, на которых законодатель возлагает исполнение указанных обязанностей, представляется верным определять рассматриваемую категорию в двух направлениях.

Первое понятие раскрывает сущность обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, возложенных на должностных лиц и органы государства, в производстве которых находится уголовное дело, т. е. на властных субъектов.

Особенность сущности рассматриваемого вида обеспечения надлежащего исполнения обязанностей властными субъектами заключается в том, что в основном им самим приходится создавать себе благоприятствующие условия, чтобы иметь

реальную возможность надлежащим образом исполнить возложенные на них законодателем обязанности (уголовное преследование, доказывание, правосудие и др.). Такие условия создаются ими путем использования правовых, организационных, технических и иных средств, которые государство в лице законодателя предоставило данным властным участникам уголовного судопроизводства, закрепив их виды и установив процедуру их применения в уголовно-процессуальном законодательстве.

Исходя из указанной особенности, категорию «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей властными субъектами» следует рассматривать как совокупность средств правового, организационного и иного характера, создающих условия для своевременного и надлежащего выполнения дознавателем, следователем, прокурором и судом необходимых уголовно-процессуальных действий и принятия уголовно-процессуальных решений по надлежащему исполнению возложенных на них законодателем обязанностей.

Второе понятие раскрывает сущность обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, возложенных законодателем на невластных участников уголовного судопроизводства.

Применительно к таким субъектам представляется верным рассматривать категорию «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей невластными участниками уголовного судопроизводства» как совокупность средств правового, организационного и иного характера, своевременное применение которых должностными лицами и органами государства, осуществляющими производство по уголовному делу, создает необходимые условия для надлежащего исполнения невластными участниками уголовного судопроизводства возложенных на них законодателем обязанностей. Таким образом, им обеспечивается реальная возможность исполнения уголовно-процессуальной обязанности.

Рассматривая вопрос о значимости обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей в уголовном судопроизводстве, также необходимо ответить на вопрос, какой категорией она является в теории уголовного процесса при характеристике системы уголовно-процессуальных понятий — целью, задачей, направлением деятельности, др. Анализ специальной литературы, посвященной исследованию проблемы определения места категории «обеспечение» в системе понятий теории уголовного процесса, позво-

ляет сделать вывод о существовании двух основных позиций. В соответствии с первой обеспечение — это направление уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 20; 8, с. 30-31], в соответствии со второй обеспечение — это задача уголовного судопроизводства [9, с. 28].

Результаты исследования данного вопроса приводят нас к выводу о том, что категория «обеспечение надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства» представляет собой различные стороны вышеназванных понятий. Однако, исходя из этимологии слова, «задача» — это то, что требует выполнения, разрешения [10], также задача характеризует уголовно-процессуальную деятельность в том плане, что данная деятельность существует и осуществляется для решения конкретной задачи (решение множества задач приводит к достижению цели), можно сделать вывод о том, что в большей степени рассматриваемая категория наряду с парной ей категорией «обеспечение реализации прав и свобод участников уголовного судопроизводства» и другими (например, раскрыть преступление; определить наказание; выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления) отвечает статусу задачи, которая должна решаться в ходе всего производства по уголовному делу (в каждой стадии уголовного судопроизводства), т. к. постоянно возникает необходимость исполнять обязанности, а это значит постоянно стоит потребность в создании условий для ее исполнения. Бесспорно, что любая задача в уголовном судопроизводстве должна решаться эффективно и любой вид уголовно-процессуальной деятельности должен осуществляться эффективно, поэтому к обеспечению надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства, с одной стороны, как к задаче, и с другой стороны, как к деятельности применимо понятие эффективности. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что понятие эффективности включает в себя достаточно много разноплановых аспектов¹, мы же ограничимся применительно к рассматриваемой правовой категории обеспечения, чтобы определять ее эффективность, только установлением критериев последней. Для определения критериев эффективности обеспечения обратимся

¹ Данный феномен достаточно обстоятельно изучен в науке уголовного процесса (см.: Доровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 22–27).

к приведенному нами выше понятию обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства, из которого следует, что составляющими его элементами субъективного характера являются: процесс взаимодействия властных субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу и вовлеченных ими в уголовное судопроизводство невластных участников; правообеспечительная деятельность властных субъектов и сами действия правообязанных субъектов по исполнению предписаний (обязанностей) законодателя, адресованные им.

Согласно названным процессам обеспечение надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства осуществляется в следующей последовательности.

Отправной точкой рассматриваемого обеспечения является предписание законодателя о возложении на участников уголовного судопроизводства исполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Данный юридический факт порождает между властными и невластными участниками уголовно-процессуальные отношения, в ходе которых они должны обмениваться информацией, касающейся интересов, мотивов, возможностей и условий исполнения обязанностей и т. п. С учетом складывающейся ситуации, свидетельствующей о добровольности исполнения правообязанным участником предписания или с применением принуждения, властный субъект должен осуществить правообеспечительную деятельность. Он должен своевременно выбрать и применить соответствующие обеспечительные средства, создающие необходимые условия правообязанному участнику уголовного судопроизводства, чтобы последний имел реальную возможность надлежащим образом исполнить возложенную на него законодателем конкретную уголовно-процессуальную обязанность. Правообязанный участник, находясь в созданных ему благоприятствующих условиях, должен совершить предписанное ему законодателем действие (либо воздерживается от запрещенного действия) в установленном в уголовно-процессуальном законодательстве порядке и в установленный срок. В результате достигается эффект от реализации обеспечительных средств гарантирующего характера, т. е. достигается цель обеспечения — создается возможность фактического исполнения уголовно-процессуальной обязанности как желаемого результата, по которому окончательно можно судить об эффективности рассматриваемого правового явления.

Исходя из изложенного, в качестве критериев эффективности обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства можно выделить:

1) качество обеспечения информационного обмена между субъектами уголовного судопроизводства при необходимости исполнения предписания (обязанности) законодателя;

2) качество правообеспечительной функции властных субъектов при производстве по уголовному делу, содержанием которой является правильный выбор соответствующих (эффективных) средств обеспечения и своевременное их применение установленным в уголовно-процессуальном законодательстве способом;

3) качество исполнения (надлежащее исполнение) уголовно-процессуальной обязанности.

При этом два первых критерия раскрывают в общем субъектно-деятельностные показатели всех субъектов уголовного судопроизводства, которые позволяют оценить их мотивационно-ценностные характеристики (уровень правосознания

и правовой культуры), а также в частности профессиональные характеристики властных субъектов (выбор средств, методов деятельности, процессуальная активность и т. д.). Третий критерий раскрывает институциональные показатели, отражающие степень достижения цели, которые позволяют оценить результат деятельности и средства достижения ее цели.

На основании существующих данных, свидетельствующих о многочисленных фактах неисполнения уголовно-процессуальных обязанностей, можно сделать вывод о том, что показатели эффективности обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства указывают на реально недостаточное состояние функционирования механизма обеспечения исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, по которым можно судить и о низком уровне качества и недостаточности существующих средств обеспечения реальной возможности их исполнения, что, безусловно, требует их совершенствования.

Список источников

1. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева Вячеслава Михайловича на пленарном заседании в Совете судей РФ 14 февраля 2023 года. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17119691465646650009> (дата обращения: 25.02.2023).
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд. М.: Изд-во «Русский язык», 1986.
3. Военный энциклопедический словарь. М., 2001. Т. 2.
4. Современный экономический словарь / под общ. ред. Б. А. Райзберга. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
5. Арзамаскин А. Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и Школа. 2016. № 6. С. 47–51.
6. Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.
7. Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
8. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
9. Трегулова А. И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в контексте рационализации стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2019.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999.

References

1. Vystuplenie Predsedatelya Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii Lebedeva Vyacheslava Mihajlovicha na plenarnom zasedanii v Sovete sudej RF 14 fevralya 2023 goda. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17119691465646650009> (data obrashcheniya: 25.02.2023).
2. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoj. 18-e izd. M.: Izd-vo «Russkij yazyk», 1986.
3. Voennyj enciklopedicheskij slovar'. M., 2001. T. 2.

4. Sovremennyj ekonomicheskij slovar' / pod obshch. red. B. A. Rajzberga. 6-e izd., pererab. i dop. M., 2021.
5. Arzamaskin A. N. Opredelenie ponyatiya «pravovoe obespechenie»: postanovka problemy // Nauka i Shkola. 2016. № 6. S. 47–51.
6. Andrienko Yu. A. Obespechenie sledovatelem bystroty i polnoty predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2022.
7. Mel'nikov V. Yu. Obespechenie i zashchita prav cheloveka pri primenении mer processual'nogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2014.
8. Gladysheva O. V. Teoreticheskaya model' mekhanizmov obespecheniya prav i zakonnyh interesov cheloveka i grazhdanina v ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2013.
9. Tregulova A. I. Obespechenie prav i zakonnyh interesov nesovershennoletnih podozrevaemyh, obvinyaemyh v kontekste racionalizacii stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2019.
10. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus.yaz.; Poligrafresursy, 1999.

Информация об авторе

Е. Н. Петухов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. N. Petukhov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 142–149.
Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 142–149.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343:004+323.28

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ, МЕТОДЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ТЕХНОЛОГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ, НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Маргарита Юрьевна Пучнина¹, Александр Васильевич Пучнин²

^{1,2} Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

¹ masloy100@mail.ru

² lex-puch@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы причины современного молодежного экстремизма. Рассмотрены направления превентивной деятельности по противодействию ему, а также новое интернет-течение — опасные челленджи. Авторами представлен механизм работы самих социальных сетей, а также деятельности деструктивных организаций в них. В хронологическом порядке рассказано о противодействии деструктивному контенту в социальных сетях. Приведены примеры профилактической деятельности, которая в настоящий момент достаточно успешно осуществляется. Отдельное внимание уделено распространению молодежного экстремизма в онлайн-среде, а также основным тенденциям и угрозам, связанным с освоением экстремистами современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, правовой нигилизм, информационная война, социальные сети, блогосфера, окулус, вредоносный контент, цифровизация, deep fake, нейролингвистическое программирование

Для цитирования: Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Современный молодежный экстремизм в условиях цифровизации общества: тенденции, методы распространения, технологии вовлечения, направления противодействия // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 142–149.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CURRENT YOUTH EXTREMISM IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY: TRENDS, METHODS OF DISTRIBUTION, TECHNOLOGIES OF ENGAGEMENT, DIRECTIONS OF COUNTERACTION

Margarita Yu. Puchnina¹, Alexander V. Puchnin²

^{1,2} Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia

¹ masloy100@mail.ru

² lex-puch@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the causes of modern youth extremism. A brief historical excursion and the current state of this issue are provided. The directions of preventive activities to counter it are considered. A new Internet trend is considered - dangerous challenges. The authors present the mechanism of the work of social networks themselves, as well as the activities of destructive organizations in them. The possibility and effectiveness of reporting (leaving a complaint) has been considered. In chronological order, we talk about countering destructive content on social networks. Examples of preventive activities that are currently being carried out quite successfully are given. Special attention is paid to the spread of youth extremism in the online environment, and the main trends and threats associated with the development of modern information and telecommunication technologies by extremists are considered.

Keywords: youth extremism, legal nihilism, information war, social networks, blogosphere, oculus, harmful content, digitalization, deep fake, neuro-linguistic programming

For citation: Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Current youth extremism in the conditions of digitalization of society: trends, methods of distribution, technologies of engagement, directions of counteraction. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:142–149 (In Russ.).

© Пучнина М. Ю., Пучнин А. В., 2023

Экстремизм с начала XXI в. сумел трансформироваться в глобальную проблему, захлестнувшую все современное общество. Существует множество проявлений экстремизма: от распространения с помощью сетевых интернет-ресурсов национализма и религиозной нетерпимости (как следствие этого, искажение таких понятий, как Родина, патриотизм, национальность в отдельной социальной группе) до создания экстремистских или террористических вооруженных формирований и повсеместного внедрения террора и насилия. К сожалению, в 2018–2022 гг. наблюдается рост преступлений экстремистской направленности в России, исключение составляет 2019 год, когда было зарегистрировано рекордно низкое количество преступлений экстремистской направленности за последние 13 лет. Связано это с декриминализацией ряда деяний, а также применением административной преюдиции (в декабре 2018 г. в КоАП РФ была введена статья 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Несмотря на такой юридический шаг, количество преступлений экстремистской направленности продолжает расти. Так, в 2021 г. оно увеличилось на 27 % (1057), в 2022 г. — почти на 50 % (1566) [1]. Конечно, основным фактором, влияющим на данную ситуацию, выступает обострение взаимоотношений Российской Федерации с иными странами, введение санкций, а также проведение Россией специальной военной операции на Украине (далее — СВО).

В настоящее время идет активная агитационно-пропагандистская работа в информационно-коммуникационном пространстве, направленная на разобщение братских народов, разрушение их вековой тесной взаимосвязи, искусственно создаются антироссийские настроения путем распространения недостоверной информации (так называемых фейков) во всем мировом пространстве. Конечно же, молодежь оказывается наиболее подвержена этому социальному вирусу в силу таких определяющих факторов, как возрастная активность, желание быть принятым и понятым в своей среде, юношеский максимализм и нигилизм, любопытство, обстановка в гражданском обществе [2].

На наш взгляд, основными причинами распространения, а главное, принятия экстремистских идей молодым поколением являются:

1) **снижение уровня общего образования, в частности поверхностные знания в области истории.** Как говорил Михаил Ломоносов, «...народ, который не знает свою историю, не име-

ет будущего». К этим словам остается только добавить, что нужно не только знать и помнить, но и чтить память своих предков. Незнание истории своей страны приводит к подмене ценностей, что сейчас наблюдается на территории Украины. Так, Степан Бандера на Украине признан народным героем (хоть и без звания). Складывается впечатление, что люди совсем забыли то, что было во время и после Великой Отечественной войны, и все его «подвиги» почему-то начинают преподноситься без кавычек. При этом памятники Степану Бандере начали появляться с 1990-х гг. повсеместно на территории Западной Украины [3]. Выдвижение его в герои шло постепенно и достигло пика в 2010 г., когда 20 января указом Президента Украины Виктора Ющенко № 46/2010 Степану Андреевичу Бандере было посмертно присвоено звание «Герой Украины». Отметим, что 2 апреля этого же года Донецкий окружной административный суд признал противоправным и подлежащим отмене данный указ Президента Украины [4]. Последние три года перед нынешним Президентом Украины — В. Зеленским — неоднократно поднимался вопрос о возвращении звания героя рассматриваемой личности, но пока что он уклончиво отвечает, что «на вопрос о месте Бандеры в истории должно ответить время» [5].

В настоящее время в России этому уделяется особое внимание. Так, например, в 2022 г. Минпросвещения добавило в школьную программу патриотический урок «Разговоры о важном», а историческое образование школьников младших классов было интегрировано в существующие уже в начальной школе курсы «Окружающий мир» и «Основы религии». Поднятию патриотизма среди молодежи уделяется внимание не только в школах. В высших учебных заведениях предлагается создавать патриотические объединения повсеместно, что уже начало развиваться в Дальневосточном федеральном округе. Кроме того, с 1 сентября 2023 г. в российских вузах был введен курс «Основы российской государственности» [6], нацеленный на формирование у студентов «осознания принадлежности к российскому обществу, развитие чувства гражданственности» [7];

2) параллельно со снижением уровня общего образования происходит **общемировое искажение истории.** Например, удивляют такие факты, как проведение официальных мероприятий по случаю годовщины освобождения Красной армией концлагеря Аушвиц-Биркенау в Освенциме (Польша) без участия Российской и Израильской сторон, при этом представители Германии участие принимали

[8]. А началось это еще в 2015 г., когда Президента РФ не пригласили на 70-летие освобождения Освенцима, при этом представители Германии также были приглашены [9]. Тогда данный инцидент получил мировой общественный резонанс. «Спустя 70 лет после победы над фашизмом, которую ценой немыслимых жертв одержал Советский Союз, ненависть к России вновь выросла до чудовищных размеров. Это непостижимо, не пригласить на памятное мероприятие в Освенциме представителя страны, армия которой принесла свободу тем, кто выжил в этой фабрике смерти» [10]. С 2022 г. в «лагере смерти» закрыта русская экспозиция, поляки всеми силами пытаются забыть, что Аушвиц освободила Красная армия;

3) процветает *политический нигилизм* среди молодежи. Скучные знания реальных исторических фактов не позволяют вполне осознанно понимать политическую обстановку. Отсюда вытекает нежелание разбираться и вникать в происходящие события, ведь гораздо проще «плыть по течению». Именно на это в последнее время направлена информационная война Запада, чтобы «сменить русло этого течения», совершить переворот в России «не своими руками». Полагаем, что повлиять на это также можно с помощью просветительской патриотической программы в высших учебных заведениях, где, помимо российской государственности, рассматривались бы и современные общемировые проблемы (горячие и тлеющие конфликты: Израиль — Палестина, Тайвань — Китай, КНДР — Южная Корея), распространение которых, безусловно, повлияет и на внутреннюю обстановку в нашей стране. Молодое поколение должно понимать, что происходит не только в их государстве, но и в мире в целом, для того чтобы их мировоззрение было более устойчиво к западной пропаганде. Именно такие локальные конфликты приводят к развитию этнорелигиозного, политического, национально- и иных видов экстремизма, поскольку таким образом представители тех или иных государств, находясь за его пределами, пытаются поддержать своих соотечественников [11]. В свете последних мировых событий ярким примером тому служит факт рисования звезды Давида на домах, где живут евреи, в Германии [12];

4) вышеуказанная причина тесно переплетается с *информационной безграмотностью*. Для начала разберемся с терминологией. Информационная грамотность — это способность к поиску, агрегации, проверке достоверности и анализу информации. Впервые понятие «информационная грамотность» было введено в 1977 г. в США и ис-

пользовано в национальной программе высшего образования [13]. В России о таком понятии, как информационная грамотность, стали говорить благодаря участию в программе ЮНЕСКО «Информация для всех» начиная с 2002 г. [14], спустя 25 лет после введения этого понятия в США. После приведенных фактов становится понятно, почему России так сложно дается противостоять информационной войне. Мы гораздо позже «вошли в эту игру». Конечно, с этой проблемой также нужно бороться, не забывая при этом о работе, которая в настоящее время направлена на поднятие патриотического духа. Причем информационно безграмотны по-своему практически все пользователи вне зависимости от возраста, социального статуса, уровня образования, а выработанные методы нейролингвистического программирования охватывают всех. На современном этапе наблюдается обострение проблемы «отцов и детей» в ее современной интерпретации — родители должны объяснять подрастающему поколению происходящие в обществе перемены, новую культуру, освоение интернет-пространства. Однако современной общественной нестабильности, нацеленности молодежи преимущественно на борьбу за удовлетворение первичных потребностей способствует отставание (неуспевание, неспособность) старшего поколения в своевременном освоении технических и информационных технологий, что препятствует оказанию поддержки молодежи и помощи в социализации.

Система предупреждения вовлечения молодежи в антиобщественную деятельность и совершения преступлений экстремистской направленности недостаточно эффективна в условиях постоянного совершенствования сетевых технологий, в т. ч. все большей популяризации, доступности и стремительного развития ресурсов теневого сегмента интернета (так называемого даркнета — англ. DarkNet), повсеместной глобализации [15]. Представители экстремистской идеологии свободно ориентируются в современных технологиях и интернет-пространстве, используют все новые и новые методы для продвижения своих идей, а также привлечения сторонников в свои ряды. И, конечно же, основным «полем боя» выступают социальные платформы.

Одна из тенденций последних лет — это недоверие привычным средствам массовой информации и в связи с этим создание негативной среды формирования личности, результат — у людей искаженная картина мира из тех сведений, которые они получили в социальных сетях и мессен-

джерх. Это вызывает озабоченность государств, ведь социальные платформы выступают в качестве площадки для манипуляций сознанием пользователей, а также являются основным источником распространения недостоверной информации, экстремизма и пр. Кроме того, управление общими социальными сетями и мессенджерами сосредоточено в «одних руках», которые осуществляют фильтрацию информации с целью продвижения «нужного» контента, в т. ч. путем поднятия его трастовости. Отсюда вытекают определенные сложности, связанные с выявлением и блокировкой вредоносной информации в социальном сегменте сети Интернет.

Начнем с блокировки. Как мы знаем, в России вот уже 11 лет действует Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено¹. Конечно, этот реестр работает и дает свои результаты, но есть некоторые недостатки, которые существенно усложняют работу по противодействию распространению противоправного контента:

- во-первых, закрытие интернет-ресурсов возможно только по решению суда или после решения уполномоченных Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти о наличии определенных критериев, указанных в ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²;

- во-вторых, распространители запрещенного контента достаточно быстро научились «обходить» блокировки путем переноса своей информации на другой интернет-ресурс (создание нового сайта/аккаунта в социальной сети), что требует повторного выявления, составления обращения/жалобы, вынесения решения по блокировке;

- в-третьих, злоумышленники не только уходят в теневой сегмент глобального сетевого пространства, но и в связи с его популяризацией как места свободного общения активно используют его для

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

продвижения, по сути, среди лиц, стремящихся получить доступ к запрещенному контенту;

- в-четвертых, запрещенный контент анализируется вручную, что требует больших человеческих ресурсов, а также большого количества времени.

Также необходимо отметить, что для того чтобы что-то заблокировать, нужно для начала это выявить. С этим до последнего времени возникали огромные сложности, поскольку это ручной труд, а значит требуется много человеко-часов. Как правило, контент блокируется по жалобе (либо в самой социальной сети через меню «Пожаловаться» и выбирается из предоставленного перечня подходящее, либо через официальное обращение в Роскомнадзор, что гораздо дольше и пользуются этим, как правило, нечасто, в т. ч. из-за отсутствия умений и стремления в широких массах использовать данный инструмент).

Будем надеяться, что с выявлением деструктивной информации удастся справиться благодаря системе автоматического поиска запрещенного контента «Окулус», запущенной в феврале 2023 г. «Главная задача системы — это выявление нарушений российского законодательства в изображениях и видеороликах», — уточнил представитель подведомственного Роскомнадзору Главного радиочастотного центра (ФГУП ГРЧЦ) [16]. Отмечается, что система будет совершенствоваться, и к 2025 г. ее «научат» более детально анализировать действия людей в интернет-пространстве. Тем не менее система будет автоматически только находить информацию, сбор данных не входит в ее функцию, а потому после аналитики искусственного интеллекта очень важно делать и ручную выборку такой информации, проверять работу искусственного интеллекта и уже заниматься с конкретными фактами. Пока выявленная информация не будет автоматически куда-либо отправляться, в т. ч. для возбуждения административных и уголовных дел, а также для внесения в реестр запрещенных сайтов. Возможно, это будет сделано в дальнейшем, что существенно сократит человеко-часы, а также облегчит работу ведомственным структурам. В связи с этим остро стоит вопрос подготовки кадров, которые бы смогли использовать возможности нейросетей по выявлению, автоматической блокировке соответствующих ресурсов (целиком сайтов, отдельных страниц) и уведомлению правоохранительных органов о размещении и продвижении противоправной информации;

5) следующим достаточно сложным моментом для осуществления противодействия моло-

дежному экстремизму выступает то, что *в России наибольшую популярность имеют зарубежные социальные сети*. И несмотря на запрет деятельности ряда из них на территории Российской Федерации, ими можно пользоваться (это уголовно ненаказуемо) с помощью специальных технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх чьей-либо другой сети (сайты анонимайзеры, прокси-сервера, технологии VPN (от англ. virtual private network — виртуальная частная сеть)) [17].

1 ноября 2022 г. Совет блогеров, созданный при Совете Федерации, попросил снять блокировку с социальных сетей Instagram и Facebook¹. По мнению авторов обращения к Президенту, ограничение доступа к указанным социальным сетям несет риски для всей страны, т. к. Россия «утратила эффективный канал для формирования позитивного имиджа», а пользователи — возможности «создавать контент, направленный на отстаивание интересов страны». Мы поддерживаем подобную блокировку, несмотря на аргументы представителей Совета блогеров, что российские социальные сети за период действующего запрета не набрали такую же популярность, как Instagram, и утраченные каналы связи нужны для противостояния ведущейся информационной войне, которая очерняет образ не только российских граждан, но и нашего государства в целом. Однако у отечественных регуляторов отсутствует возможность исключения из инфополя недостоверной и ложной информации в связи с нежеланием администраций блокируемых социальных сетей конструктивно сотрудничать и взаимодействовать. По нашему мнению, позитивен факт того, что достаточно большое количество пользователей просто отказались от западных социальных сетей из-за их блокировки, преодоление которой требует определенных действий и навыков, что дает возможность набрать популярность отечественным платформам. Кроме того, в отечественном сегменте появляются необходимые «утраченные» инструменты. Так, например, в «ВКонтакте» стала также работать реклама, на которой блогеры активно зарабатывали в Instagram². С помощью такого мощного инструмента воздействия на подсознание человека, как рекламная кампания, можно не только зарабатывать, вовлекать в экономическую деятельность,

тем самым улучшать финансовое положение граждан и развивать реальный сектор отечественной экономики, но и распространять позитивный социальный контент, который будет направлен как раз на противодействие экстремистским идеям и настроениям среди молодежи.

Еще раз отметим, что зарубежные социальные платформы обладают встроенными элементами автоматического распознавания и фильтрации контента с последующей его блокировкой по заданным параметрам, т. е. заблокировать могут не только запрещенную информацию, но и нежелательную для обсуждения в настоящее время по тем или иным причинам и параметрам (как правило, с целью продвижения конкретного контента и идей, преимущественно политических). Например, Facebook установил специальные фильтры на «чувствительные» темы вроде выборов в США — в октябре 2020 г. гигант удалил 120 тысяч постов и не дал опубликовать 2,2 миллиона рекламных объявлений по этой тематике [18].

Изложенное подтверждается словами заместителя гендиректора Института развития интернета (ИРИ) по правовым вопросам Бориса Едидина, полагающего, что одна из главных проблем в работе зарубежных коммуникационных сервисов заключается в том, что многие из них не имеют в России официальных представительств. Из-за этого они не отвечают за контент и за рассмотрение жалоб пользователей [19]. Кроме того, по этой же причине вышеуказанный набор функций по ограничению нежелательного контента недоступен в России. Конечно, хотелось бы видеть в нашей стране настолько развитые и популярные социальные платформы, которые по своему функционалу не уступали бы западным. Полагаем, что это вопрос времени.

И последней выделяемой нами сложностью в противодействии экстремизму среди молодежи выступает то, что пропагандистская работа, проводимая экстремистскими организациями, параллельно проходит в мессенджерах, которые, к сожалению, гораздо тяжелее поддаются технической очистке от запрещенного и противоправного контента в условиях использования современных цифровых инструментов (например, массовой рассылки сообщений специальными программами-ботами, которые путем использования технологий нейросетей могут имитировать реального человека, поддерживая диалог в переписке). При этом особую озабоченность вызывает развитие технологии DeepFake [20], позволяющей имитировать лицо и мимику другого человека на видеороликах

¹ Принадлежат организации Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории Российской Федерации.

² В настоящее время Instagram и Facebook запретили российским пользователям запускать рекламные кампании.

или при онлайн-общении, что в свете озвученных угроз и тенденций приведет к новому всплеску распространения недостоверной и ложной информации, например:

- распространение манипулятивных видеоматериалов, на которых лидеры экстремистского движения обращаются к узким социальным группам людей, являющихся целью атаки или провокации, со стороны третьих лиц;

- создание и распространение видеоматериалов, содержащих ложную информацию, призывы к насилию и разжиганию ненависти, продвижение идеологии экстремистов, используя для этого внешность знаменитостей или авторитетных личностей;

- скоординированные атаки на личность путем изготовления ложных видеоматериалов, на которых она совершает дискредитирующие действия.

В связи с этим уже сейчас в срочном порядке необходимо готовить правовые и технологические решения противодействия будущим угрозам национальной безопасности Российской Федерации.

На наш взгляд, пока технически не найден способ решения проблемы, и государством вырабатываются средства противодействия современным цифровым экстремистским и террористическим угрозам в реальной жизни и информационном пространстве не только на глобальном, но и на национальном уровнях: нужно бороться за сердца и умы людей, создавая как можно больше позитивного социального контента, чтобы таким образом

подавлять распространение экстремизма и прочей деструктивной информации среди молодежи.

Отметим, что превентивная деятельность по борьбе с молодежным экстремизмом в нашем понимании должна строиться по следующим направлениям:

- поднятие патриотического духа и общего уровня знаний истории (в рамках учебных заведений);

- борьба с правовым нигилизмом;

- повышение уровня информационной грамотности;

- блокировка вредоносной информации в сети Интернет;

- развитие отечественных социальных платформ, которые по своему функционалу (как для пользователей, так и для государства) не будут уступать западным;

- создание и активное распространение позитивного контента в виртуальном пространстве;

- прогнозирование применения вновь появляющихся цифровых технологий в преступных целях, в т. ч. экстремистской и террористической направленности, и опережающая их разработка мер по противодействию им.

Для борьбы с молодежным современным экстремизмом, который постоянно трансформируется и находит все новые и новые пути распространения, необходимо правильно организовать качественную превентивную работу, которая будет охватывать все вышеуказанные направления.

Список источников

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: [http://www/crimestat.ru/offenses_table](http://www.crimestat.ru/offenses_table) (дата обращения: 17.02.2023).

2. Первушина В. Н., Морозова Н. М., Остапенко В. С. Философско-мировоззренческая картина мира и ценностное основание прав человека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 3 (45). С. 30–38.

3. Памятники Степану Бандере. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.02.2023).

4. Герой Украины. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.02.2023).

5. Зеленского попросили вернуть звание Героя Украины Бандере и Шухевичу. URL: <https://ria.ru/20201223/zelenskiy-1590612926.html> (дата обращения: 19.02.2023).

6. С 1 сентября запущен курс «Основы российской государственности». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/> (дата обращения: 19.02.2023).

7. Как Трутнев предложил развивать патриотическое воспитание в вузах. URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 19.02.2023).

8. Россию не пригласили на мероприятия по случаю годовщины освобождения Освенцима. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16880963> (дата обращения: 19.02.2023).

9. СМИ о церемонии в Освенциме: освобождал СССР, а пригласили немцев. URL: <https://ria.ru/20150119/1043285890.html> (дата обращения: 19.02.2023).

10. СМИ: освобождал Освенцим СССР, а на церемонию пригласили немца. URL: <https://topwar.ru> (дата обращения: 19.02.2023).

11. Иванченко Р. Б. К вопросу о предупреждении этнорелигиозного экстремизма // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1–2. С. 46–49.
12. В Берлине на домах евреев начали рисовать звезду Давида. URL: <https://dzen.ru> (дата обращения: 19.10.2023).
13. Информационная грамотность. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.02.2023).
14. Программа ЮНЕСКО «Информация для всех»: пять лет в России (2002–2007). URL: <https://www.ifap.ru/ofdocs/ifapru5.pdf> (дата обращения: 19.02.2023).
15. Миненко П. В., Поправко А. С. Противодействие экстремистским сообществам в сети Интернет // Актуальные вопросы противодействия экстремизму и терроризму: сборник мат-лов межвузовского круглого стола (Воронеж, 12 ноября 2014 г.). Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. С. 39–42.
16. Роскомнадзор запустил систему автоматического поиска запрещенного контента «Окулус». URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 20.02.2023).
17. What is a VPN? — Virtual Private Network. URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/products/security/vpn-endpoint-security-clients/what-is-vpn.html> (дата обращения: 21.02.2023).
18. Facebook и Instagram удалили 120 тыс. постов за вмешательство в выборы. URL: <https://www.interfax.ru/world/732108> (дата обращения: 21.02.2023).
19. Источник ненависти, разногласий и недоверия. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/12/01/opasno/> (дата обращения: 21.02.2023).
20. Батоев В. Б., Пучнин А. В. Использование технологии Deepfake в преступной деятельности: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 165–169.

References

1. Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: http://www.crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 17.02.2023).
2. Pervushina V. N., Morozova N. M., Ostapenko V. S. Filosofsko-mirovozzrencheskaya kartina mira i cennostnoe osnovanie prav cheloveka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2022. № 3 (45). С. 30–38.
3. Pamyatniki Stepanu Bandere. Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.02.2023).
4. Geroj Ukrainy. Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.02.2023).
5. Zelenskogo poprosili vernut' zvanie Geroya Ukrainy Bandere i Shuhevichu. URL: <https://ria.ru/20201223/zelenskiy-1590612926.html> (дата обращения: 19.02.2023).
6. S 1 sentyabrya zapushchen kurs «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/> (дата обращения: 19.02.2023).
7. Kak Trutnev predlozhit' razvivat' patrioticheskoe vospitanie v vuzah. URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 19.02.2023).
8. Rossiyu ne priglasili na meropriyatiya po sluchayu godovshchiny osvobozhdeniya Osvencima. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16880963> (дата обращения: 19.02.2023).
9. SMI o ceremonii v Osvencime: osvobozhdal SSSR, a priglasili nemcev. URL: <https://ria.ru/20150119/1043285890.html> (дата обращения: 19.02.2023).
10. SMI: osvobozhdal Osvencim SSSR, a na ceremoniyu priglasili nemca. URL: <https://topwar.ru> (дата обращения: 19.02.2023).
11. Ivanchenko R. B. K voprosu o preduprezhdenii etnoreligioznogo ekstremizma // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. 2016. № 1–2. С. 46–49.
12. V Berline na domah evreev nachali risovat' zvezdu Davida. URL: <https://dzen.ru> (дата обращения: 19.10.2023).
13. Informacionnaya gramotnost'. Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.02.2023).
14. Programma YuNESKO «Informaciya dlya vsekh»: pyat' let v Rossii (2002–2007). URL: <https://www.ifap.ru/ofdocs/ifapru5.pdf> (дата обращения: 19.02.2023).

15. Minenko P. V., Popravko A. S. Protivodejstvie ekstremistskim soobshchestvam v seti Internet // Aktual'nye voprosy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu: sbornik mat-lov mezhvuzovskogo kruglogo stola (Voronezh, 12 noyabrya 2014 g.). Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2015. S. 39–42.
16. Roskomnadzor zapustil sistemu avtomaticheskogo poiska zapreshchennogo kontenta «Okulus». URL: <https://www.vedomosti.ru/> (data obrashcheniya: 20.02.2023).
17. What is a VPN? — Virtual Private Network. URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/products/security/vpn-endpoint-security-clients/what-is-vpn.html> (data obrashcheniya: 21.02.2023).
18. Facebook i Instagram udalili 120 tys. postov za vmeshatel'stvo v vybory. URL: <https://www.interfax.ru/world/732108> (data obrashcheniya: 21.02.2023).
19. Istochnik nenavisti, raznoglasij i nedoveriya. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/12/01/opasno/> (data obrashcheniya: 21.02.2023).
20. Batoev V. B., Puchnin A. V. Ispol'zovanie tekhnologii Deepfake v prestupnoj deyatel'nosti: problemy protivodejstviya i puti ih resheniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 165–169.

Библиографический список

1. Асташкин Д. Ю. Противодействие экстремизму и терроризму в социальных сетях // Вестник национального антитеррористического комитета. 2016. № 2. С. 38–41.
2. Бочанов М. А., Устинович Е. С. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в социальных сетях как одно из важных направлений государственной политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 110–119.
3. Котлярова В. В., Шубина М. М., Сысоева О. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях: специфика и теоретическое осмысление // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2016. № 5. С. 95–99.
4. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 115–120.
5. Пучнин А. В., Миненко П. В. Цифровое оружие совершения преступлений XXI века: предмет, средство, орудие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 111–117.
6. Рузавина А. К. Интернет и социальные сети как фактор распространения молодежного экстремизма // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 4 (68). С. 1174–1181.
7. Токбаев А. А. Современные тенденции развития экстремизма в социальных сетях // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 109–112.
8. Шут О. А. Экстремизм в цифровом пространстве социальных сетей: способы совершения и детерминанты // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18. № 1. С. 96–102.

Сведения об авторах

М. Ю. Пучнина — кандидат юридических наук.

А. В. Пучнин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. Yu. Puchnina — Candidate of Science (Law).

A. V. Puchnin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023; одобрена после рецензирования 07.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 19.10.2023; approved after reviewing 07.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 150–160.
Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 150–160.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 330.101.52:343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ, СТРУКТУРЫ И КОРРЕЛЯЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ УГОЛОВНО-СТАТИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПНОСТИ

Павел Владимирович Тепляшин¹, Вячеслав Витальевич Молоков²

^{1,2} Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия

¹ pavlushat@mail.ru

² vvmolokov@mail.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на роль статистического анализа в криминологических исследованиях криминальных явлений и процессов. Применительно к изучению преступности в качестве основных методов статистического анализа предлагается выделить многомерный статистический анализ, метод динамических рядов и параметрический метод, анализ абсолютных и относительных величин. Осуществлена статистическая оценка шестидесяти двух уголовно-статистических признаков преступности за период с 2010 по 2022 г. Результаты статистического анализа динамики и структуры преступности в Российской Федерации проиллюстрированы соответствующими диаграммами и графиками. Представлено двенадцать показателей преступности, обладающих наиболее сильной корреляционной связью. Выводы отражают выявленные особенности, характер и криминологическое значение корреляционных связей уголовно-статистических признаков преступности.

Ключевые слова: коэффициент корреляции, разбой, преступления, совершенные в группе, социальные последствия, уголовное наказание, цена преступности

Для цитирования: Тепляшин П. В., Молоков В. В. Криминологический анализ динамики, структуры и корреляционных связей уголовно-статистических признаков преступности // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 150–160.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF DYNAMICS, STRUCTURE AND CORRELATIONS OF CRIMINAL AND STATISTICAL CHARACTERISTICS OF CRIME

Pavel V. Teplyashin¹, Vyacheslav V. Molokov²

^{1,2} Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

¹ pavlushat@mail.ru

² vvmolokov@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the role of statistical analysis in criminological research of criminal phenomena and processes. With regard to the study of crime as the main methods of statistical analysis it is proposed to include multivariate statistical analysis, the method of dynamic series and parametric method, the analysis of absolute and relative values. Statistical evaluation of sixty-two criminal and statistical features of crime for the period from 2010 to 2022 has been carried out. The results of statistical analysis of the dynamics and structure of crime in the Russian Federation are illustrated by the corresponding diagrams and charts. Twelve crime indicators with the strongest correlation are presented. The conclusions reflect the identified features, nature and criminological significance of correlations of criminal and statistical characteristics of crime.

Keywords: correlation coefficient, robbery, crimes committed as a group, social consequences, comparison of averages, criminal punishment, price of crime

For citation: Teplyashin P. V., Molokov V. V. Criminological analysis of dynamics, structure and correlations of criminal and statistical characteristics of crime. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;4:150–160 (In Russ.).

Качество криминологических исследований во многом зависит от методов, которые используются для анализа поставленной проблемы, достижения поставленных цели и задач, обоснования сформулированных выводов и предложений. При криминологических исследованиях широко пользуются уже достаточно обширной номенклатурой методов научного поиска. Методология таких исследований, с одной стороны, предполагает, что каждый из них является рычагом для подъема завесы, отделяющей криминолога от истинного состояния изучаемого явления в определенной сфере знаний, тогда как в своей совокупности данные методы способны обеспечить познание синтезированной области знаний. Именно поэтому в криминологических исследованиях целесообразно стремление к использованию комплекса соответствующих методов. Ведь в специальных исследованиях справедливо указывается, что особенность «криминологии как науки в первую очередь характеризуется ярко выраженными междисциплинарными связями. Это обусловлено тем, что в рамках своего предмета она охватывает проблемное поле и имплементирует знания уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминалистики, социологии, политологии, антропологии, психологии, психиатрии, судебной медицины, педагогики, информатики, кибернетики и иных наук» [1, с. 55].

С другой стороны, методология криминологических исследований предполагает, что применительно к соответствующему элементу (компоненту) предмета криминологии может быть наиболее «подходящим» конкретный метод научного поиска. В частности, применительно к изучению преступности как социально-правового явления использование статистического анализа позволяет получить репрезентативное количественное измерение (оценку) тех или иных криминальных проявлений, что традиционно выступает практическим ориентиром для правоохранительной деятельности. Кроме того, применение статистического анализа обеспечивает интегральный учет всех используемых исходных данных, оказывающих значительное или минимальное влияние на динамику и структуру показателей криминальной активности населения, а также возможность получения динамических характеристик преступности за длительный период времени. При этом использование статистического анализа криминальных явлений приобрело стабильное перемещение с периферии исключительно математических действий в центральную область криминологических исследований. В этом заключается соответствующий

тренд применения статистического анализа в криминологических исследованиях.

Сложно не согласиться с А. В. Майоровым в том, что «научное познание, в отличие от обыденного, обладает рядом специфических черт, характеризующих уровни научного познания, критерии научности, стиль научного мышления» [2, с. 379]. Соответственно, применение статистического анализа в криминологии обладает всеми качествами научного познания криминальных явлений и процессов, способствует получению достоверных знаний о социально-правовой действительности, сопутствующей всему многообразию преступности. Такому многообразию корреспондируют различные приемы и способы сбора, представления, обобщения и интерпретации полученных сведений. Как результат, статистический анализ предполагает применение достаточно объемного перечня методов. Применительно к изучению преступности как социально-правового и относительно-массового явления окружающей действительности к основным методам статистического анализа представляется возможным отнести многомерный статистический анализ, параметрический метод (для расчета коэффициентов корреляции Пирсона), метод динамических рядов, анализ абсолютных и относительных величин, сравнение средних, а также так называемый канонический корреляционный анализ.

Значительный научный интерес представляет криминологический анализ уголовно-статистических признаков, либо иначе показателей преступности, которые отражают широкий спектр различных криминальных проявлений, учет регистрируемых общественно опасных деяний, лиц, их совершивших, результаты работы судебных органов. Анализ данных признаков позволяет очертить не только пространственно-временные контуры самой преступности, но и неотъемлемую сопутствующую деятельности государства, направленную на её противодействие.

Обращение к сведениям о преступности и судебной статистике, содержащейся на сайтах «Портал правовой статистики» Генеральной прокуратуры Российской Федерации (<http://crimestat.ru>) и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (<http://cdep.ru>), позволило выявить 62 уголовно-статистических признака преступности, которые объединяют шесть групп: 1) общее количество зарегистрированных преступлений и категории совершенных преступлений; 2) количество осужденных лиц по приговорам, вступившим в законную силу; 3) половозрастные особенности лиц, совершивших преступления,

и состояние лица в момент совершения преступления (в алкогольном, наркотическом или ином опьянении); 4) уголовно-правовая характеристика лица, совершившего преступление (ранее судимый, совершено преступление в группе, направленность деяния по объекту состава преступления); 5) наименование преступления (в частности, кража, разбой, вымогательство); 6) вид назначенного уголовного наказания либо примененной иной меры уголовно-правового характера.

Временной ряд, охватывающий период с 2010 по 2022 г., обеспечил высокую репрезентативность полученных результатов и научную достоверность выявленных корреляционных связей всех шестидесяти двух признаков преступности.

Криминологический анализ динамики общего числа зарегистрированных преступлений, числа

осужденных лиц по приговорам, вступившим в законную силу, и освобожденных лиц демонстрирует стабильное постепенное снижение данных показателей. Динамика указанных показателей преступности в Российской Федерации представлена на диаграмме 1. Статистическая оценка данных показателей выступает, во-первых, отправной точкой для последующих количественных измерений криминальных проявлений, во-вторых, фоновым тезисом-гипотезой о снижении криминальной активности населения как общей закономерности развития преступности. В этом контексте необходимо согласиться, безусловно, с точным мнением А. Л. Репецкой о том, что современная российская преступность вписывается в мировой тренд «великого снижения преступности» (Great Crime Drop) [3, с. 151].

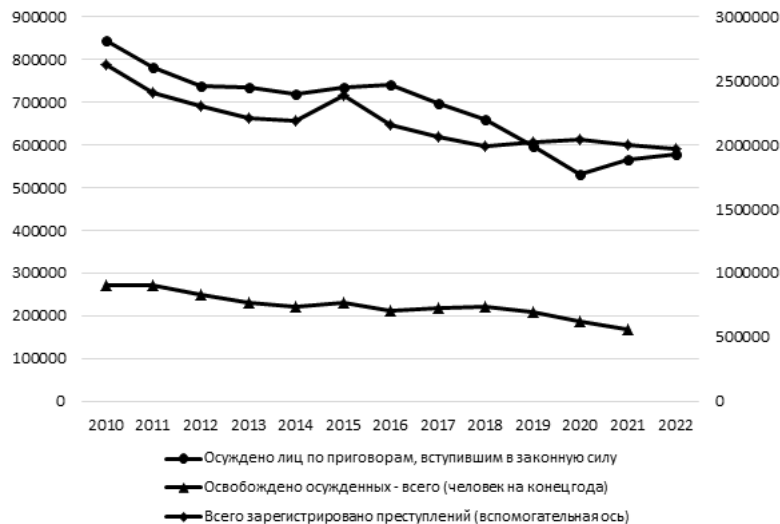

Диаграмма 1. Динамика общего числа зарегистрированных преступлений и числа осужденных лиц по приговорам, вступившим в законную силу, в Российской Федерации за период 2010–2022 гг.

В рамках динамики рассматриваемых показателей преступности стоит отметить оценки их средних темпов роста за указанный интервал времени: всего зарегистрировано преступлений — 97,6 %; освобождено осужденных на конец года — 95,7 %; осуждено лиц по приговорам, вступившим в законную сил, — 96,9 %. Данные темпы роста отражают среднюю геометрическую величину за десятилетний интервал времени и демонстрируют отрицательные (менее 100 %) величины. Однако наблюдаются практически равные темпы снижения данных показателей, т. е. их ощутимая корреляционная связанность. Следовательно, на динамику общего числа зарегистрированных преступлений, числа

осужденных лиц по приговорам, вступившим в законную силу, и освобожденных лиц оказывают в основном равное влияние социально-экономические процессы, криминальные явления и уголовно-статистические закономерности.

Общему снижению состояния преступности в Российской Федерации синхронизирует изменение состава (структуры) преступности. В первой группе соответствующих показателей находится характеристика преступности в зависимости от категоризации образующих её преступлений. Так, динамика изменений криминальных показателей по категориям преступлений представлена в таблице 1.

Динамика изменений показателей преступности по категориям преступлений в Российской Федерации за период 2010–2022 гг.

Год	Категории			
	преступления не- большой тяжести	преступления средней тяжести	тяжкие престу- пления	особо тяжкие пре- ступления
2010	931 370	1 013 082	567 064	117 283
2011	877 009	920 291	494 910	112 597
2012	947 376	784 988	458 015	111 789
2013	928 424	740 159	419 047	118 617
2014	930 356	728 834	403 582	127 806
2015	1 048 467	820 354	393 295	126 360
2016	953 895	748 387	350 357	107 422
2017	914 535	706 636	323 591	113 712
2018	883 301	660 056	335 973	112 201
2019	875 332	654 912	389 373	104 719
2020	845 487	635 527	453 356	109 848
2021	839 921	604 403	446 013	114 066
2022	830 804	598 993	412 218	124 779

Средние значения темпов роста показателей преступности по категориям преступлений за период 2010–2022 гг. составляют 99,1 % применительно к преступлениям небольшой тяжести; 95,7 % — преступлениям средней тяжести; 97,4 % — тяжким преступлениям и 100,5 % — особо тяжким. Однако средние значения темпов роста тех же показателей за период 2017–2022 гг. (короткий временной интервал) несколько иные: 97,7 % — применительно к преступлениям небольшой тяжести; 96,4 % — преступлениям средней тяжести; 102,7 % — тяжким преступлениям и 102,5 % — особо тяжким. Указанные статистические сведения демонстрируют более интенсивный рост удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве всех регистрируемых общественно опасных деяний именно за короткий временной интервал. Это объясняется тем, что начиная с 2017 г., во-первых, правоохранительные органы активизировали деятельность по реализации уголовного законодательства в части противодействия рейтинговым преступным посягательствам (в частности, против жизни и здоровья, на половую неприкосновенность, в сфере

незаконного оборота наркотиков, террористической направленности), как правило, являющимся тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Ведь борьба с таким видом преступности обусловлена тем, что, в первую очередь, образующая её категория особо тяжких преступлений «является наиболее значимой категорией преступных деяний, поскольку в большей степени влияет на направления уголовной политики с учетом негативных тенденций в обществе. Деяния, включенные в данную категорию, в значительной мере определяют криминогенность общества и его нравственное развитие» [4, с. 239]. Во-вторых, общая и специально-криминологическая профилактика преступности стала постепенно выдавливать из криминального поля деяния, относящиеся к преступлениям небольшой и, особенно, средней тяжести.

Можно резюмировать фиксацию в целом достаточно значительного удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве всех регистрируемых общественно опасных деяний. Средние значения доли соответствующих категорий преступлений за короткий временной интервал изображены на диаграмме 2.

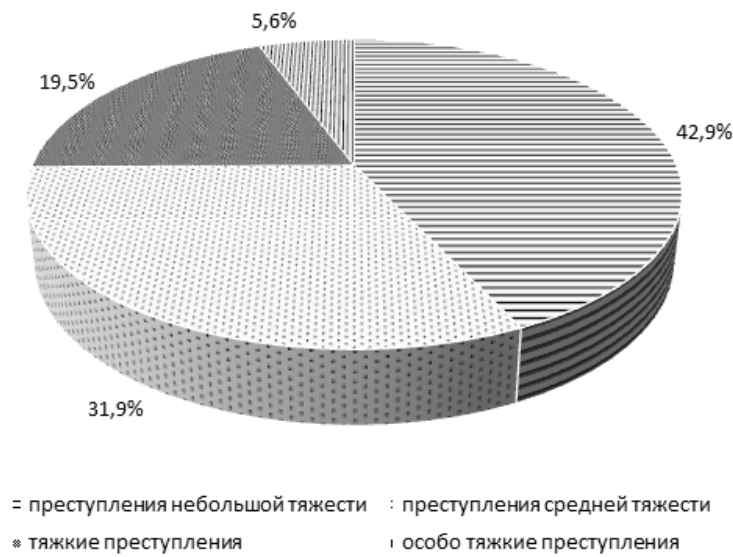

Диаграмма 2. Средние значения удельного веса регистрируемых в Российской Федерации преступлений по категориям за период 2017–2022 гг.

Обращаясь к динамическим показателям числа осужденных за совершение преступлений по различным категориям, необходимо констатировать достаточно стабильное снижение данного признака по лицам, привлеченным к ответственности за преступления тяжкие и средней тяжести. Причем во втором случае амплитуда снижения является наиболее значительной — от почти 300 тыс. осужденных в 2010 г. до чуть более 100 тыс. в 2022 г. Однако применительно к осужденным за преступления небольшой тяжести снижение более чем за десятилетний период времени оказалось незначительным — от чуть более 300 тыс. в 2010 г. до немногим менее 300 тыс.

в 2022 г. (причем со значительным всплеском в 2016 г. и явно обозначившимся ростом начиная с 2020 г.). Крайне незначительным видится снижение числа осужденных за особо тяжкие преступления, что свидетельствует об избирательном (применительно к соответствующей категории преступлений) и достаточно репрессивном отношении системы уголовного правосудия к лицам, характеризующимся наиболее высокой криминальной пораженностью.

Динамика числа осужденных лиц за совершение преступлений по различным категориям в Российской Федерации за период 2010–2022 гг. представлена на диаграмме 3.

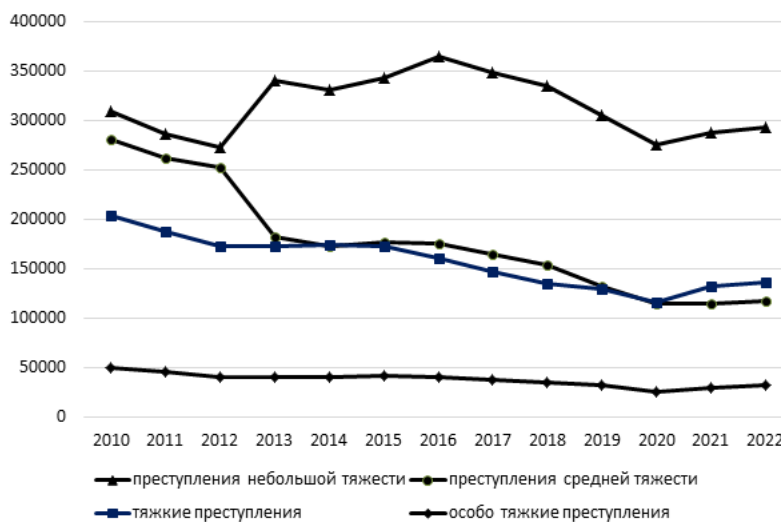

Диаграмма 3. Динамика числа осужденных лиц за преступления по различным категориям в Российской Федерации за период 2010–2022 гг.

Средние темпы роста числа осужденных по категориям преступлений за период 2010–2022 гг. составляют 99,5 % среди лиц, осужденных за преступления небольшой тяжести; 93 % — преступления средней тяжести; 96,7 % — тяжкие преступления и 96,4 % — особо тяжкие преступления. Оценки средних темпов роста тех же показателей, но за период 2017–2022 гг. почти полностью совпадают: 96,4 % — среди лиц, осужденных за преступления небольшой тяжести; 93,6 % — преступления средней тяжести; 97,2 % — тяжкие и 96,3 % — особо тяжкие преступления. Наибольшее расхождение

средних темпов роста наблюдается среди лиц, осужденных за преступления небольшой тяжести, с разницей в 3,1 % в меньшую сторону за короткий временной интервал, что свидетельствует о более уверенном, но дискретном снижении данного показателя за шестилетний период времени, а также дает основания презюмировать сохранение данной тенденции в ближайшие годы.

Средние значения удельного веса осужденных по соответствующим категориям преступлений за короткий временной интервал представлены на диаграмме 4.

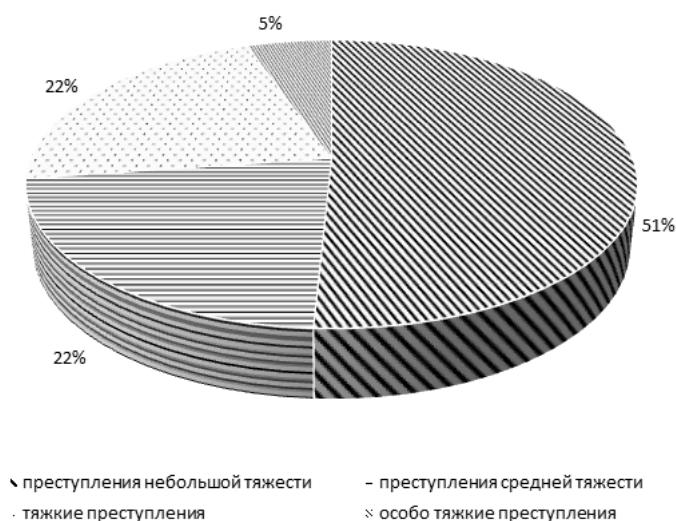

Диаграмма 4. Средние значения удельного веса осужденных лиц по категориям преступлений в Российской Федерации за период 2017–2022 гг.

Статистический анализ позволяет определить гендерные особенности современной преступности. Для обоснования корреляционных взаимосвязей признаков преступности (как было отмечено ранее, вся выборка насчитывает 62 признака) целесообразно указать на превалирование удельного веса осужденных лиц в возрасте 30–49 лет, доля которых ежегодно за короткий временной интер-

вал превышает 50 %. Это свидетельствует о высокой степени криминальной пораженности «сердцевины» трудоспособного населения (так называемый «главный рабочий возраст»).

На диаграмме 5 изображена диаграмма средних значений удельного веса осужденных лиц, сгруппированных по возрастам, за период 2017–2022 гг.

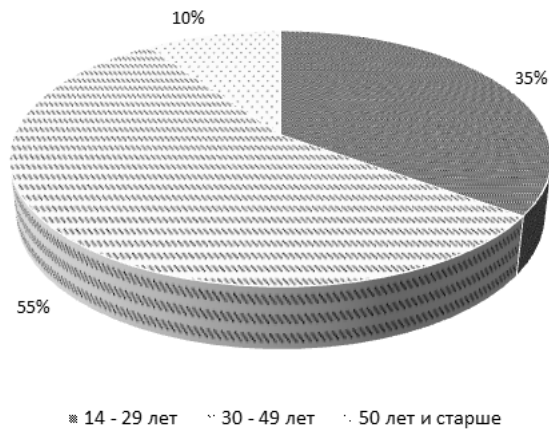

Диаграмма 5. Средние значения удельного веса осужденных лиц по возрастам в Российской Федерации за период 2017–2022 гг.

Характеристика осужденных по полу в среднем за период 2017–2022 гг. распределена в следующих долях: женщины — 14 %, мужчины — 86 %.

Наибольшую долю (в среднем) из общего числа осужденных за период 2010–2022 гг. составляют ранее судимые лица (имеющие неснятую или непогашенную судимость) — 37,4%. В этой связи сложно отрицать, что последующее активное криминальное «поведение лиц, ранее совершавших преступления, главным образом обусловлено следующими факторами:

- низким уровнем образования, правовой культуры и воспитания, алкогольной и наркотической зависимостью, а также отсутствием постоянного источника дохода;

- неудовлетворительным состоянием работы по ресоциализации ранее судимых лиц» [5, с. 100]. Не случайно ряд исследователей обоснованно указывают на то обстоятельство, что отсутствие должной системы ресоциализирующих [6, с. 140] и адаптационных [7, с. 63–66] мероприятий продуцирует рост повторной преступности.

К сожалению, достаточно значительным является удельный вес (29,7 %) лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, из общего числа осужденных за период 2010–2022 гг. Это криминологически важная область дальнейшего научного исследования, поскольку совершение каждым третьим преступником общественно опасного деяния в состоянии алкогольного опьянения свидетельствует о высокой степени социально-личностной негативной пораженности таких лиц. Так, «криминогенная личность, ориентированная исключительно на "алкогольное мировосприятие" и удовлетворение примитивных, эгоистических

потребностей, не способна критически мыслить, брать на себя ответственность, строить реальные планы на будущее, вести законопослушный образ жизни» [8, с. 95].

Также обращаем внимание, что 12,8 % лиц из общего числа осужденных за период 2010–2022 гг. совершили преступления в составе группы лиц. С учетом того, что использование статистических методов базируется на данных официальной статистики, обозначенная цифра фактически находится на отметке около 20 %. Более того, как справедливо отмечает А. В. Шеслер, «эти данные отражают только те преступления, которые совершены в соучастии, и не отражают другие формы групповых преступлений. В частности, как групповое преступление в уголовной статистике не отражается выполнение объективной стороны состава преступления несколькими лицами...» [9, с. 249].

Применение статистического исследования показателей преступности по направленности общественно опасных деяний за период с 2010 по 2022 г. обнаруживает, что чуть более трети всех осужденных приходится на лиц, совершивших преступления против собственности, из них 26,3 % кражи. Другая треть приходится на лиц, совершивших преступления против жизни и здоровья, безопасности движения и эксплуатации транспорта, общественно опасные деяния против здоровья населения и общественной нравственности, в т. ч. 13,5 % приходится на преступления, предусмотренные ст. 228–234 УК РФ. Эти группы осужденных отражают наиболее криминально пораженные уголовно-статистические признаки преступности. Однако, например, на лиц, совер-

шивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, приходится немногим больше одного процента в общем массиве осужденных. Вместе с тем реализация многомерного анализа криминологических показателей преступности может привести к обнаружению корреляционных связей, которые будут охватывать в том числе осужденных, не обязательно входящих в упомянутые выше наиболее кри-

минально пораженные уголовно-статистические признаки преступности. Данная особенность будет сформулирована в качестве самостоятельной тенденции далее по тексту.

Приведенные в таблице 2 средние значения удельного веса осужденных по видам совершенных преступлений за период 2010–2022 гг. дают возможность ознакомиться с иерархией направленности криминальной активности лиц.

Таблица 2

Средние значения удельного веса осужденных лиц по видам совершенных преступлений в Российской Федерации за период 2010–2022 гг.

Видовые группы посягательств, совершенных осужденными лицами	Удельный вес осужденных, %
преступления против собственности (ст. 158–168 УК РФ)	38,43
преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 228–245 УК РФ)	14,04
преступления против жизни и здоровья (ст. 105–125 УК РФ)	11,72
преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263–271.1 УК РФ)	11,66
преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150–157 УК РФ)	7,65
преступления против порядка управления (ст. 317–330.2 УК РФ)	6,48
преступления против правосудия (ст. 294–316 УК РФ)	2,02
преступления против общественной безопасности (ст. 205–227 УК РФ)	1,72
преступления в сфере экономической деятельности (ст. 169–200.6 УК РФ)	1,28
преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285–293 УК РФ)	1,19
преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131–135 УК РФ)	1,16
экологические преступления (ст. 246–262 УК РФ)	1,08
преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 136–149 УК РФ)	1,07
преступления против свободы, чести и достоинства личности (ст. 126–130 УК РФ)	0,09
преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 275–284.1 УК РФ)	0,08
преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201–204.2 УК РФ)	0,06
преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.1 УК РФ)	0,03

Структура лиц, которые осуждены к различным видам уголовных наказаний или к которым применены иные меры уголовно-правового характера, в среднем за период с 2010 по 2022 г. представлена на диаграмме 6. Данная группа уголовно-статистических признаков преступности на первый взгляд носит факультативный характер, поскольку образующие её показатели выступают в определенной степени только последствиями криминального поведения соответствующих лиц, выразившимися в карательной реакции государства на совершенные ими общественно опасные посягательства. Однако эти последствия можно и нужно относить к уголовно-статистическим признакам преступности, поскольку, во-первых, они являются выражением цены преступности, т. е. разновидностью социальных результатов преступности, обладающим конкретным

структурно-видовым содержанием. Так, Н. Р. Асмандиярова отмечает, что «социальные последствия преступности заключаются в качественном показателе преступности именуемом "цена" преступности» [10, с. 360]. Во-вторых, разнообразие видов уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера требует деятельности соответствующих федеральных органов исполнительной власти (в частности, ФСИН России, ФССП России), органов законодательной и судебной власти, что предполагает значительные материально-финансовые затраты, фиксируемые в государственных бюджетных расходах. В этой связи нельзя не согласиться с позицией В. В. Лунеева, согласно которой «причинение преступных последствий исторически реально предопределило... систему исполнения уголовных наказаний» [11, с. 36].

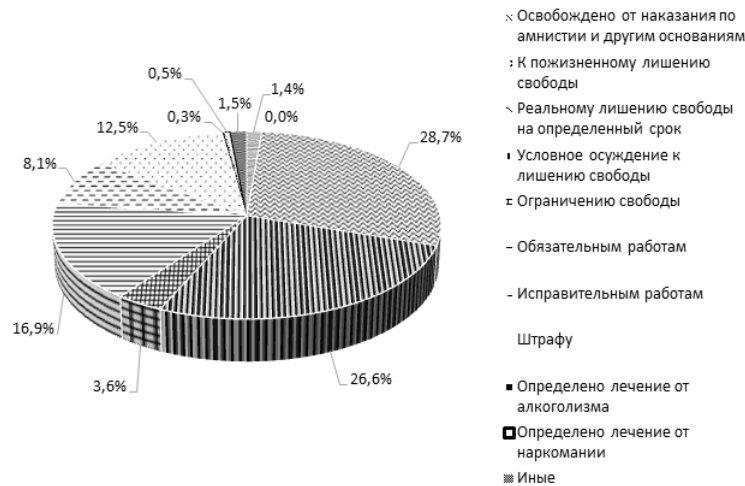

Диаграмма 6. Средние значения удельного веса лиц по структуре примененных мер уголовно-правового характера в Российской Федерации за период 2010–2022 гг.

В целях оценки корреляционной взаимосвязи изучаемых признаков проведено вычисление парных значений с применением коэффициентов корреляции Пирсона. На основе построенной корреляционной матрицы, включающей 62 уголовно-статистических признака преступности, были определены средние по модулю значения парных коэффициентов корреляции по каждому показателю. При этом каждый из попарно анализируемых признаков отвечает таким требованиям достоверности корреляционного анализа, как непрерывность, количественное измерение, нормальное (параметрическое) распределение, взаимная линейная зависимость и самостоятельная вариабельность. Количество признаков обеспечивает доста-

точный объем выборки. Глубина темпоральных замеров выборки, равная периоду с 2010 по 2022 г., позволила получить более точные коэффициенты корреляции и высокую репрезентативность полученных результатов, базирующихся на достаточно продолжительных и стабильных закономерностях «жизни» каждого из шестидесяти двух уголовно-статистических признаков преступности.

Наибольшие средние по модулю значения коэффициентов обнаружены среди следующих «избранных» показателей, между которыми установлена наиболее сильная корреляционная связь (в пределах 0,7–0,69):

1) осуждено лиц по приговорам, вступившим в законную силу;

- 2) осужденные за тяжкие преступления;
- 3) осужденные за особо тяжкие преступления;
- 4) осужденные мужчины;
- 5) осужденные женщины;
- 6) осужденные в возрасте 14–29 лет;
- 7) лица, совершившие преступление в группе;
- 8) осужденные за преступления против собственности (ст. 158–168 УК РФ);

9) осужденные за убийство и покушение на убийство (в рамках такого показателя, как осужденные за преступления против жизни и здоровья);

10) осужденные за изнасилование и покушение на изнасилование (в рамках такого показателя, как осужденные за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности);

11) осужденные за разбой (в рамках такого показателя, как осужденные за преступления против собственности);

12) лица, приговоренные к реальному лишению свободы на определенный срок.

Таким образом, результаты анализа уголовно-статистических признаков преступности позволяют сформулировать ряд следующих основных выводов, имеющих аналитическое криминологическое значение: 1) количественные изменения одного из «избранных» показателей с большой долей вероятности приводят к пропорциональному изме-

нению других «избранных» уголовно-статистических признаков преступности; 2) соответственно, даже количественно достаточно ёмкие показатели (например, осужденные за преступления против здоровья населения и общественной нравственности), не находящиеся в пуле «избранных», не имеют тесной корреляции с остальными показателями и не оказывают на них такого корреляционного влияния, какое оказывают «избранные» признаки преступности; 3) пул «избранных» признаков выступает массивом наиболее значимых (рейтинговых) показателей преступности, которые во многом отражают сердцевину («лицо») криминальных явлений и процессов современной России, стабильно проявляющихся последние десять лет; 4) ротация «избранных» показателей преступности зависит в основном не от их количественных объемов, а от стабильности темпоральных тенденций соответствующего признака: чем дольше сохраняется относительно ровный уровень регистрируемых данных по конкретному показателю, тем выше его шансы попасть в пул «избранных» уголовно-статистических признаков преступности; чем чаще меняется уровень регистрируемых данных «избранного» показателя, тем выше вероятность его выпадения из «избранного» пула уголовно-статистических признаков преступности.

Список источников

1. Пудовочкин Ю. Е., Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Интервальная методология в исследовании преступности: сущность, преимущества и перспективы // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 55–60.
2. Майоров А. В. Методологическая основа виктимологического исследования преступности: постановка проблемы // Виктимология. 2022. Т. 9. № 4. С. 377–384.
3. Репецкая А. Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 151–156.
4. Стоун Е. М. Об особенностях основных криминологических показателей особо тяжкой преступности Дальневосточного федерального округа // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 238–243.
5. Бражников Д. А., Гончарова М. В., Коваленко В. И. [и др.] Криминологическая характеристика отдельных категорий лиц, совершающих преступления в Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 2. С. 92–101.
6. Скиба А. П., Родионов А. В., Воронин М. Ю. О направлениях развития государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 1. С. 134–144.
7. Бутенко Т. П. Социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: опыт Амурской области // Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт): сборник мат-лов международной научно-практ. конф-ции. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2023. С. 63–68.
8. Филиппов А. Р. Криминологические и патопсихологические особенности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 10. С. 94–102.
9. Шеслер А. В. Методы криминологического исследования групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 247–251.

10. Асмандиярова Н. Р. Социальные последствия преступности («цена» преступности) // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2019. № 2. С. 359–363.
11. Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 36–56.

References

1. Pudovochkin Yu. E., Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Interval'naya metodologiya v issledovanii prestupnosti: sushchnost', preimushchestva i perspektivy // Obshchestvo i pravo. 2020. № 2 (72). S. 55–60.
2. Majorov A. V. Metodologicheskaya osnova viktimologicheskogo issledovaniya prestupnosti: postanovka problemy // Viktimologiya. 2022. T. 9. № 4. S. 377–384.
3. Repeckaya A. L. Sovremennoe sostoyanie, struktura i tendencii rossijskoj prestupnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 1 (54). S. 151–156.
4. Stoun E. M. Ob osobennostyah osnovnykh kriminologicheskikh pokazatelej osobo tyazhkoj prestupnosti Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 475. S. 238–243.
5. Brazhnikov D. A., Goncharova M. V., Kovalenko V. I. [i dr.] Kriminologicheskaya harakteristika otdel'nykh kategorij lic, sovershayushchih prestupleniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2017. № 2. S. 92–101.
6. Skiba A. P., Rodionov A. V., Voronin M. Yu. O napravleniyah razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v penitenciarnej sfere // Pravoprimenenie. 2023. T. 7. № 1. S. 134–144.
7. Butenko T. P. Social'naya adaptaciya lic, osvobozhdennykh iz ispravitel'nykh uchrezhdenij, s uchetom prinyatiya Federal'nogo zakona «O probacii v Rossijskoj Federacii»: opyt Amurskoj oblasti // Celi nakazaniya: ugolovnye, ugolovno-ispolnitel'nye, kriminologicheskie i inye aspekty (otechestvennyj i zarubezhnyj opyt): sbornik mat-lov mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Blagoveshchensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 63–68.
8. Filippov A. R. Kriminologicheskie i patopsihologicheskie osobennosti lic, sovershivshih prestuplenie v sostoyanii alkohol'nogo op'yaniya // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022. № 10. S. 94–102.
9. Shesler A. V. Metody kriminologicheskogo issledovaniya gruppovoj prestupnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 446. S. 247–251.
10. Asmandiyarova N. R. Social'nye posledstviya prestupnosti («цена» преступности) // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2019. № 2. С. 359–363.
11. Luneev V. V. Social'nye posledstviya, zhertvy i cena prestupnosti // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 1. С. 36–56.

Сведения об авторах

П. В. Тепляшин — доктор юридических наук, профессор.

В. В. Молоков — кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

P. V. Teplyashin — Doctor of Science (Law), Professor.

V. V. Molokov — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 02.08.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 161–166.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 161–166.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.133

ВНОВЬ К ВОПРОСУ О ЯВКЕ С ПОВИННОЙ

Татьяна Владимировна Топчиева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, tanja_top@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических и практических проблем, возникающих при получении явки с повинной, ее оценки и дальнейшего использования в процессе доказывания. Автором раскрываются признаки явки с повинной, значение, требования, предъявляемые к ней, а также анализируется следственно-судебная практика. Автором обосновывается необходимость совершенствования норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих процессуальный порядок получения явки с повинной.

Ключевые слова: явка с повинной, поводы для возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, участники уголовного процесса, доказывание

Для цитирования: Топчиева Т. В. Вновь к вопросу о явке с повинной // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 161–166.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

REVISITING THE ACKNOWLEDGEMENT OF GUILT

Tatyana V. Topchieva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, tanja_top@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical and practical problems appeared by acknowledgement of guilt, its rating and further use in the proof process. The author reveals the signs of acknowledgement of guilt, the meaning, the necessary requirements, analyzes investigative and judicial practice. The author substantiates the need to improve the norms of the criminal procedure law regulating the surrender.

Keywords: acknowledgement of guilt, reasons for initiation of criminal proceeding, verification of crime report, participants in the criminal process, proof

For citation: Topchieva T. V. Revisiting the acknowledgement of guilt. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:161–166 (In Russ.).

© Топчиева Т. В., 2023

Исследованию вопроса о правовой природе явки с повинной, ее доказательственном значении уделялось довольно много внимания отечественными учеными [1, 2, 3, 4]. Вместе с тем с развитием цифровизации уголовного судопроизводства, ростом преступлений, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, как правило, в условиях неочевидности явка с повинной приобретает особое значение, поскольку позволяет процессуально закрепить информацию о совершенном латентном преступлении. Несмотря на довольно распространенную практику использования явки с повинной в производстве по уголовным делам, суды общей юрисдикции продолжают указывать на ошибки, допускаемые органами предварительного следствия и дознания при применении норм материального и процессуального права, регламентирующих явку с повинной.

С развитием цифровизации, в т. ч. в уголовном судопроизводстве, актуальным становится вопрос о возможности заявления явки с повинной с помощью сети Интернет, через электронную почту или официальный сайт правоохранительных органов, в частности сайт МВД России, где предусмотрена специальная форма для электронных обращений граждан о совершенных преступлениях. Исходя из анализа норм приказа МВД России от 29.08.2014 № 736¹, реальная возможность дистанционного обращения в органы внутренних дел у граждан имеется, более того, заявление о преступлении в электронной форме (под которым в том числе понимается заявление о явке с повинной), протокол явки с повинной (п. 2.1.1 данного приказа — уточнение автора) подлежат регистрации в общем порядке. Пункт 10 приказа указывает на необходимость заполнения необходимых реквизитов заявления в электронной форме (Ф.И.О. заявителя, структурное подразделение ОВД, содержание заявления и пр.).

Однако рассматриваемое заявление, поданное в электронной форме, не соответствует требованиям, предъявляемым нормами ст. 142 УПК РФ к явке с повинной: в таком заявлении невозможно проставить подпись как заявителя, так и должностного лица, принявшего его (отсутствует вкладка электронной подписи; не у каждого за-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

явителя имеется электронная подпись). Более того, открытым остается вопрос о фиксации добровольности заявленной явки с повинной, ее содержания (поскольку лишь констатация факта совершения преступления затруднит проверку поступившего заявления о явке с повинной), а также идентификации личности заявителя.

Безусловно, возможность дистанционного обращения в ОВД можно только поприветствовать, вместе с тем следует утверждать, что требования приказа МВД России от 29.08.2014 № 736 в части регламентации подачи заявления в электронной форме не соответствуют вызовам времени. Заложена в нормативно-правовой документ идея оперативности и упрощения обращения граждан в правоохранительный орган, по сути, разбивается об административный ресурс. Думается, работа с заявлениями о преступлении должна осуществляться с учетом современного состояния цифровизации, в связи с чем требуется пересмотр положений, регламентирующих подачу заявления о преступлении граждан в органы внутренних дел в дистанционном формате. Таким образом, заявление, поданное в электронной форме, не соответствует процессуальной форме явки с повинной, не может выступать надлежащим поводом для возбуждения уголовного дела. Поэтому неотъемлемым признаком явки с повинной является личное обращение заявителя в правоохранительные органы с заявлением о своей причастности к преступлению. В связи с этим следует поддержать мнение Р. М. Кашапова [5] о необходимости совершенствования ч. 1 ст. 142 УПК РФ в части дополнения определения явки с повинной данным критерием.

Личное обращение заявителя также важно тем, что содержание явки с повинной должно быть полным, т. е. должно отражать информацию о месте, времени, способе и обстоятельствах совершенного преступления; форме вины лица, совершившего преступление, и мотивах совершения преступления; характере и размере вреда, причиненного преступлением; иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, например орудии преступления, месте нахождения предмета преступного посягательства, а также мотивов самоизобличения и заявления явки с повинной и пр. Перечисленные сведения можно получить лишь при личном обращении заявителя с явкой с повинной. Полнота содержания явки с повинной, полученной надлежащим способом, с одной стороны, поможет органам дознания при ее проверке, с другой стороны, позволит использовать ее в дальнейшем в качестве доказательства по уголовному делу

(в т. ч. и при отказе подозреваемого (обвиняемого) от первоначальных показаний, отказе от явки). Заявленный тезис напрямую вытекает из норм ст. 84 УПК РФ, определяющей требования к иным документам как виду доказательств по уголовному делу (автор полностью разделяет точку зрения ученых о том, что явку с повинной следует относить к иным документам [1, с. 48; 4, с. 601; 6, с. 185; 7, с. 106]). Такие документы могут использоваться в качестве доказательств, «...если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ»¹, т. е. для установления предмета доказывания.

Судебная практика свидетельствует об аналогичном подходе к содержанию явки с повинной и ее доказательственному значению. Например, при постановлении обвинительного приговора в отношении ФИО2 по ч. 2 ст. 286 УК РФ суд среди прочих доказательств сослался на протокол явки с повинной, в которой подсудимый указал подробные обстоятельства совершенного преступления, а также цель и мотивы, которые двигали им. В судебном заседании посредством допроса подсудимого и свидетеля также были исследованы условия получения явки: добровольность заявления, разъяснение права не свидетельствовать против себя². Вместе с тем зачастую в протоколах явки с повинной содержится только краткая информация о совершенном преступлении³, например: «01.01.2023 года я совершил кражу сотового телефона у Иванова А. А. по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина, д. 5. Вину свою признаю, в содеянном раскаиваюсь», после чего оперативными сотрудниками производится опрос данного лица, где непосредственно отражаются обстоятельства совершенного

преступления. Безусловно, в таких случаях явка с повинной выступает лишь в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Доказательственное значение в таком случае приобретает объяснение, взятое у заявителя, явившегося с явкой с повинной.

Продолжая аргументировать тезис о возможности использования явки с повинной в доказывании, следует обратиться к ее процессуальной форме. Закрепляя понятие явки с повинной (ч. 1 ст. 142 УПК РФ), законодатель четко не регламентирует требования, предъявляемые к ней, ссылаясь лишь на ч. 3 ст. 141 УПК РФ при оформлении устного заявления о явке с повинной, что, с одной стороны, порождает возможность нарушения прав лица, заявляющего о явке с повинной, с другой — затрудняет ее использование в доказывании, поскольку должностному лицу, оформляющему заявление о явке с повинной, следует учитывать не только требования ст. 141–142 УПК РФ, но и процессуальный статус избобличающего себя лица. Несмотря на то что правовое положение этого участника уголовного процесса законом четко не определено, безусловно, следует учитывать его конституционные права хранить молчание, иметь защитника и переводчика. Более того, в соответствии с требованиями ст. 11 УПК РФ для него должна быть обеспечена реальная возможность реализации этих прав.

Правовая позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу однозначна: правом на защиту обладает не только подозреваемый, обвиняемый, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, но и «иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица»⁴. Более того, судом право на защиту трактуется широко, оно может быть реализовано не только через участие защитника, но и посредством личной защиты не запрещенными законом способами, в т. ч. через содействие правоохранительным органам. Материалы изученных уголовных дел свидетельствуют о том, что органы дознания руководствуются данной правовой позицией суда. В 100 % случаев в протоколах явки с повинной заявителю разъяснены положения нормы

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Шелаболихинского районного суда Алтайского края № 1-1/2022 1-37/2021 от 9 февраля 2022 г. по делу № 1-1/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tqdtlX7s3KmK/?regular-txt=%D1%8F%D0%B2%D0%BA%D0%B0+%D1%81+%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9&regular-ase_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=1018&regular-court=&regular-judge=&_=1696409032066&snippet_pos=32746#snippet (дата обращения: 21.09.2023).

³ В ходе исследования было изучено 40 уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции Алтайского края, в материалах которых имелась явка с повинной. В 60 % случаев содержание явки с повинной было неполным.

⁴ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 51 Конституции РФ, а в 40 % случаев — право на адвоката¹. Если с первым требованием проблем в правоприменении не возникает, то вопрос обеспечения участия защитника остается дискуссионным.

Анализ норм уголовно-процессуального закона свидетельствует о необходимости привлечения защитника при проведении проверки сообщения о преступлении (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Однако как отмечалось ранее, закрепляя данное правило, законодатель не определил механизм участия защитника на данном этапе уголовного процесса: не наделил органы дознания и предварительного следствия полномочиями по назначению защитника при проведении проверки сообщения о преступлении; не отнес данные расходы к процессуальным издержкам [8]. Данное обстоятельство негативно влияет на правоприменительную практику, хотя последний, с одной стороны, старается учитывать вышеприведенную позицию Верховного Суда РФ, с другой стороны, правоприменитель руководствуется решениями Конституционного Суда РФ² о том, что у лица, заявившего о явке с повинной, право на адвоката имеется, но на органы дознания и предварительного следствия на данном этапе не возложена обязанность обеспечить это право. В связи с этим является вполне обоснованным мнение Н. В. Арсеновой о том, что «...право пользоваться адвокатом при заявлении явки с повинной и дачи объяснений лицу должно быть разъяснено. Воспользоваться же этим правом или нет, решает сам заявитель. В случае если лицо пожелает воспользоваться указанным правом, сотрудники правоохранительных органов не должны препятствовать этому» [7, с. 108].

Таким образом, следуя данной логике, лицо, изобличающее себя в совершении преступления и,

¹ В ходе исследования было изучено 40 уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции Алтайского края, в материалах которых имелась явка с повинной.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью 1 статьи 75, частью первой статьи 142 и частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2270-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овсянникова Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 3338-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по сути, инициирующее уголовное преследование, должно самостоятельно побеспокоиться о своей защите на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Думается, в этом случае необходимо системно толковать нормы закона, учитывать правовые позиции не только высших судов Российской Федерации, но и нормы международного права, что и попытался предпринять отечественный законодатель в 2019 г., внося на обсуждение законопроект № 631546-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о совершенствовании порядка добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении)»³, предусматривающий обязательное участие защитника при получении явки с повинной и дальнейшем получении объяснения сотрудниками правоохранительных органов. Однако, к сожалению, данное предложение не нашло своего законодательного отклика в нормах уголовно-процессуального закона. По нашему мнению, механизм обеспечения права на защиту на первоначальном этапе судопроизводства требует четкой регламентации как в части детализации процедуры заявления явки с повинной, проведения проверки сообщения о преступлении, так и распространения института процессуальных издержек на стадию возбуждения уголовного дела. Данный тезис нашел положительный отклик среди правоприменителей (предложение поддержали 60 % опрошенных респондентов⁴).

Актуален вопрос, связанный с необходимостью разъяснения заявителю ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ. Несмотря на отсылочный характер ст. 142 УПК РФ, явка с повинной напрямую не предусматривает такого требования, поскольку направлена в первую очередь на изобличение преступных действий самого заявителя, а потому относительно изобличения других лиц такой документ, как протокол, явки с повинной не предусматривает. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ⁵ отмечено, что в явке с повинной может содержаться не только информа-

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о совершенствовании порядка добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении): законопроект № 124013-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴ В ходе исследования проведено анкетирование 60 сотрудников органов дознания и предварительного следствия территориальных органов внутренних дел Алтайского края.

⁵ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред.

ция о единолично совершенном деянии, но также и информация о других участниках совершенного преступления, роли заявителя в совершении данного преступления. То есть при первичной передаче информации в правоохранительные органы путем заявления явки с повинной лицо, ее заявляющее, вправе сообщить сведения и о других участниках преступления, которых фактически могло и не быть, т. е. осуществляется преступное посягательство на круг общественных отношений, обеспечивающих честь и достоинство гражданина, как на дополнительный объект преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. Например, при рассмотрении апелляционной жалобы осужденного Ш. в совершении нескольких преступлений, в т. ч. предусмотренных ч. 1 ст. 306 УК РФ, суд установил, что Ш., находясь в местах лишения свободы, сообщил в явке с повинной об участии В. В. и В. А. в совершении преступлений, а именно о хищении запасных частей от трактора в 2017 г. и в июле 2015 г. хищении запчастей мотоцикла из гаража в с. Хабары Хабарского района Алтайского края, заведомо зная о непричастности данных граждан к совершенным преступлениям. Судом первой инстанции законно постановлен обвинительный приговор в отношении Ш. в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 306 УК РФ, поскольку жалоба осужденного в части неверной квалификации содеянного оставлена судом высшей инстанции без удовлетворения¹.

В правоприменительной деятельности встречается и другая ситуация. С целью затягивания предварительного расследования либо этапирования из мест отбывания наказания распространены случаи самоговора либо заявления ложных сведений о причастности к совершению преступления. Так, например, осужденная К., отбывающая наказание в ФКУ ИК-6 УФСИН России, была приговорена к 1 году лишения свободы за совершение пре-

ступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ. С целью этапирования для проведения следственных действий у нее возник преступный умысел на заведомо ложный донос о совершении преступления, а именно о написании заведомо ложной явки с повинной о совершении ею совместно с другим лицом кражи чужого имущества на базе отдыха. Осуществляя свой преступный умысел, она, находясь в служебном кабинете ФКУ ИК-6 УФСИН России по Алтайскому краю, достоверно зная о том, что факт совершения кражи имущества группой лиц в июне 2011 г. на территории базы отдыха «Петухов Лог» не имел места, будучи предупрежденной об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, умышленно написала явку с повинной о совершении ею преступления, которая была зарегистрирована в КУСП. В результате преступных действий последней была нарушена нормальная деятельность ОП по МО МВД России «Рубцовский» по изобличению действительных преступников и раскрытию преступлений. В ходе судебного заседания подсудимая К. свою вину в инкриминируемом ей деянии признала полностью и согласилась с предъявленным ей обвинением². Помимо этого, анкетирование показало, что при заявлении явки всегда проводится проверка на предмет ее истинности³. При этом нечасто, но все же встречаются случаи обращения с ложным заявлением явки с повинной, что негативно влияет на деятельность органов дознания, поскольку отнимает дополнительное время и силы для проведения проверки, что обосновывает позицию о необходимости нормативного закрепления о предупреждении лица, заявляющего явку с повинной, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос не только при изобличении других лиц, но и самого себя, если преступного деяния фактически не было.

Таким образом, следует прийти к следующим выводам, явка с повинной, являясь одним из поводов для возбуждения уголовного дела, может иметь доказательственное значение, если ее содержание отражает обстоятельства, подлежащие доказыванию; получена с соблюдением прав участников процесса и оформлена в соответствии

от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Апелляционное постановление Алтайского краевого суда № 22-591/2020 от 13 февраля 2020 года // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xtGQpTCyM1om/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchuninfo=306+%D1%83%D0%BA&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=1018&regular-txt=%D0%B7%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BE+%D1%8F%D0%B2%D0%BA%D0%B5+%D1%81+%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9+&_id=1696826078948&regular-judge=&snippet_pos=2244#snippet/ (дата обращения: 23.09.2023).

² Приговор Егорьевского районного суда Алтайского края № 1-42/2014 от 26 сентября 2014 г. по делу № 1-42/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HE091GYrLurE/> (дата обращения: 23.09.2023).

³ В ходе исследования проведено анкетирование 60 сотрудников органов дознания и предварительного следствия территориальных органов внутренних дел Алтайского края.

с требованиями, предусмотренными уголовно-процессуальным законом. Предлагаются следующие положения о совершенствовании норм УПК РФ, регламентирующих явку с повинной:

1) статью 142 УПК РФ дополнить частью третьей, которую следует изложить следующим образом: «Заявление о явке с повинной принимается в присутствии защитника»;

2) часть третья статьи 49 дополнить пунктом 7 следующего содержания:

«7) с момента заявления о явке с повинной, сделанного лицом в порядке, установленном частью второй статьи 142 настоящего Кодекса.»;

3) часть 2 статьи 142 УПК РФ после слов «настоящего Кодекса» дополнить следующим: «Также учитываются требования ч. 2 и 6 ст. 141 УПК РФ».

Список источников

1. Арсенова Н. В. Признание лицом своей вины в совершении преступления. Барнаул, 2011. 156 с.
2. Классен М. А. Явка с повинной в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 30 с.
3. Перекрестов В. Н. Уголовно-процессуальное значение признания обвиняемым своей вины в уголовном судопроизводстве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. 190 с.
4. Шаутаева Г. Х. Явка с повинной как обвинительное доказательство: проблемы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 598–603.
5. Кашапов Р. М. Явка с повинной как одно из средств раскрытия и расследования преступлений // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 6: в 3 т. М.: Юрист, 2006. С. 884–887.
6. Кашапов Р. М., Кузнецова С. М. Явка с повинной: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9 А. С. 184–194.
7. Арсенова Н. В. Признание вины, полученное при проверке сообщения о преступлении, как доказательство по уголовному делу // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4 (24). С. 105–110.
8. Топчиева Т. В. К вопросу о совершенствовании процессуального порядка явки с повинной // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 г.) / сост. Э. К. Кутуев, Н. В. Лантух, М. А. Макаренко, Т. Ю. Макшеева. Электрон. дан. (3,86 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 354–359 [Электронный ресурс].

References

1. Arsenova N. V. Priznanie licom svoej viny v sovershenii prestupleniya. Barnaul, 2011. 156 s.
2. Klassen M. A. Yavka s povinnoj v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2012. 30 s.
3. Perekrestov V. N. Ugolovno-processual'noe znachenie priznaniya obvinyaemym svoej viny v ugovolnom sudoproizvodstve RF: dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2010. 190 s.
4. Shautaeva G. H. Yavka s povinnoj kak obvinitel'noe dokazatel'stvo: problemy teorii i praktiki // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2018. T. 28. Vyp. 4. S. 598–603.
5. Kashapov R. M. Yavka s povinnoj kak odno iz sredstv raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij // Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya juridicheskikh nauk. Vypusk 6: v 3 t. M.: Yurist, 2006. S. 884–887.
6. Kashapov R. M., Kuznecova S. M. Yavka s povinnoj: ugovolno-pravovye i ugovolno-processual'nye aspekty // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2018. T. 8. № 9 A. S. 184–194.
7. Arsenova N. V. Priznanie viny, poluchennoe pri proverke soobshcheniya o prestuplenii, kak dokazatel'stvo po ugovolnomu delu // Altajskij juridicheskij vestnik. 2018. № 4 (24). S. 105–110.
8. Topchieva T. V. K voprosu o sovershenstvovanii processual'nogo poryadka yavki s povinnoj // Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Sankt-Peterburg, 22 noyabrya 2019 g.) / sost. E. K. Kutuev, N. V. Lantuh, M. A. Makarenko, T. Yu. Maksheeva. Elektron. dan. (3,86 Mb). SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2019. S. 354–359 [Elektronnyj resurs].

Информация об авторе

Т. В. Топчиева — кандидат юридических наук, доцент.

About the author

T. V. Topchieva — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 167–175.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 167–175.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Екатерина Александровна Федорова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, sigiliel@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается криминологическая характеристика преступлений с административной преюдицией в Российской Федерации. Автор проводит анализ статистических данных с 2018 по 2022 г. по преступлениям с административной преюдицией в сфере охраны различных общественных отношений и на их основании дает характеристику структуры, уровня и динамики таких преступлений, рассматривает значимые признаки лиц, совершающих преступления с административной преюдицией, причины и условия данных преступлений.

Ключевые слова: административная преюдиция, детерминанты, криминологическая характеристика, личность преступника, побои, преступление, уголовный закон

Для цитирования: Федорова Е. А. Криминологическая характеристика преступлений с административной преюдицией в современной России // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 167–175.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CONTEMPORARY RUSSIA

Ekaterina A. Fedorova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, sigiliel@yandex.ru

Abstract. The article examines the criminological characteristics of crimes with administrative prejudice in the Russian Federation. The author analyzes statistical data from 2018 to 2022 on crimes with administrative prejudice in the field of protection of various public relations and, based on them, characterizes the structure, level and dynamics of such crimes, examines the significant signs of persons committing crimes with administrative prejudice, the causes and conditions of these crimes.

Keywords: administrative prejudice, determinants, criminological characteristics, criminal identity, beatings, crime, criminal legislation

For citation: Fedorova E. A. Criminological characteristics of crimes with administrative prejudice in contemporary Russia. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:167–175 (In Russ.).

© Федорова Е. А., 2023

Одним из наиболее интересных и динамичных направлений развития законодательства в современный период является применение административной преюдиции в уголовном законе. Сейчас последовательно расширяется сфера ее использования. Так, административная преюдиция присутствует практически во всех разделах УК РФ, кроме преступлений против военной службы, что свидетельствует о ее безусловной востребованности у законодателя.

На момент принятия действующего УК РФ административная преюдиция в нем отсутствовала, поскольку законодатель и научное сообщество придерживались мнения, что ее использование нарушает основополагающий правовой принцип «не дважды за одно». Однако позднее Д. А. Медведев в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2009 г. подчеркнул, что «наше уголовное законодательство, как и практика его применения, должно стать более современным... В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»¹. После этого административная преюдиция вернулась в УК РФ, и на данный момент насчитывается около 35 составов преступлений с ее использованием.

Научное сообщество разделилось на сторонников и противников применения административной преюдиции. Так, среди ученых, относящихся к ней отрицательно, А. И. Коробеев и А. А. Ширшов имеют весьма радикальную позицию: «Необходимо оставить в УК РФ только истинно преступное, т. е. то, что в криминологии именуется ядром преступления, и то, что тяготеет к нему. Все остальное необходимо перевести в разряд административных проступков или даже гражданско-правовых деликтов. Составы преступлений с административной преюдицией должны быть декриминализованы и переведены в разряд административных правонарушений» [1, с. 72].

В. И. Колосова, напротив, отмечает административную преюдицию рабочим методом борьбы

с административными правонарушениями, преступлениями, а также полагает, что она могла бы дать необходимый импульс неработающим на данный момент нормам уголовного закона. При ее использовании весомо повысится предупредительная роль уголовного закона, благодаря перспективам уголовной ответственности за повторное совершение некоторых административных проступков [2, с. 248, 253].

Если взглянуть на вопрос о необходимости административной преюдиции с позиции диалектики, а именно закона взаимного перехода количественных и качественных изменений, необходимо обратиться к мнению А. И. Марцева, гласящему: «Предшествующая привлечению к уголовной ответственности противоправная деятельность не может включаться в объективную сторону состава преступления, так как она по своему качеству преступной не является. Новое качество — преступление — образуется только в результате совершения последнего правонарушения» [3, с. 101].

Таким образом, становится очевидным, что административная преюдиция никак не противоречит и полностью соответствует основополагающим законам диалектики, а также постулатам уголовно-правовой теории, ее использование законодателем не нарушает фундаментальный принцип *non bis in idem* (лат. «не дважды за одно и то же») и конституционный принцип о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение (ст. 50 Конституции РФ). Поэтому можем утверждать, что наличие административной преюдиции в уголовном законе Российской Федерации необходимо и полностью обоснованно, однако важна ее глубокая детальная теоретическая и прикладная разработка, т. к. практика применения норм уголовного закона с административной преюдицией уже весьма масштабна.

Так, в период с 2018 по 2022 г. мы могли наблюдать следующие сводные данные, полученные на основе показателей официальной статистики МВД (таблица 1).

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Количество зарегистрированных сотрудниками МВД преступлений с административной преюдицией

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
ВСЕГО	155 068	157 584	157 127	172 546	181 726
В сфере охраны личности	55 437	55 999	48 921	61 175	64 043
В сфере охраны экономики	15 071	20 555	25 700	29 001	38 861
В сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности	73 412	68 760	69 632	67 477	63 014
В сфере охраны государственной власти	11 148	12 270	12 874	14 893	15 808

Как видно из приведенных данных, общая динамика преступлений с административной преюдицией весьма разнообразна и существенно различается в зависимости от сферы охраняемых нормами с административной преюдицией общественных интересов. Так, в сфере охраны личности динамика имеет волнообразный характер с неуклонным подъемом в 2021–2022 гг. В сферах охраны экономики и государственной власти статистика демонстрирует последовательный рост, а в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности за прошедшие 5 лет наблюдается непрерывный спад количества зарегистрированных преступлений с административной преюдицией.

Удельный вес преступлений с административной преюдицией среди общего количества всех преступлений, зарегистрированных в России, составляет: в 2022 г. — 9,1 %, в 2021 г. — 8,6 %, в 2020 г. — 7,8 %, в 2019 г. — 7,8 %, в 2018 г. — 7,8 %.

Если говорить о конкретных составах, которые наиболее широко применяются на практике, то здесь ситуация следующая: среди преступлений с административной преюдицией чаще всего регистрируются деяния, ответственность за которые предусмотрена следующими статьями УК РФ: ст. 264.1 — за 2022 год зарегистрировано 61 208 преступлений (в 2021 г. — 66 327, в 2020 г. — 68 438, в 2019 г. — 68 035, в 2018 г. — 73 106 преступлений); ст. 157 — за 2022 год зарегистрировано 56 055 преступлений (в 2021 г. — 55 202, в 2020 г. — 43 916, в 2019 г. — 51 516, в 2018 г. — 52 044 преступления); ст. 158.1 — за 2022 год зарегистрировано 37 776 преступлений (в 2021 г. —

27 551, в 2020 г. — 24 323, в 2019 г. — 19 091, в 2018 г. — 13 861 преступление); ст. 116.1 — за 2022 год зарегистрировано 7295 преступлений (в 2021 г. — 5179, в 2020 г. — 4272, в 2019 г. — 3750, в 2018 г. — 2696 преступлений)¹.

Таким образом, анализ количественных показателей зарегистрированных преступлений с административной преюдицией за последние пять лет позволяет сделать вывод о том, что их число неуклонно возрастает, в т. ч. в аспекте посягательств на такие важнейшие сферы охраны общественных отношений, как интересы жизни и здоровья граждан, собственности, государственной власти. Следовательно, востребованность данной законодательной конструкции в настоящее время будет только возрастать.

Вместе с тем преступления с административной преюдицией, как и другие преступления, совершаются людьми, и поэтому с криминологической точки зрения они также нуждаются в подробном изучении.

Вопросы личности до сих пор являются одними из основополагающих в научной мысли и исследуются во многих областях знаний. Так, в философии проблема личности — вопрос о месте человека в мире, кем он фактически является и кем может стать во взаимодействии с окружающей действительностью. При обобщении различных философских подходов личность понимается как «духовно-телесная единая целостность, которая характеризует каждого человека, при условии его становления субъектом жизнедеятельности, обладающим само-

¹ Сборник по России (1–16,21 разделы) «Единый отчет о преступности» (данные за 2018–2022 годы). URL: <http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt491> (дата обращения: 27.06.2023).

сознанием, т. е. сознанием собственного "Я", будучи самостоятельным, свободным и ответственным за самоосуществление в перспективе своей жизни. Личность воспринимается субъектом, "автором" жизни, определяющим ее цели, смысл, идеалы, направляющим себя к их реализации» [4].

Социология рассматривает личность как устойчивую систему социальных качеств, присущих человеку, которые приобретаются и реализуются в процессе взаимодействия с другими людьми и социумом в целом.

В психологии личность — это «формирующаяся в течение жизни совокупность индивидуальных психологических особенностей, которые определяют своеобразное для данного человека отношение к себе, обществу и окружающему миру в целом» [5, с. 199].

Большой юридический словарь определяет личность следующим образом: «человек, обладающий комплексом прав, свобод и обязанностей, которые придают ему независимый, признанный и защищенный обществом статус, особое автономное положение в обществе» [6, с. 337].

Для теории криминологии, а также для организации эффективного предупреждения преступности, в т. ч. путем воздействия на лиц, совершающих преступления, личность преступника имеет основополагающее значение.

Как отмечает по этому поводу Р. М. Абызов, человеческие поступки в значительной степени производны от сущностных характеристик и особенностей личности [7, с. 119].

В научной доктрине личность преступника рассматривается с позиции системно-структурного анализа. Наиболее распространенный подход к структуре личности преступника, поддерживаемый большинством исследователей, включает в себя следующие основные компоненты:

- а) социально-демографические свойства;
- б) уголовно-правовые признаки;
- в) нравственные качества;
- г) психологические особенности [1, с. 122].

Обобщая все доктринальные подходы к определению понятия личности преступника, Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов определяют ее как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [8, с. 12].

Сторонники административной преюдиции обосновывают ее необходимость в том числе через теорию «опасного состояния личности». Данная теория была разработана представителями социологической школы уголовного права, которая стала переосмыслением классической доктрины. Ученые этой школы считали, что «определение сущности преступлений и их дифференциация на виды с принятием их уголовно-правовых взглядов утрачивают смысл, поскольку факт совершения какого-либо преступления — лишь симптом "опасного состояния" лица. Основанием уголовной ответственности должно служить не совершение преступления, а "опасное состояние личности"» [9, с. 52]. Стоит отметить, что в процессе развития доктрины социологической школы и формирования понятия «опасное состояние личности» предполагалось отнесение к данной категории не только лиц, представляющих реальную и объективную общественную опасность (рецидивисты, профессиональные преступники), но и лиц, хоть и обладающих определенными девиациями поведения (алкоголики, наркоманы, лица, занимающиеся проституцией и др.), однако отнюдь не всегда совершающих преступные деяния [4, с. 90]. Таким образом, суть теории, как отмечают Е. В. Сафронова и В. Е. Лоба, заключается в том, что «в обществе есть категория людей, чей образ жизни или физические (психические) особенности представляют серьезную опасность для общества. Эта опасность могла быть и не связана с совершением конкретного преступления. В целях защиты общества от носителей "опасного состояния" в качестве правовой реакции государства была предложена система превентивных мер — мер социальной защиты, целью которых является "обезвреживание неисправимых, исправление исправимых"» [10, с. 10].

Наиболее развернутую позицию по данному вопросу можно увидеть у А. В. Бриллиантова, утверждающего, что «опасное состояние личности может быть обусловлено или специфическими характеристиками личности (невменяемость, алкоголизм, малолетство и т. п.), или характеристиками ранее имевшейся криминальной истории (рецидивизм, относимость к профессиональной преступности и т. п.). При этом опасное состояние личности не может быть обусловлено исключительно единственной характеристикой, требуется комплексное изучение объективных и субъективных характеристик личности преступника для принятия решения, к примеру, по установлению превентивных мер. И главное: они применяются последовательно, без отрыва друг от друга, что

представляется логичным вариантом распределения ресурсов государства на общую и частную превенцию новых преступлений» [11, с. 92].

По мнению современных исследователей, административная преюдиция также относится к отражениям теории «опасного состояния личности». Так, Г. В. Верина отмечает, что «признание возможности трансформации "вредоносного" административного проступка (при его повторном совершении) в общественно опасное преступное деяние своими корнями уходит в теорию "опасного состояния личности"» [12, с. 174].

Кроме того, А. Н. Супрун, исследуя административную преюдицию в ст. 151.1 УК РФ, пишет следующее: «Административная преюдиция не повышает степень общественной опасности деяния, она свидетельствует об учете законодателем "опасного состояния" личности» [13, с. 15].

Действительно, с этим можно согласиться, поскольку, криминализируя повторное совершение административного правонарушения, фактически законодателем делается особый упор не столько на самое по себе деяние, которое формально сохраняет признаки административного правонарушения, сколько на особых личностных качествах субъекта и его предыдущей административной наказанности, на основе которых и происходит «трансформация» непроступного в преступное.

Выводы о том, что лицо, совершающее преступление с административной преюдицией, обладает признаками «опасного состояния личности», можно подтвердить правоприменительной практикой.

Так, большое количество лиц независимо от пола и возраста, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, будучи подвергнутыми административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ, далее совершают еще несколько деяний (обычно два или даже более эпизода), впоследствии квалифицируемых по ст. 116.1 УК РФ (из 50 изученных нами приговоров судов в 35 случаях приговор выносится по совокупности по два или более эпизодам).

Так, Игошин А. В. 12.03.2019 по постановлению мирового судьи был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Далее Игошин А. В. своими умышленными действиями совершил иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ и не содержащих признаков преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, в количестве четы-

рех эпизодов. Судом Игошин А. В. был приговорен к 350 часам обязательных работ¹.

Данная ситуация, безусловно, свидетельствует о непрерывно и прогрессивно растущей антисоциальной направленности личности правонарушителя, совершающего деяние, включающее в себя административную преюдицию.

В. П. Малков высказывает мысль, поддерживаемую многими авторами, о том, что «при повторном совершении преступлений виновный демонстрирует вызов обществу и в дальнейшем у него формируется преступный профессионализм» [14, с. 25].

Возможно ли применить такую гипотезу к лицам, совершающим преступления с административной преюдицией?

Большинство этих преступлений относится к категории небольшой тяжести. Профессор Б. Я. Гаврилов, исследуя криминологическую характеристику преступлений небольшой тяжести и лиц, их совершающих, утверждает, что полученные данные говорят о невысокой общественной опасности как самих преступлений, так и виновных лиц, а также об отсутствии устойчивой антиобщественной ориентации личности [15, с. 3, 4].

Среди ученых есть мнение, что в некоторых случаях данная позиция применима к преступлениям с административной преюдицией. Так, И. А. Музафаров, изучая судебную практику по мелким хищениям, в 2018 г. установил, что лицо, совершающее мелкие хищения, не преследует цели совершать продолжаемое хищение или другое преступление, ему важно именно конкретное одномоментное хищение и распоряжение похищенным по своему усмотрению. При изобличении лицо чаще всего сознается в содеянном, обязуется впредь не совершать аналогичные деяния. Дела рассматриваются в упрощенном порядке [16, с. 110].

Однако со временем ситуация меняется. Так, ранее судимый Степанов Р. В. был привлечен к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, и подвергнут наказанию в виде административного ареста на срок 13 суток. После этого Степанов Р. В. вновь совершил 14 мелких хищений чужого имущества, тем самым причинив материальный ущерб на сумму 2430 рублей 90 копеек.

¹ Архив Читинского районного суда Забайкальского края. Дело № 1-122/2020.

Суд назначил Степанову Р. В. наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 3 месяца с отбыванием в исправительной колонии строгого режима¹.

Это отнюдь не единственный и даже не редкий для современных реалий прецедент, в т. ч. таких примеров можно приводить большое количество и по преступлениям в сфере безопасности дорожного движения.

Таким образом, допустимо ли при такой практике говорить о том, что лица, совершающие преступления с административной преюдицией, особенно против жизни и здоровья, не демонстрируют устойчивую антиобщественную ориентацию личности, а их деяния обладают невысокой общественной опасностью? Думается, что утверждать это было бы неоправданно.

Приведенная практика применения норм уголовного закона с административной преюдицией наглядно иллюстрирует нам то, что очень часто лицо, совершающее такое преступление, непрерывно прогрессирует в своей антисоциальной направленности. Оно, будучи предупрежденным об уголовно-правовых последствиях, полностью осознает преступный характер своего деяния, однако снова и снова продолжает противоправное поведение. С учетом того, что большая часть лиц, совершающих преступления с административной преюдицией, не только подвергались административным наказаниям, но и были ранее судимы, можно сделать вывод не только о склонности таких лиц к противоправному поведению, но и нежеланию вставать на путь исправления.

У преступлений с административной преюдицией, как и любой другой разновидности преступлений, есть определенный комплекс причин и условий.

В философии материалистической диалектики причина — это явление, порождающее, производящее другое явление — следствие. «Условиями явления в отличие от причин называется комплекс явлений, которые сами по себе не могут породить непосредственно данное явление — следствие, но, сопутствуя причинам в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения следствия». Связь условия с причиной и следствием называется обусловливанием. В отличие от причины условия не содержат тех потенциальных сил, которыми обладает причина для производства следствия, имманентно ей присущего [17, с. 954; 18, с. 497].

Задаваясь вопросом о причинах преступности, Н. Ф. Кузнецова опирается на марксистское положение о том, что понятия причины и следствия имеют смысл только применительно к двум взаимодействующим явлениям, рассматриваемым изолированно от других явлений. По ее мнению, «причина всегда непосредственно связана со следствием, не отделена от него никакими посредствующими звеньями. Это, в частности, означает, что причина действия человека — его сознание и воля, а причины преступности лежат в субъективной сфере жизни общества, социальной группы и личности» [19, с. 3].

В юридической литературе разработан так называемый традиционно диалектический подход. В соответствии с ним причиной признается то, что сущностно, с необходимостью (при наличии достаточных оснований) порождает, производит данное следствие. Некоторые исследователи считают непосредственной ближайшей, а некоторые и единственной причиной преступности и конкретного преступления социально-психологические явления — процессы, называя их еще специфической причиной преступности [20, с. 37].

Из изложенного очевидно, что проблематика причин и условий преступности никогда не теряла своей актуальности для криминологических исследований, однако полный и глубокий ее анализ по всем возможным направлениям превышает пределы данного исследования. Отметим лишь то, что на текущий момент в доктрине криминологии сложилась четкая система взглядов, разнообразно и полно отражающая теоретические подходы к представлению о причинности преступности.

Тем не менее ученые до сих пор дают разные определения понятий причин и условий преступности. Так, М. Д. Шаргородский отмечает, что «в совокупности факторов, определяющих преступность, не все они играют одинаковую роль, не все оказывают равное влияние на происхождение и развитие преступности. Среди них имеется фактор, который является главной определяющей силой. Это и есть главная определяющая причина преступности. Причиной, порождающей мотивы совершения отдельного преступления как деяния, предусмотренного уголовным законом, всегда является противоречие между интересами личности, как их понимает отдельное лицо (преступник), и интересами общества, государства» [21].

Н. А. Стручков, в свою очередь, отмечает, что «причины преступности следует искать в сфере сознания, поскольку все побудительные силы, вызывающие действия человека, неизбежно должны

¹ Архив Ковровского городского суда. Дело № 1-356/2019.

пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли» [22, с. 29]. Это логично, поскольку причины и условия каждого отдельного преступного акта в полной мере проистекают из сознания и воли конкретного лица, данный акт совершившего.

Для того чтобы эффективно противодействовать преступлениям с административной преюдицией, необходимо в первую очередь установить их причинный комплекс.

Изучение судебной практики показало, что помимо общих факторов, воспроизводящих преступность в целом, среди самых основных причин преступлений с административной преюдицией можно выделить ощущение безнаказанности у лиц ввиду того, что изначально деяния относятся к административным правонарушениям; относительно мягкие виды наказания по всем преступлениям с административной преюдицией, которые не оказывают должного предупредительного, воспитательного и исправительного воздействия на преступников, например наказания за побои, которые часто не превышают размеров административных штрафов за предыдущие нанесения побоев.

Так, Кадыров Т. Н. совершил иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, ранее был подвергнут административному наказанию за аналогичное деяние в количестве семи раз, за что суд назначил ему наказание в виде штрафа в размере 5000 рублей¹.

Такое наказание хотя является и уголовным, влекущим за собой судимость, даже не превышает минимального размера административного штрафа по ст. 6.1.1 КоАП РФ, и весьма сомнительно, что оно окажет достойное исправительное и профилактическое воздействие, скорее, послужит одной из причин повторного совершения аналогичных действий, поскольку обострит ощущение безнаказанности лица за свои поступки.

Поскольку административная преюдиция на данный момент охватывает практически все сферы общественных отношений, то и причинный комплекс преступлений, ее включающих, имеет определенные особенности, зависящие от объекта, на который происходит посягательство.

В этой связи, анализируя преступления с административной преюдицией в сфере охраны безопасности дорожного движения, в частности ст. 264.1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», нужно сделать акцент на том, что, помимо общих, одной из основополагающих причин, обуславливающих данные преступления, может служить наличие алкогольной или наркотической зависимости у лиц, их совершающих.

Данное утверждение можно проиллюстрировать примером Чубко Д. Р., который, будучи лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, вновь управлял автомобилем, находясь в состоянии опьянения, восемь раз.

Чубко Д. Р. ранее находился в специализированном медицинском учреждении в связи с наличием заболевания, наблюдается в наркологическом диспансере в связи с диагнозом «синдром зависимости от алкоголя»².

Приведенный пример явно ставит вопрос о практике правоприменительной деятельности, мягкости наказаний, недостатках в учете и др.

Таким образом, преступления с административной преюдицией помимо общих причин имеют и свои специфические, которые требуют дальнейшего научного изучения.

В целом проведенное исследование криминологической характеристики преступлений с административной преюдицией позволило констатировать, что данная группа посягательств на настоящий момент нашла свое достойное место в УК РФ в силу своей востребованности. Количество преступлений в целом и по основным структурным составляющим постоянно возрастает, что обусловлено определенным рядом специфических причин и особенностей личности преступников.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что преступления с административной преюдицией нуждаются в дальнейшем научном осмыслении с целью совершенствования как составов преступлений, так и правоприменительной практики для более эффективного противодействия противоправным посягательствам на интересы граждан, общества и государства.

¹ Архив Вагайского районного суда Тюменской области. Дело № 1-34/2021.

² Архив Советского районного суда г. Орска Оренбургской области. Дело № 1-286/2019.

Список источников

1. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.
2. Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 246–254.
3. Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1990. 128 с.
4. Романова Т. А. Личность как предмет научно-философского исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17942> (дата обращения: 25.06.2023).
5. Щербатых Ю. В. Общая психология. СПб.: Питер, 2008. 272 с.
6. Большой юридический словарь / авт. и сост. А. Б. Борисов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Кн. мир, 2012. 847 с.
7. Абызов Р. М. Региональная криминология: учебник. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. 416 с.
8. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 368 с.
9. Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 1. С. 50–55.
10. Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–17.
11. Бриллиантов А. В. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.
12. Верина Г. В. Наука уголовного права, концепция, концептуальные основы российского уголовного законодательства: сущность и соотношение понятий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4. С. 168–176.
13. Супрун А. Н. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: проблемы теории и правоприменительной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. 323 с.
14. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 139 с.
15. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. Н. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.
16. Музафаров И. А. О причинах совершения мелкого хищения и учете характеристик личности // Закон и право. 2018. № 10. С. 108–111.
17. Категории материалистической диалектики. М., 1967.
18. Философский словарь. М., 1986.
19. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
20. Кузнецова Н. Ф., Остроумов С. С. Методологические проблемы криминологии // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 35–42.
21. Шаргородский М. Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе // Преступность и ее предупреждение: сборник статей. Л.: Лениздат, 1966. С. 31–35.
22. Стручков Н. А. Преступность как социальное явление: лекции по криминологии. Л., 1979. 120 с.

References

1. Korobeev A. I., Shirshov A. A. Ugolovnyj prostupok skvoz' prizmu instituta administrativnoj preyudicii: blago ili zlo? // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4. S. 68–72.
2. Kolosova V. I. Administrativnaya preyudiciya kak sredstvo preduprezhdeniya prestuplenij i sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2011. № 5 (1). S. 246–254.

3. Marcev A. I. Dialektika i voprosy teorii ugovolnogo prava. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj universitet, 1990. 128 s.
4. Romanova T. A. Lichnost' kak predmet nauchno-filosofskogo issledovaniya // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17942> (data obrashcheniya: 25.06.2023).
5. Shcherbatyh Yu. V. Obschaya psihologiya. SPb.: Piter, 2008. 272 s.
6. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / avt. i sost. A. B. Borisov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Kn. mir, 2012. 847 s.
7. Abyzov R. M. Regional'naya kriminologiya: uchebnik. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2021. 416 s.
8. Antonyan Yu. M., Eminov V. E. Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie. M.: Norma: Infra-M, 2010. 368 s.
9. Kadnikov N. G. Opasnoe sostoyanie lichnosti kak osnovanie ugovolnoj otvetstvennosti // *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 2020. № 1. S. 50–55.
10. Safronova E. V., Loba V. E. «Opasnoe sostoyanie lichnosti» kak kriminologicheskaya kategoriya // *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2014. № 2. S. 10–17.
11. Brilliantov A. V. Teoriya opasnogo sostoyaniya lichnosti: shag vpered ili dva nazad? // *Gosudarstvo i pravo*. 2020. № 10. S. 90–99.
12. Verina G. V. Nauka ugovolnogo prava, koncepciya, konceptual'nye osnovy rossijskogo ugovolnogo zakonodatel'stva: sushchnost' i sootnesenie ponyatij // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*. 2017. № 4. S. 168–176.
13. Suprun A. N. Roznichnaya prodazha nesovershennoletnim alkohol'noj produkcii: problemy teorii i pravoprimeritel'noj praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2021. 323 s.
14. Malkov V. P. Mnozhestvennost' prestuplenij: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2006. 139 s.
15. Gavrilov B. Ya., Rogova E. N. Zakreplenie ugovolnogo prostupka v kontekste reformirovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii // *Rossijskaya yusticiya*. 2016. № 11. S. 2–5.
16. Muzafarov I. A. O prichinah soversheniya melkogo hishcheniya i uchete harakteristik lichnosti // *Zakon i pravo*. 2018. № 10. S. 108–111.
17. Kategorii materialisticheskoy dialektiki. M., 1967.
18. Filosofskij slovar'. M., 1986.
19. Kuznecova N. F. Problemy kriminologicheskoy determinacii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 208 s.
20. Kuznecova N. F., Ostroumov S. S. Metodologicheskie problemy kriminologii // *Rossijskij krriminologicheskij vzglyad*. 2009. № 3. S. 35–42.
21. Shargorodskij M. D. Prestupnost', ee prichiny i usloviya v socialisticheskom obshchestve // *Prestupnost' i ee preduprezhdenie: sbornik statej*. L.: Lenizdat, 1966. S. 31–35.
22. Struchkov N. A. Prestupnost' kak social'noe yavlenie: lekicii po kriminologii. L., 1979. 120 s.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 176–180.

Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 176–180.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.136: 343.18(476)

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ОРГАНУ ДОЗНАНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ ИЛИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Юрий Павлович Шкаплеров

Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Беларусь, shkaplerov@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0328-0955>

Аннотация. В статье рассматривается появление в белорусском уголовном процессе института возвращения следователем органу дознания заявления или сообщения о преступлении для проведения проверки. При этом отмечается, что в современном виде возникновение указанного института обусловлено созданием Следственного комитета Республики Беларусь. На основании изучения процессуальных документов, образующихся в ходе досудебной деятельности, а также анкетирования практических сотрудников анализируются проблемы, возникающие в работе органов уголовного преследования при реализации данного уголовно-процессуального института, прослеживаются попытки законодателя по их разрешению. В заключение предлагается возможный вариант устранения названных проблемных аспектов.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, орган дознания, возбуждение уголовного дела, проверка заявлений и сообщений о преступлениях

Для цитирования: Шкаплеров Ю. П. Институт возвращения следователем органу дознания заявления или сообщения о преступлении для проведения проверки: возникновение и проблемы реализации в Республике Беларусь // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 176–180.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

INSTITUTION OF RETURNING A STATEMENT OR A REPORT ON CRIME BY THE INVESTIGATOR TO THE BODY OF INQUIRY FOR VERIFICATION: OCCURRENCE AND PROBLEMS OF REALIZATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Yury P. Shkaplerov

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, shkaplerov@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0328-0955>

Abstract. The article deals with the occurrence in the Belarusian criminal process of the institution of returning a statement or report on crime by the investigator to the body of inquiry for verification. It is noted that in its modern form the occurrence of this institution was caused by the creation of the Investigative Committee of the Republic of Belarus. Based on the study of procedural documents formed in the course of pre-trial activities, as well as questionnaire surveys of practitioners, the issues arising in the work of criminal prosecution bodies in the implementation of this criminal procedural institution are analyzed, and the attempts of the legislator to solve them are traced. Finally, a possible variant of elimination of the named problem aspects is offered.

Keywords: criminal procedure, investigator, body of inquiry, initiation of criminal case, verification of statements and reports on crimes

For citation: Shkaplerov Yu. P. Institution of returning a statement or a report on crime by the investigator to the body of inquiry for verification: occurrence and problems of realization in the Republic of Belarus. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:176–180 (In Russ.).

Возвращение следователем органу дознания заявления или сообщения о преступлении для проведения проверки как институт современного белорусского уголовно-процессуального права не имеет давней истории. Его появление в известном сегодня виде тесным образом связано с реформой предварительного расследования, обусловленной созданием Следственного комитета Республики Беларусь.

Решение о создании названного государственного органа было принято Президентом Беларуси 2 августа 2011 г. на совещании по вопросу совершенствования системы органов предварительного расследования. И уже 1 января 2012 г. новая следственная структура начала работать в полном объеме. В состав Следственного комитета вошли следователи прокуратуры, ОВД и Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля. В то же время КГБ сохранил свои следственные подразделения.

Параллельно с организационно-штатными изменениями следственных органов серьезные корректировки вносились в УПК Республики Беларусь. И одним из важнейших законодательных новшеств стало сужение полномочий органов дознания и сведение их к приему и рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, а также производству неотложных следственных действий лишь в течение 10 суток с последующей передачей уголовного дела следователю. Кроме того, органы дознания лишались права приостанавливать и оканчивать предварительное расследование (гл. 28, 29, 30 УПК Республики Беларусь). Таким образом, после 1 января 2012 г. все рассмотренные органами дознания заявления и сообщения о преступлениях (за редким исключением) передаются следователям для возбуждения уголовного дела и дальнейшего производства по нему.

Однако создание Следственного комитета и проистекающие из этого изменения УПК Республики Беларусь при всем очевидном положительном значении повлекли за собой и определенные негативные последствия. В частности, первоначально существенно ухудшилось взаимодействие следственных подразделений с органами дознания, что выразилось прежде всего в неоднократных передачах материалов проверок от органа дознания следователю и обратно [1, с. 28–29]. При этом органы предварительного следствия иногда принимали решения о возбуждении уголовного дела в зависимости от судебной перспективы, а не при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В свою очередь, орга-

ны дознания из-за этого порой возбуждали уголовные дела преждевременно и необоснованно, что влекло за собой отмену таких решений надзирающими прокурорами либо прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям [2, с. 34].

Названные проблемы взаимодействия органов дознания, прежде всего МВД, и Следственного комитета в стадии возбуждения уголовного дела руководители соответствующих государственных органов пытались преодолеть путем достижения консенсуса на межведомственных оперативных совещаниях [2, с. 34–35], а также путем принятия межведомственных нормативных актов, в которых решения о возвращении следователем материалов проверки органу дознания предписывалось принимать прокурору в форме мотивированного постановления¹. Но только с включением в УПК Республики Беларусь 18 июля 2017 г. № 53-З² новой ст. 173², определившей детальный механизм возвращения таких материалов, обозначенная проблема была в целом разрешена. Сегодня решение о направлении заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему в орган предварительного следствия при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, принимается начальником

¹ Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов внутренних дел Республики Беларусь и подразделений Следственного комитета Республики Беларусь при организации дежурств следователей Следственного комитета Республики Беларусь в составе следственно-оперативных групп, формируемых органами внутренних дел Республики Беларусь, регистрации и рассмотрении заявлений, сообщений о преступлениях и поступлении информации о происшествиях [Электронный ресурс]: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Следственного комитета Республики Беларусь от 22.06.2012 № 182/190; Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства [Электронный ресурс]: постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Министерства обороны Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 26.12.2016 № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.12.2022).

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-З. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.12.2022).

органа дознания в виде мотивированного постановления. Аналогично оформляется решение начальника следственного подразделения о возвращении таких материалов органу дознания. В последнем случае постановление вместе с заявлением или сообщением о преступлении и материалами проверки направляется прокурору с одновременным письменным уведомлением органа дознания. Прокурор же, в свою очередь, либо возвращает материал органу дознания, либо принимает решение о возбуждении уголовного дела.

Как отмечалось, перечисленные законодательные и организационные меры позволили в целом

упорядочить отношения органа дознания и следователя в рассматриваемом контексте, что подтверждается данными статистики (таблица 1). Так, с 2018 по 2022 г. количество возвращенных следователями органам дознания материалов проверок ежегодно составляет не более 2 %. А согласно данным анкетирования правоприменителей¹ существующий институт передачи заявлений и сообщений о преступлениях органом дознания следователю, а также их возвращения для проведения проверки 66,7 % проанкетированных следователей и 80,8 % сотрудников ОВД считают эффективным.

Таблица 1

Статистические данные о количестве заявлений и сообщений, зарегистрированных органами внутренних дел Республики Беларусь, и материалах проверок, возвращенных им следователями в порядке п. 6 ч. 2 ст. 35 и ст. 173² УПК Республики Беларусь²

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Количество заявлений и сообщений, зарегистрированных ОВД	207 953	190 565	176 847	161 507	176 280
Возбуждение ОВД уголовных дел (общее количество / процент от общего количества)	214 /0,1%	338/0,18%	274/0,16%	146/0,09%	173/0,1%
Материалы проверок, возвращенные на основании п. 6 ч. 2 ст. 35 и ст. 173 ² УПК РБ (общее количество / процент от общего количества)	2383/1,15%	2517/1,32%	3228/1,82	1796/1,11%	1305/0,74%
Количество материалов проверок, повторно возвращенных на основании п. 6 ч. 2 ст. 35 и ст. 173 ² УПК РБ	166	159	160	35	33

С другой стороны, эмпирические данные свидетельствуют о сохранившихся на сегодняшний день в практической деятельности проблемах указанного процессуального института, которые целесообразно рассмотреть подробнее. В качестве обозначенной эмпирической базы выступают изученные нами 177 постановлений о возвращении материалов проверки органу дознания, вынесенных белорусскими руководителями следственных подразделений в 2021–2022 гг. в Брестской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской областях и г. Минске.

В целом если говорить о следственных и иных процессуальных действиях, производство которых допустимо в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь), то нами установлено, что материалы проверок возвращались для получения объяснений (66,1 % случаев),

проведения осмотра (31,6 % случаев), экспертизы (13 % случаев), получения образцов для сравнительного исследования (0,6 % случаев), истребования документов (14,1 % случаев) и их копий (19,2 % случаев). Интересно, что ни в одном из изученных постановлений не содержится указаний о проведении эксгумации, освидетельствования, задержания и личного обыска при задержании.

Обращаясь же к практическим проблемам применения института передачи заявлений и сообщений о преступлениях органом дознания следователю, а также их возвращения для проведения проверки, таковые можно объединить в следующие группы.

¹ В ходе проведенного исследования в 2023 г. нами проанкетировано 120 следователей Следственного комитета и 135 сотрудников органов внутренних дел из всех областей Республики Беларусь и г. Минска.

² Согласно данным Информационного центра МВД Республики Беларусь.

Во-первых, в различных территориальных подразделениях и у различных должностных лиц одного и того же подразделения Следственного комитета Республики Беларусь документы, фиксирующие соответствующие процессуальные решения, именуются по-разному: «Постановление о возврате проверки», «Постановление о возврате заявления о преступлении в органы внутренних дел», «Постановление о возвращении заявления (сообщения) о преступлении и материалов по нему органу дознания» (Гомельский городской отдел Следственного комитета Республики Беларусь); «Постановление о возврате материала доследственной проверки органу дознания», «Постановление о возвращении материалов проверки органу дознания» (Могилевский межрайонный отдел Следственного комитета Республики Беларусь); «Постановление о возвращении проверки» (Гродненский межрайонный отдел Следственного комитета Республики Беларусь) и т. д. При этом в п. 6 ч. 1 ст. 35 УПК Беларуси обозначенное процессуальное полномочие начальника следственного подразделения дословно именуется как «возвращать органам дознания для проведения проверки заявления или сообщения о преступлении».

Во-вторых, следственные работники нередко указывают органу дознания на необходимость проведения процессуальных действий, не влияющих на решение вопроса о возбуждении уголовного дела, а в большей мере направленных на собирание доказательственной и иной информации, необходимой для вероятного производства по делу в будущем, например получить свободные и экспериментальные образцы почерка лица, подозреваемого в совершении преступления¹. Также от органа дознания требуется приобщать к материалам проверки характеризующий материал (36,7 % случаев), устанавливать свидетелей (22,6 % случаев), исследовать телефонные соединения физических лиц (13,6 % случаев), изучить материальное положение лица, подозреваемого в совершении общественно опасного деяния (1,7 % случаев), выявить иные преступления, совершенные лицами, в отношении которых ведется проверка (1,7 % случаев). Причем характеризующий материал может собираться не только в отношении лица, подозреваемого в совершении общественно опасного деяния, но и заявителя (пострадавшего) и иных лиц². В качестве примера подобного рода указаний

можно привести один из пунктов постановления о возвращении материалов проверки органу дознания по факту совершения кражи (ч. 2 ст. 205 УК Республики Беларусь), который сформулирован следующим образом: «выяснить, имеется ли в Республике Беларусь какая-либо ответственность за самовольную установку искусственных неровностей на дорогах общего пользования, требуется ли разрешение на ее установку»³. Также в ходе эмпирического исследования установлен случай, когда сотрудникам органа дознания предлагалось «провести опрос заявительницы и ее сына, а также В. с применением НТС "Полиграф" с целью установления всех обстоятельств произошедшего»⁴.

В-третьих, от сотрудников ОВД требуют осуществления действий, проведение которых недопустимо в стадии возбуждения уголовного дела, например осмотра жилища, не являющегося местом происшествия (в 10,7 % случаев). Также следователи фактически указывают на необходимость производства следственного эксперимента с оформлением его хода и результатов протоколом осмотра места происшествия, свидетельством чему выступают выдержки из соответствующих постановлений: «Провести с участием К. и С. осмотр места происшествия с целью воспроизведения обстоятельств причинения телесных повреждений и приложения травмирующей силы, по результатам которого назначить дополнительные судебно-медицинские экспертизы...»⁵; «с учетом полученных сведений в результате опросов с участием М. В. провести дополнительный осмотр места происшествия по установлению (с учетом механических повреждений автомобиля) расстояния, с которого он увидел пешехода, расстояния, с которого М. В. стал изменять траекторию движения, расстояний и расположений автомобиля и пешехода относительно границ проезжей части в момент, когда М. С. внезапно и резко двинулся в его сторону, и в момент наезда»⁶.

И в-четвертых, стоит отметить, что в отдельных случаях в постановлениях о возвращении органам дознания для проведения проверки заявлений или сообщений о преступлении не перечисляются дей-

³ Материал проверки Московского РУВД г. Бреста (регистрация в Единой книге № 17157 от 04.11.2022).

⁴ Материал проверки отдела милиции Первомайского района г. Бобруйска УВД Бобруйского горисполкома (регистрация в Единой книге № 14296 от 30.08.2022).

⁵ Материал проверки отдела милиции Ленинского района г. Бобруйска УВД Бобруйского горисполкома (регистрация в Единой книге № 9049 от 13.06.2022).

⁶ Материал проверки Горецкого РОВД (регистрация в Единой книге № 4287 от 15.11.2022).

¹ Материал проверки Могилевского РОВД (регистрация в Единой книге № 3175 от 12.08.2022).

² Материал проверки Железнодорожного РОВД г. Гомеля (регистрация в Единой книге № 20 от 25.01.2022).

ствия, которые последние должны предпринять по материалам. Вместо этого следователи просто отмечают подлежащие решению задачи¹.

Таким образом, институт возвращения следователем органу дознания заявления или сообщения о преступлении для проведения проверки реализуется с определенными проблемами, поэтому нет ничего удивительного в том, что около половины опрошенных сотрудников ОВД и следователей сталкивались в своей повседневной деятельности с отменой прокурором решения об отказе в возбуждении уголовного дела по такому возвращенному материалу с одновременным вынесением постановления о возбуждении уголовного дела. Причем 5,8 % сотрудников ОВД отметили, что сталкивались с такими фактами часто, а 24,4 % — несколько раз.

В заключение целесообразно также отметить, что перечисленные группы проблемных аспектов не могут быть решены путем корректировки действующих уголовно-процессуальных норм и принятия новых. Имеющееся нормативное регулирование рассматриваемого процессуального института видится достаточным, а главной причиной озвученных изъянов является человеческий фактор. Поэтому основным средством их устранения видится повышение требовательности надзирающих прокуроров к поступающим к ним из следственных подразделений постановлениям о возвращении следователем органу дознания заявления или сообщения о преступлении для проведения проверки, а точнее к указанным в таких постановлениях основаниям возвращения и перечню подлежащих проведению следственных и иных процессуальных действий.

Список источников

1. Кукреш Л. И., Рожко О. В. Актуальные проблемы досудебного производства на современном этапе // Юстыцья Беларусі. 2013. № 6. С. 26–29.
2. Сербун А. Обеспечение прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела через призму законодательных изменений // Законность и правопорядок. 2021. № 4. С. 32–37.

References

1. Kukresh L. I., Rozhko O. V. Aktual'nye problemy dosudebnogo proizvodstva na sovremennom etape // Yustycyya Belarusi. 2013. № 6. S. 26–29.
2. Serbun A. Obespechenie prokurorskogo nadzora na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela cherez prizmu zakonodatel'nyh izmenenij // Zakonnost' i pravoporyadok. 2021. № 4. S. 32–37.

Информация об авторе

Ю. П. Шкаплеров — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. P. Shkaplerov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

¹ Материал проверки отдела милиции Первомайского района г. Бобруйска УВД Бобруйского горисполкома (регистрация в Единой книге № 17157 от 04.11.2021).

Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 181–190.
Altai Law Journal. 2023. № 4 (44). P. 181–190.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.98:004.72

ПОЛУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПУТЕМ ПОИСКА ПО ОТКРЫТЫМ ИСТОЧНИКАМ (OSINT)

Марина Олеговна Янгаева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, marina-yo@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется характеристика личности преступника в контексте криминалистической науки. Рассматриваются традиционные источники получения информации о личности преступника, а также предлагаются современные способы поиска информации о личности преступника методами OSINT. Автором даются рекомендации по организации деятельности сотрудников правоохранительных органов при поиске информации по открытым источникам. Делается вывод о том, что сотрудникам правоохранительных органов при изучении личности преступника необходимо применять в своей профессиональной деятельности приемы и методы OSINT. Так как благодаря поиску по открытым источникам можно получить криминалистически значимую информацию ориентирующего характера, которая может быть использована для выдвижения версий, определения направлений расследования, планирования следственного действия, прогнозирования возможной линии поведения участников уголовного процесса и возможного противодействия расследованию.

Ключевые слова: криминалистически значимая информация, личность преступника, OSINT, поиск информации, сеть Интернет

Для цитирования: Янгаева М. О. Получение криминалистически значимой информации о личности преступника путем поиска по открытым источникам (OSINT) // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4. С. 181–190.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OBTAINING FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION ABOUT THE IDENTITY OF A CRIMINAL BY SEARCHING OPEN SOURCES (OSINT)

Marina O. Yangaeva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, marina-yo@mail.ru

Abstract. The author of the article analyzes the characteristics of the personality of the criminal in the context of forensic science. Traditional sources of obtaining information about the identity of a criminal are considered, and modern methods of searching for information about the identity of a criminal using OSINT methods are also proposed. The author gives recommendations on organizing the activities of law enforcement officers when searching for information from open sources. It is concluded that law enforcement officers, when studying the identity of a criminal, need to apply OSINT techniques and methods in their professional activities. Since, thanks to a search on open sources, it is possible to obtain forensically significant information of an orienting nature, which can be used to put forward versions, determine directions of investigation, plan investigative actions, predict the possible course of behavior of participants in criminal proceedings and possible opposition to the investigation.

Keywords: forensically significant information, criminal identity, OSINT, information retrieval, Internet

For citation: Yangaeva M. O. Obtaining forensically significant information about the identity of a criminal by searching open sources (OSINT). *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;4:181–190 (In Russ.).

© Янгаева М. О., 2023

Расследование преступлений невозможно без учета особенностей личности преступника. В криминалистике понятие «личность преступника» считается одним из ключевых. Криминалистическая наука доказала, что использование информации о человеке, его профессиональных навыках, особенностях общения может значительно повлиять на процесс расследования преступления. Умение использовать эти знания для анализа ситуации и принятия правильных решений помогает предотвратить следственные ошибки и повышает шансы на успешное завершение уголовного дела.

Изучение личности преступника входит в предмет исследования многих уголовно-правовых наук (уголовного права, криминологии, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминалистики). Именно поэтому первые научные работы, посвященные изучению личности преступника, носили комплексный характер.

В отечественной криминалистике теория личности, прежде всего личности преступника, прошла непростой путь развития. К настоящему времени в криминалистике накоплен богатый опыт исследования различных аспектов личности, знания о которых способствуют раскрытию и расследованию преступлений. Это работы Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, А. И. Винберга, И. А. Возгрина, А. Ф. Волынского, Л. В. Виночкина, И. Ф. Герасимова, Н. Н. Грановского, В. А. Жбанкова, А. М. Зинина, Е. П. Ищенко, В. П. Колмакова, В. Е. Корноухова, Ю. Г. Корухова, А. М. Кустова, В. П. Лаврова, Е. Р. Россинской, Н. В. Терзиева, А. А. Топоркова, С. А. Ялышева и других ученых [1, с. 5; 2, с. 190].

В криминалистике, как ни в какой другой сфере познания, человек изучается во всем многообразии его психических и физических качеств и свойств, как обусловленных природой (генетически), так и социально предопределенных, жизненно приобретенных. Соответственно, в основе изучения личности в криминалистике лежат, помимо уголовно-правовых наук, достижения психологии, анатомии, биологии, генетики, социологии и др.

В работах ученых-криминалистов 60-х гг. XX в. прослеживались лишь идеи криминалистического изучения личности преступника с тактической точки зрения [3].

Одним из первых ученых, отметивших необходимость разработки и использования положений, касающихся личности преступника, не только в криминалистической тактике, но и в криминалистической методике, был Н. Т. Ведерников. В своей монографии «Личность обвиняемого и подсудимого» он показывает «выход» изучения личности

субъекта, совершившего преступление, на такие вопросы частной методики расследования, как:

- выдвижение следственных версий и планирование расследования;
- определение первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
- разработка криминалистической типизации личности преступника;
- разработка методических рекомендаций, направленных на использование сведений о личности преступника при анализе однотипных способов совершения преступления.

Подходы авторов к проблеме структуры личности преступника и, соответственно, вопросам ее изучения неоднозначны. Попытка определить пределы через называние заранее абсолютно точного и полного (исчерпывающего) перечня сведений о личности преступника в свое время получила обоснованную критику.

Наиболее оптимальной классификацией, отражающей многообразие признаков личности, в которой одновременно получили выражение структура личности и пределы её изучения, является классификация, объединяющая определенные признаки в отдельные группы. Так, Н. Т. Ведерников предлагал рассматривать два больших раздела, включающих сведения о личности преступника. Первый из них группирует данные о признаках, совокупность которых отличает каждого человека от других людей. В него включаются биографические данные, сведения о материальном положении, сведения о состоянии здоровья и психологических особенностях личности. Второй раздел объединяет сведения, раскрывающие признаки общественной характеристики обвиняемого, и включает такие группы данных, как сведения, составляющие общественно-производственную характеристику личности, сведения, составляющие общественно-политическую характеристику личности, и сведения, составляющие общественно-бытовую характеристику.

На основании данной программы изучения личности обвиняемого применительно к целям и задачам допроса И. Т. Кривошеиным предложена следующая совокупность необходимых сведений, которые распределяются по трем разделам. В первый раздел отнесены следующие сведения:

1. Социально-демографические (фамилия, имя, отчество, возраст, место рождения, место постоянного проживания, национальность, образование, профессия, наличие судимости и т. д.).
2. Семейно-бытовая характеристика (семейное положение, зарплата, жилищные условия, отноше-

ние к жене, детям, взаимоотношения с родственниками и соседями и др.).

3. Сведения о состоянии здоровья (наличие хронического, в т. ч. психологического, заболевания, место лечения, инвалидность).

Ко второму разделу сведений отнесены индивидуально-психологические особенности личности преступника, характеризующие его интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства.

К третьему разделу отнесены специфические сведения, отражающие увлечения, интересы, потребности и отношения личности.

Говоря об инструментарию изучения личности преступника, различные авторы называют те или иные его составляющие. Так, П. П. Цветков говорит о методах, научно-технических средствах и уголовно-процессуальной форме изучения личности обвиняемого [4, с. 111–114].

Н. Т. Ведерников в своей работе выделил следующие средства познания личности обвиняемого:

1) источники информации о личности обвиняемого;

2) пути и способы ее получения (методы криминалистического изучения личности). В числе таких методов называют наблюдение, беседу, метод обобщения (сравнения) независимых характеристик, метод анализа референтных групп, метод составления психологического портрета и др. Следует отметить, что ряд методов применяется непосредственно в ходе производства следственных действий, причем эти методы могут быть использованы одновременно;

3) процессуальные формы закрепления и оценки собранных данных [5, с. 95].

Для выяснения источников криминалистически значимой информации о личности преступника было проведено анкетирование и интервьюирование следователей и дознавателей. На вопрос «Какие, на Ваш взгляд, данные о личности преступника важны для расследования преступления?» были получены следующие ответы: данные о привлечении к административной и (или) уголовной ответственности — 100 %; наличие состояния опьянения в момент совершения преступления — 58 %; физиологические признаки (пол, возраст, состояние здоровья, место жительства, работы) — 10,9 %; морально-нравственные качества — 8,9 %; посткриминальное поведение — 3,5 %.

Ф. В. Глазырин отмечал, что «успех изучения личности преступника существенно зависит от рационального использования всех ранее накоплен-

ных знаний о ней, отбора эмпирического материала, наблюдений» [6, с. 5; 7, с. 106–108].

Опрошенные респонденты считают, что основными источниками информации об особенностях личности преступника являются допрос, характеристики с места проживания, работы (учебы), отбывания наказания, показания соседей, коллег по работе, знакомых, родственников, приговоры судов по уголовным делам о ранее совершенных преступлениях, а также сами материалы прошлых уголовных дел [8, с. 182].

А. С. Князьков предложил следующие источники получения информации о личности преступника:

1. Криминалистическая характеристика преступления определенного вида (группы преступлений).

2. Следственные действия.

3. Документы в их уголовно-процессуальном смысле.

4. Оперативно-розыскные мероприятия [9, с. 136].

Считаем, что источники, перечисленные А. С. Князьковым, имеют большое значение в криминалистическом изучении личности преступника, однако в процессе стремительного развития информационных технологий сотрудники правоохранительных органов могут получать криминалистически значимую информацию о личности преступника при обращении к открытым источникам (OSINT).

OSINT (Open Source Intelligence) — это разведывательная дисциплина, включающая в себя поиск, выбор, сбор разведывательной информации из общедоступных источников, а также ее анализ. Источники OSINT отличаются от других форм разведки, поскольку они должны быть легально доступны общественности без нарушения каких-либо законов или конфиденциальности [10, с. 132].

Сегодня социальные сети и другие онлайн-платформы предоставляют огромное количество информации о людях. Например, можно узнать много интересного о человеке, просто проверив его личную страницу в социальной сети. Это открывает огромные возможности для сбора данных о лицах по всему миру.

OSINT позволяет получать данные о людях удаленно, без необходимости физического присутствия. Используя OSINT, можно проводить сбор данных в социальных сетях, а также использовать расширенные запросы поисковых систем для получения наиболее точных результатов поиска.

Например, можно использовать общедоступные базы данных и эффективные инструменты поиска, чтобы найти удаленные версии веб-сайтов, отслеживать людей и их деятельность в сети Интернет. Также можно просматривать спутниковые изображения любой улицы мира, искать геолокацию лица и т. д.

OSINT включает в себя все общедоступные источники сбора данных. Для сбора данных могут использоваться:

- поисковые сайты с грамотным формированием запросов (Google, Яндекс, Opera, Firefox и пр.);
- средства массовой информации, статьи-компроматы, сайты-отзовики и т. д.;
- социальные сети, Telegram, включая ботов (например, @EmailPhoneOSINT_bot), DarkNet;
- специализированные сайты (Shodan, WhoIs, Глазбога.рф, YaSeeker, подсчет лайков, выявление общих связей в социальных сетях (например, 220vk.com) и т. д.);
- различные реестры, включая официальные сайты государственных служб (например, официальные сайты ГИБДД МВД России, ФССП России и т. д.);
- специализированное программное обеспечение.

Необходимо помнить, что новые ресурсы для поиска по открытым источникам появляются ежедневно, но нельзя полагаться только на автоматизированные ресурсы, OSINT предполагает непосредственную работу аналитика, ручную проверку данных об изучаемом объекте, анализ выявленной информации, а также выводы по ней.

Организация деятельности правоохранительных органов при работе по открытым источникам предполагает соблюдение следующих правил:

- 1) для регистрации (на сайтах-разведчиках, в социальных сетях и т. д.) и мониторинга необходимо использовать отдельные номера телефона, электронную почту и аккаунты в социальных сетях;
- 2) проявлять осмотрительность: некоторые сервисы, содержащие информацию об объекте мониторинга, отправляют им уведомления с информацией, что данные о них запрашивались;
- 3) нужно быть готовым к тому, что сегодня какие-то используемые вами сервисы работают, а завтра уже нет;
- 4) пользуйтесь 2–3 аналогичными сервисами для перепроверки полученных данных об объекте мониторинга;
- 5) качественные и эффективные ресурсы-разведчики стоят денег — будьте готовы за них пла-

тить, как правило, такие ресурсы предлагают оформить подписку на какой-то промежуток времени — месяц, год и т. д.;

б) внимательность, безопасность, критичность и креативность всегда должны сопровождать вас в мире OSINTа (используйте VPN в своей работе).

Одним из ключевых инструментов для сохранения анонимности и доступа к различным ресурсам является VPN. Использование инструментов OSINT предполагает активную деятельность в сети Интернет, что может раскрыть ваш IP-адрес. Это, в свою очередь, может послужить деанонимизации, вплоть до точного адреса, номера телефона и других личных данных. Стоит помнить, что при регистрации практически на всех ресурсах (от социальных сетей и почтовых ящиков до мессенджеров) IP-адрес и страна/город зарегистрировавшего записываются в базу данных и хранятся там неограниченное количество времени. Делается это для разных целей, например для настройки профиля и рекламного таргетинга. И даже такая мелочь вроде регистрации почтового ящика Gmail без VPN в будущем может послужить звеном для деанонимизации.

Предлагаем небольшой список проверенных VPN-сервисов:

1. Private Internet Access.
2. Express VPN.
3. Planet Free VPN.
4. PureVPN.
5. HideMy.Name.

Однако стоит обратить внимание, что эти VPN-сервисы могут перестать работать на территории России, т. к. Роскомнадзор проводит меры по блокировке VPN-провайдеров. Причем блокируются протоколы, что делает обход блокирующих мер довольно сложным занятием.

Данные VPN-сервисы платные, но их можно оплатить Qiwi-кошельком, а также криптовалютой. Также у некоторых имеется возможность оплаты российскими банковскими картами. Но предпочтительным вариантом является все же оплата через криптовалюту.

Также для OSINT лучше всего использовать отдельный браузер. Это позволит установить необходимые расширения, создать закладки необходимых сайтов, а также обеспечить анонимность.

Самое неверное решение — использовать для работы и личной жизни один браузер. Так называемые «отпечатки браузера»¹ позволяют узнать о владельце очень много разной информации.

¹ Подробнее про отпечатки браузера см. на URL: <https://habr.com/ru/companies/selectel/articles/521550/>.

В качестве второго браузера можно использовать любой, но самыми удобными являются «Яндекс.Браузер» (имеется встроенный переводчик, удобное табло) и Opera GX. Также существует браузер на основе Firefox, созданный специально для OSINT, — Venator.

Venator — многофункциональный браузер для OSINT, который ориентирован на использование в СНГ, особое внимание уделяется приватности

и безопасности. Интерфейс браузера включает в себя дополнительные панели для быстрого перехода к поисковым системам и OSINT-ресурсам. Актуальная версия браузера распространяется только через Telegram-канал разработчика (URL: <https://t.me/venatorbrowser>).

Так выглядит окно браузера при запуске. Сразу можно увидеть обилие вкладок в верхней части. Это и есть инструменты, полезные для OSINT.

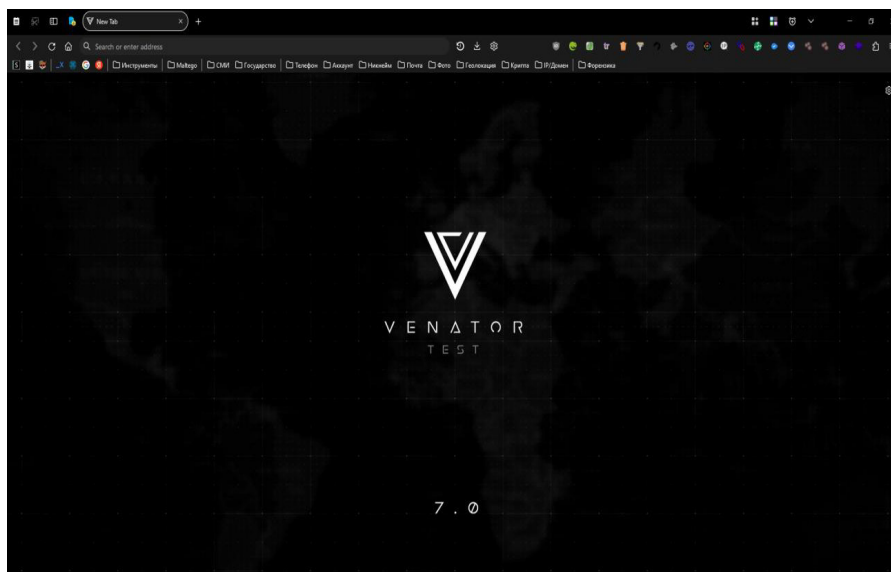

Рисунок 1. Главное окно «Venator»

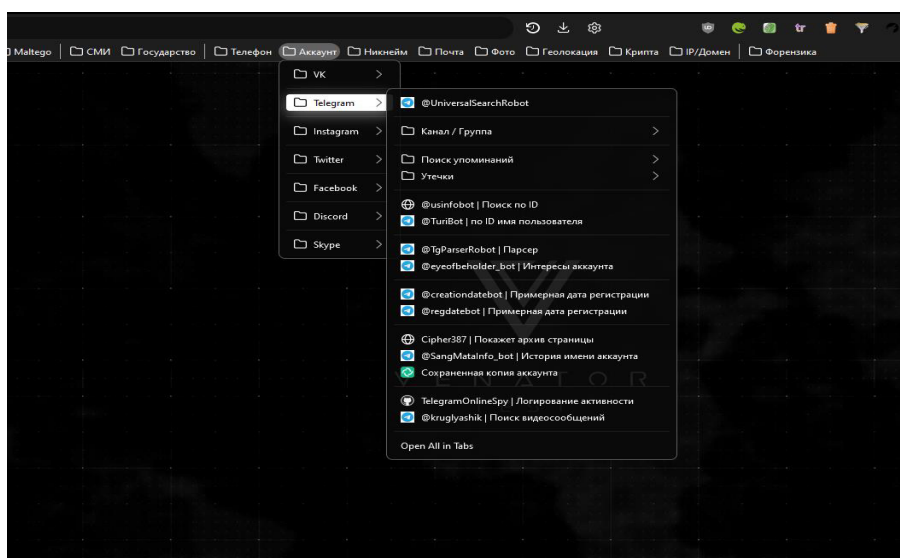
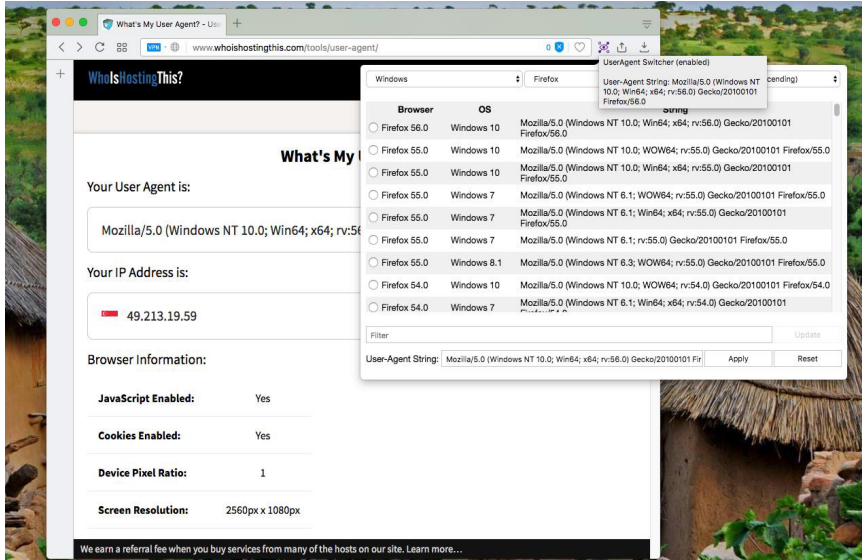

Рисунок 2. Обзор встроенных модулей «Venator»

Также для браузеров существуют полезные плагины, причем некоторые могут помочь с анонимностью в сети Интернет.

Например, User-Agent Switcher and Manager — один из самых полезных плагинов для сохранения

анонимности. Он способен подменять «отпечатки браузера». Благодаря этому отследить пользователя и его интересы через браузер практически невозможно. В связке с VPN очень сильный инструмент для обеспечения анонимности в сети.

Рисунок 3. Плагин «User-Agent Switcher and Manager»

Собирая данные по открытым источникам о личности преступника, необходимо определить ключевые маркеры поиска, они будут зависеть от целей анализа и желаемого результата поиска, также нужно помнить о геометках и поиске по изображениям.

Приведем примеры основных маркеров, которые можно использовать, собирая данные по физическому лицу:

- аккаунты в социальных сетях, проявление активности, на что существенно влияют возраст, сфера деятельности;
- публикации, репосты, размещаемый фото- и видеоконтент, включая фото профиля (-ей);
- друзья в социальных сетях, лайки, сфера интересов (участие в сообществах, пабликах), владение какой-либо собственностью;
- участие в деятельности юридических лиц, места учебы, работы, включая государственный сектор;
- связи с лицами, потенциально представляющими интерес для правоохранительных органов (в зависимости от решаемого кейса), родственные связи, аффилированность;
- анализ дополнительной информации: финансовых реквизитов, перемещений (включая парковочные сессии), различной сетевой активности (продажа товаров, оказание и предоставление услуг и т. д.), участие в конференциях, форумах и т. д.

Сотрудникам правоохранительных органов, полагаем, необходимо изучать информацию о личности, содержащуюся в его аккаунтах в социальных сетях. Ведь визуализация его профиля в таких социальных сетях, как «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram (принадлежат Meta, которая признана в России экстремистской и запрещена), «Дзен», Yarru, Anon и др., позволит сделать вывод о его интересах, увлечениях, мировоззрении, круге общения [11, с. 37].

«ВКонтакте» — очень популярная социальная сеть с широким функционалом. Люди, зарегистрированные в «ВКонтакте», имеют возможность публиковать текстовые посты, опросы и истории, фотографии и видеозаписи, слушать музыку. Публикации могут быть комплексными, есть возможность их комментировать и ставить лайки [12].

Для изучения информации о личности в «ВКонтакте» рекомендуем создать отдельный аккаунт, который необходимо зарегистрировать на купленный виртуальный номер телефона или новую электронную почту, не забыв включить при регистрации VPN. Далее необходимо заполнить некоторую «личную» фейковую информацию, для этого можно воспользоваться сервисами по генерации личности.

Генераторы личности — это инструмент, который поможет создать правдоподобную фейковую личность.

Приведем примеры некоторых генераторов личности.

Randus.org — сайт, на котором можно сгенерировать Ф.И.О., дату рождения, адрес, телефон, а также можно сразу получить адрес временной электронной почты для регистрации аккаунта [13]

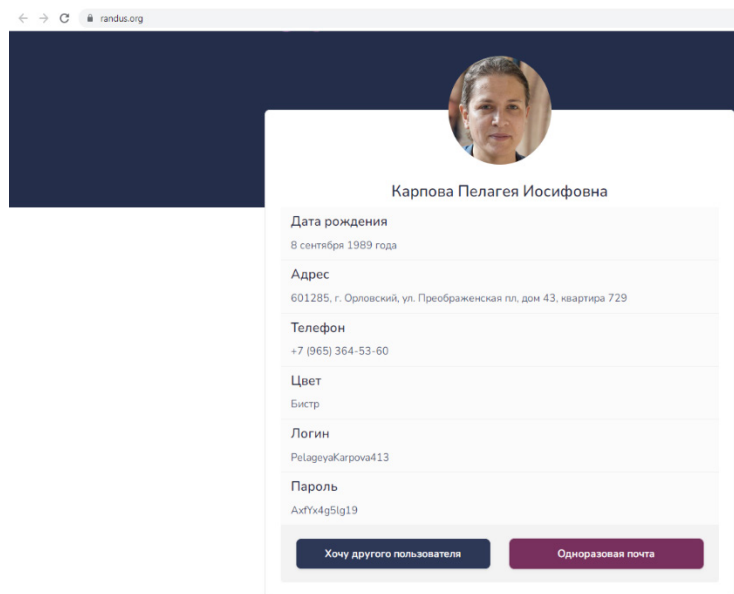

Рисунок 4. Сайт «Randus.org», генерация личности

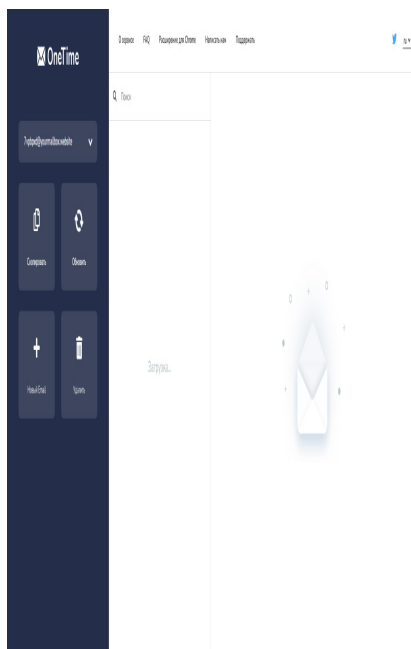

Рисунок 5. Генерация электронной почты

Randomdatatools.ru генерируют не только Ф.И.О., дату рождения, но и информацию об об-

разовании, паспортных данных и других документах, личном автомобиле и др. [14].

Рисунок 6. Сайт Randomdatatools.ru

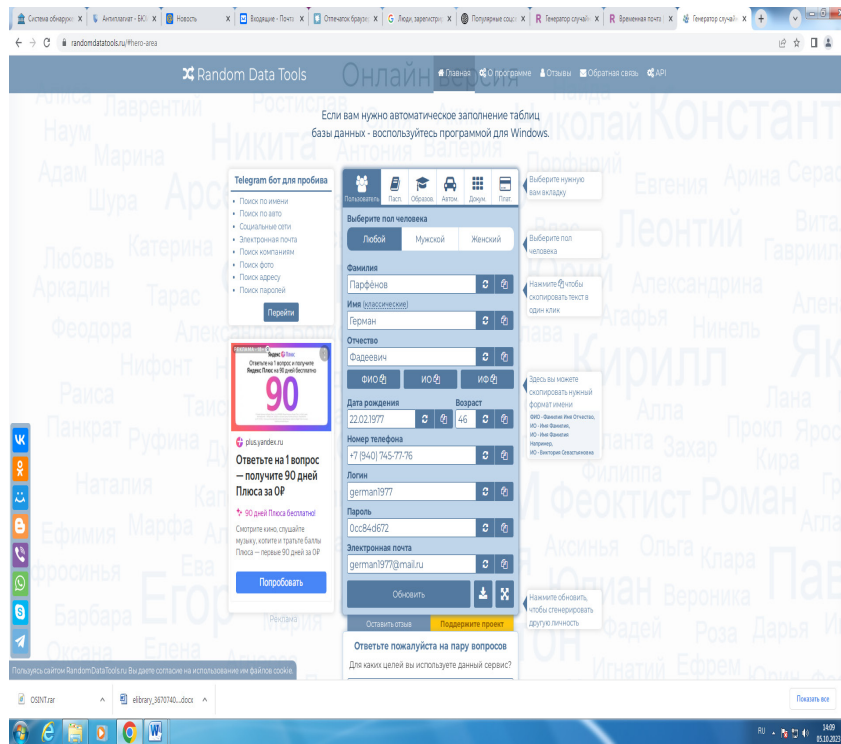

Рисунок 7. Генерация личности

Рекомендуем сохранять сгенерированную информацию. Это поможет при необходимости восстановить доступ к социальным сетям. Также можно использовать одну и ту же личность для нескольких социальных сетей, почты, мессенджеров и т. д., чтобы добавить еще большей правдоподобности созданной личности.

Подводя итог вышеизложенному, считаем, что:

1. Изучение личности преступника имеет важное значение при производстве по уголовному делу. Данные о свойствах личности помогают правоохранительным органам выбрать направление

расследования, поиска следов, средств совершения преступления, определения тактики производства следственных действий, установления характера противоправной деятельности [15, с. 12].

2. Сотрудникам правоохранительных органов при изучении личности преступника необходимо применять в своей профессиональной деятельности приемы и методы OSINT. Так как благодаря поиску по открытым источникам можно получить криминалистически значимую информацию ориентирующего характера, которая может быть использована для выдвижения версий, определения

направлений расследования, планирования следственного действия, прогнозирования возможной линии поведения участников уголовного процесса и возможного противодействия расследованию [10, с. 135].

3. Министерству внутренних дел Российской Федерации необходимо своевременно организовывать для сотрудников территориальных органов внутренних дел обучающие практические семина-

ры, на которых рассказывать о возможностях поиска по открытым источникам.

Таким образом, сотрудникам правоохранительных органов необходимо качественно изучать личность преступника, особенно при подготовке к производству следственного или процессуального действия, в т. ч. используя современные возможности поиска по открытым источникам, что способствует оптимизации расследования преступлений.

Список источников

1. Поврезнюк Г. И. Теория и практика криминалистического установления личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
2. Дяблова Ю. Л. Учение о личности в общей теории криминалистики // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: мат-лы международной научно-практ. интернет-конференции. Иркутск: БГУЭП, 2012.
3. Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования преступлений. М., 1971.
4. Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973.
5. Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978.
6. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973.
7. Темникова О. С. Криминалистические проблемы изучения личности преступника // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 9. С. 106–108.
8. Романюк Д. А. Совершенствование деятельности по изучению личности преступника с целью раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Вестник Полоцкого государственного ун-та. Серия D: Экономические и юридические науки. 2013. № 14. С. 181–185.
9. Князьков А. С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н. Т. Ведерникова. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008.
10. Янгаева М. О., Павленко Н. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 135–135.
11. Янгаева М. О. Основы методики расследования нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 264.1 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020.
12. GeekBrains Популярныe соцсети: что изменилось в 2023 году. URL: <https://gb.ru/blog/populyarnye-sotsseti/> (дата обращения: 05.10.2023).
13. Randus.org. URL: <https://randus.org/> (дата обращения: 05.10.2023).
14. Randomdatatools.ru. URL: <https://randomdatatools.ru/> (дата обращения: 05.10.2023).
15. Жбанков В. А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

References

1. Povreznyuk G. I. Teoriya i praktika kriminalisticheskogo ustanovleniya lichnosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2006.
2. Dyablova Yu. L. Uchenie o lichnosti v obshchej teorii kriminalistiki // Uголовно-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. internet-konferencii. Irkutsk: BGUEP, 2012.
3. Krivosheev A. S. Izuchenie lichnosti obvinyaemogo v processe rassledovaniya prestuplenij. M., 1971.
4. Cvetkov P. P. Issledovanie lichnosti obvinyaemogo. L., 1973.
5. Vedernikov N. T. Lichnost' obvinyaemogo i podsudimogo. Tomsk, 1978.
6. Glazyrin F. V. Izuchenie lichnosti obvinyaemogo i taktika sledstvennyh dejstvij. Sverdlovsk, 1973.
7. Temnikova O. S. Kriminalisticheskie problemy izucheniya lichnosti prestupnika // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2012. № 9. S. 106–108.

8. Romanyuk D. A. Sovershenstvovanie deyatelnosti po izucheniyu lichnosti prestupnika s cel'yu raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij proshlyh let // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya D: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. № 14. S. 181–185.

9. Knyaz'kov A. S. Kriminalistika: kurs lekcij / pod red. prof. N. T. Vedernikova. Tomsk: Izd-vo «TML-Press», 2008.

10. Yangaeva M. O., Pavlenko N. O. OSINT. Poluchenie kriminalisticheskoi znachimoi informacii iz seti Internet // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 2 (38). S. 135–135.

11. Yangaeva M. O. Osnovy metodiki rassledovaniya narushenij pravil dorozhnogo dvizheniya licom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu (stat'ya 264.1 UK RF): dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2020.

12. GeekBrains Populyarnye socseti: chto izmenilos' v 2023 godu. URL: <https://gb.ru/blog/populyarnye-sotsseti/> (data obrashcheniya: 05.10.2023).

13. Randus.org. URL: <https://randus.org/> (data obrashcheniya: 05.10.2023).

14. Randomdatatools.ru. URL: <https://randomdatatools.ru/> (data obrashcheniya: 05.10.2023).

15. Zhbankov V. A. Konceptual'nye osnovy ustanovleniya lichnosti prestupnika v kriminalistike: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1995.

Информация об авторе

М. О. Янгаева — кандидат юридических наук.

Information about the author

M. O. Yangaeva — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 06.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.